

УКРАИНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
КИЕВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

А. Покровский

Очерки православно – христианского нравоучения

Курс 8 класса гимназий

Сканирование и создание электронного варианта:
Библиотека Киевской Духовной Академии
(www.lib.kdais.kiev.ua)

Киев
2012

Подготовлено для онлайн библиотеки Киевской Духовной Академии и Семинарии
http://Lib.kdais.kiev.ua

~~A-600~~
6088.

ОЧЕРКИ ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКАГО ПРАВОУЧЕНИЯ.

Курсъ VIII-го класса гимназій.

Составилъ преподаватель Самарской Духовной Семинарии
А. ПОКРОВСКІЙ

БИБЛИОТЕКА
Одес. Дух. Семинарии
Стд. XII 478
Л 48 15.109

САМАРА.
Типо-Литографія Г. В. Сербулова.
1892.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва.
Января 16 дня 1892 года.
Цензоръ Священникъ Григорій Дьяченко.

О законѣ Христовомъ. Необходимость его при законѣ естественномъ и превосходство предъ всякимъ положительнымъ.

О побужденіяхъ къ исполненію нравственнаго закона Божія.

О нравственномъ вмѣненіи. Понятіе о немъ. Власть вмѣняющая; условія вмѣненія; предметъ его. Невмѣняемость.

О добродѣтели христіанской. Свойства христіанской добродѣтели; ея важность и необходимость; ея превосходство предъ языческою.

Благодать и свобода.

О грѣхѣхъ. Грѣховность, увлеченіе, слабость, пороки. Всепрошеніе Божіе, подъ условіемъ исправленія со стороны грѣшника.

Обязанности къ храмамъ Божіимъ. Почитаніе храма и Святынь его: Креста, Евангелія, Иконъ, Мощей. Противоположность иконопочитанія идолопоклоненію. Благоприличное поведеніе въ храмѣ. Крестное знаменіе и поклоны земные, поясные. Почитаніе праздниковъ Праздничный покой и праздность. Соблюденіе постовъ и ихъ значеніе.

Обязанности христіанина къ самому себѣ. Самообразование въ духѣ Православія. Попеченіе о чистотѣ совѣсти.

Здоровье, какъ предметъ заботы. Поведеніе христіанина во время болѣзни. Преступность самоубійства.

Взглядъ православнаго на внѣшнее благополучіе и на удовольствія.

Мужество въ несчастіяхъ. Доброе имя. Предосторожность отъ честолюбія и любостяжанія.

Обязанности въ отношеніи къ ближнимъ. Любовь къ ближнимъ. Миролюбіе, учтивость и привѣтливость, честность, правдивость; преступность лжи, готовность творить добро ближнему; перенесеніе обидъ. Мщеніе, какъ порокъ. Поединокъ.

Обязанности христіанина по отношенію къ духовнымъ лицамъ, родителямъ, начальникамъ и ко всеѣмъ старшимъ.

Любовь православнаго къ своему отечеству, требующая жертвъ и самоотверженія. Космополитизмъ.

Власть верховная, ея важность и права.

Обязанности подданныхъ къ своему Государю. Вѣрно-подданническая присяга.

Состояніе семейное. Святость супружескаго союза. Воспитаніе дѣтей въ духѣ Православной вѣры.

Обязанность православнаго во всеѣхъ обстоятельствахъ жизни и въ затрудненіяхъ руководиться ученіемъ Св. Писанія и Св. Церкви.

94

О ЗАКОНѢ ХРИСТОВОМЪ.

Необходимость его при законѣ естественномъ и превосходство предъ всякимъ положительнымъ.

Подъ именемъ закона Христова или Евангельскаго разумѣется тотъ законъ, который возвѣщенъ намъ Самимъ Иисусомъ Христомъ (Мтѣ. 4, 17, 23; 9, 35; Евр. 1, 2) и проповѣданъ всему міру Его св. Апостолами (Марк. 1, 14—15; Римл. 1, 14—16; 10, 18). Законъ этотъ обнимаетъ собою все существо христіанской религіи и главнымъ предметомъ своимъ имѣетъ евангеліе Царствія (Марк. 1, 14, 15) или ученіе о спасеніи человѣческаго рода чрезъ единороднаго Сына Божія, І. Христа (Дѣян. 4 12; 10, 43; 1 Тим. 2, 5, 6). Онъ состоитъ изъ двухъ частей: закона вѣры и закона дѣятельности (Мтѣ. 28, 19, 20; Римл. 3, 27; Галат. 6, 2). Сущность закона вѣры можно видѣть въ слѣдующихъ словахъ Самого Спасителя: *такъ возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего единороднаго далъ есть, да всякъ вѣрующій въ Онъ не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. 3, 16), или: *Се есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебе единаго истиннаго Бога, и Его же послалъ еси, Іисусъ Христа* (Іоан. 17, 3). По смыслу этихъ словъ, для спасенія человѣка существенно необходима съ его стороны а) вѣра въ Бога, единаго по существу и троичнаго въ лицахъ, въ Его безконечную любовь къ роду человѣческому и б) вѣра въ Него Самого, какъ нашего Спасителя, по неизреченной любви Своей искупившаго насъ отъ грѣха, проклятія и смерти.

Проявление Богомъ такой неизреченной любви къ человѣку требовало и со стороны человѣка подобной же любви къ Богу и ко всему тому, что носить въ себѣ образъ Божій. Но такъ какъ человѣкъ, до искупленія его Иисусомъ Христомъ, любилъ больше себя самого, работалъ грѣху, своимъ порочнымъ наклонностямъ и страстямъ, то ему необходимо было прежде всего отвергнуть, исторгнуть изъ себя эту грѣховную любовь и воспринять и возрастить въ себѣ сѣмя новой любви, святой и живительной, любви къ Богу и ближнему. По этому Иисусъ Христосъ ^{сущность закона дѣятельности} ~~и~~ ^{Господь и Спаситель} выразилъ въ двухъ главныхъ заповѣдяхъ: а) въ заповѣди о самоотверженіи: *иже хочетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ* (Марк. 8, 34) и б) въ заповѣди о любви къ Богу и ближнему: *Возлюбими Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всею мыслію твоею... и искреняго твоего, яко самъ себе* (Мтѣ. 22, 37—40).

Первая заповѣдь, очевидно, цѣлію своею имѣетъ искорененіе въ насъ самаго начала всякаго грѣха—гордости и самолюбія (Сир. 10, 15). Вторая же имѣетъ цѣлію укоренить въ насъ, вмѣсто прежней, грѣховной, сѣмя новой жизни, святой и Богоугодной (Іоан. 13, 34) и воссоединить насъ съ Богомъ (Іоан. 17, 21; Мтѣ. 5, 48).

При этомъ любовь къ Богу Иисусъ Христосъ поставляетъ самую первую и главную обязанностію. Это, конечно, такъ и должно быть какъ потому, что предметъ этой любви Богъ—высочайшее и совершеннѣйшее Существо, ни съ чѣмъ несравнимое, такъ и потому, что Онъ прежде проявилъ къ намъ самимъ такую неизреченную любовь, что не пощадилъ для насъ Сына Своего единороднаго, но предалъ Его на смерть, чтобы спасти насъ.

Но любя Бога, прежде всего и больше всего, человѣкъ вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ любить и своихъ ближ-

нихъ. Любовь къ ближнимъ является какъ-бы раскрытіемъ, восполненіемъ и доказательствомъ нашей любви къ Богу. *Потому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, говоритъ Иисусъ Христосъ, если будете имѣть любовь, между собою* (Іоан. 13, 35). *И вотъ такая заповѣдь Моя, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ. Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ* (Іоан. 15, 12—13). И наоборотъ, ненависть къ ближнимъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ ясное доказательство и нелюбви къ Богу. Св. ап. Іоаннъ говоритъ объ этомъ такъ: *„Кто говоритъ: я люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, тотъ лжецъ: ибо не любящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, Котораго не видитъ. И мы имѣемъ отъ Него (І. Хр.) такую заповѣдь, чтобы любящій Бога любилъ и брата своего* (І Іоан. 4, 20—21). Точно также говорили объ этомъ и другіе Апостолы (Іак. 2, 8; Римл. 13, 8—10; Гал. 5, 14; Кол. 3, 14; І Кор. 13, 1—3).

Нельзя любить Бога или Открывеніе при законѣ естествознания.

Въ законѣ Христовомъ во всей полнотѣ и совершенствѣ открывается намъ воля Божія. Но человѣкъ и помимо этого закона можетъ познавать волю Божию, именно, посредствомъ закона естественнаго, внутренняго. Подъ именемъ естественнаго нравственнаго закона разумѣется тотъ законъ, который находится въ глубинѣ нашей души и показываетъ человѣку, что добро и что зло, что онъ долженъ дѣлать и чего долженъ удалиться, и за совершеніе добра награждаетъ, одобряетъ, а за совершеніе зла наказываетъ, осуждаетъ. О существованіи въ насъ этого закона говоритъ каждому его собственное сознаніе. По свидѣтельству Слова Божія, законъ этотъ написанъ на сердцахъ нашихъ, такъ что язычники, не имѣющіе закона откровеннаго, имѣютъ этотъ естественный законъ: *Языцы, неимуще закона, говоритъ Ап. Павель, естествомъ законная творятъ,*

си, закона немоще, сами себѣ суть законъ: иже являютъ дѣло законное, написанное въ сердцахъ своихъ“ (Римл. 2, 14—15). Высочайшій авторитетъ и безусловная независимость его показываютъ, что онъ не земнаго, а Божественнаго происхожденія.)

Носительницею и выразительницею естественнаго нравственнаго закона является совѣсть, которая, возвѣщая намъ о нравственномъ законѣ, побуждаетъ къ исполненію этого закона и предохраняетъ отъ его нарушенія; она же раскрываетъ предъ нами нашу нравственную жизнь и дѣятельность и, сравнивая ее съ требованіями нравственнаго закона, свидѣтельствуетъ о согласіи или несогласіи ея съ этими требованіями. Такимъ образомъ она является руководительнымъ нравственнымъ началомъ въ нашей жизни и дѣятельности (Римл. 2, 14—15). И кто во всемъ повинуется ея руководящему, тотъ въ самомъ себѣ носитъ источникъ счастья и блаженства: онъ наслаждается душевнымъ спокойствіемъ даже въ такія страшныя минуты, какъ приближеніе смерти. Но за то въ душѣ того, кто противорѣчитъ ея внушеніямъ, она въ состояніи бываетъ поднять такую тревогу, такое смятеніе, что человѣкъ, какъ говорится, не находитъ себѣ мѣста, никуда не можетъ убѣжать и скрыться отъ угрызений совѣсти. Примѣръ этого мы видимъ въ Каинѣ, убившемъ брата своего Авеля.)

Но этотъ естественный нравственный законъ, возвѣщаемый въ нашей совѣсти, хотя, самъ по себѣ, вполне годенъ и достаточенъ для той цѣли, къ которой онъ предназначенъ (Рим. 1, 19—20); но разсматриваемый въ отношеніи къ людямъ, въ сердцахъ которыхъ онъ написанъ, вслѣдствіе омраченія сердецъ людей (Рим. 1, 21), вслѣдствіе вообще нравственнаго ихъ развращенія, послѣ грѣхопаденія, оказывается недостаточнымъ для того, чтобы, при руководствѣ его, человѣкъ могъ достигнуть нравственнаго

совершенства и своего назначенія. Эта недостаточность открывается изъ того, что падшій человѣкъ, подъ руководствомъ этого закона, неясно представляетъ себѣ волю Божию, а потому не можетъ и оцѣнить нравственной жизни и дѣятельности, согласна она съ нравственнымъ закономъ или несогласна. Нравственный законъ предписываетъ намъ только общія правила, примѣненіе которыхъ къ частнымъ случаямъ жизни остается на долю нашего слабаго и невѣрнаго разума, помраченной совѣсти, нечистой и злой воли, стремящейся болѣе ко злу, чѣмъ къ добру; а потому человѣкъ, хотя и желаетъ добра, стремится къ нему, но, не зная его, творитъ не то, что хочетъ—доброе, а что ненавидитъ—злое, то и содѣлываетъ (Рим. 7, 14, 15, 18, 19). Кромѣ того, естественный нравственный законъ не можетъ указать намъ дѣйствительныхъ средствъ къ заглаженію грѣховъ нашихъ и къ примиренію съ Богомъ, и такимъ образомъ оставляетъ людей быть чадами гнѣва Божія (Евр. 10, 4, 11; Еф. 2, 3). Находясь въ такомъ жалкомъ состояніи, каждый, вмѣстѣ съ Ап. Павломъ, долженъ сказать: *Окаяненъ азъ человекъ: кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сего.* (Рим. 7, 22—24).

Если такимъ образомъ естественный нравственный законъ оказывается недостаточнымъ для падшаго человека, въ дѣлѣ руководства его къ нравственному совершенству и спасенію, если онъ является затемненнымъ въ нашемъ разумѣ и совѣсти, то необходимъ другой источникъ свѣта, который бы освѣтилъ и уяснилъ этотъ внутренний законъ, восполнилъ бы и усилилъ его. Этой нуждѣ падшаго человека и удовлетворилъ всеблагій Богъ, даровавъ въ помощь внутреннему, естественному закону еще внѣшній откровенный, который во всей полнотѣ и совершенствѣ раскрылъ и уяснилъ намъ Іисусъ Христосъ.

Но для того, чтобы люди могли принять и усвоить себѣ

этотъ совершеннѣйшій законъ Христовъ, нужно было предварительно приготовить ихъ къ этому. По этому всеблагій Богъ, снисходя къ немощи людей, прежде даетъ имъ чрезъ прор. Моисея ветхозавѣтный законъ, который, по словамъ Апостола, *былъ нѣстуномъ намъ во Христа* (Гал. 3, 24). При этомъ и въ ветхомъ завѣтѣ откровенныя истины сообщаемы были людямъ не вдругъ, а постепенно, приспособительно къ степени ихъ пониманія. Апостоль Павелъ говоритъ: *многочастнѣ и многообразнѣ древле Богъ, глаголавый отцемъ во пророцѣхъ, въ послѣднокъ днѣхъ сихъ глагола въ Сынъ* (Евр. 1, 1). Не сразу и не сполна Богъ открывалъ людямъ чрезъ пророковъ свою истину, а по частямъ, и не прямо или непосредственно, а во многихъ образахъ, но открывалъ не иную какую либо, а ту-же самую неизмѣнную истину, которую во всей полнотѣ принесъ на землю Сынъ Божій. Для чего же это дѣлалось? „Домостроитель нашего спасенія“, отвѣтимъ на это словами св. Василія великаго, „вводитъ насъ, подобно глазу человѣка, выросшаго во тьмѣ, въ великій свѣтъ истины, послѣ постепеннаго къ нему приученія, потому что шадить нашу немощь. Въ глубинѣ богатства своей премудрости... предначерталъ Онъ для насъ это легкое и къ намъ примѣнимое руководство, приучая сперва видѣть тѣни предметовъ и въ водѣ смотрѣть на солнце, чтобы, приступивъ вдругъ къ зрѣнію чистаго свѣта, мы не омрачились. На этомъ-то основаніи и придуманъ законъ, *илый стнъ грядущихъ* (Евр. 10, 1) и предображенія у пророковъ . . . , чтобы удобнымъ для насъ сдѣлался переходъ отъ нихъ къ премудрости, въ тайнѣ сокровенной“ (О Свят. Духѣ. гл. 14).

Этотъ ветхозавѣтный законъ по существу своему ничѣмъ не отличается отъ внутренняго естественнаго закона, написаннаго въ сердцахъ людей, иначе: это тотъ же внутренній законъ, врожденный человѣку, только из-

ложенный письменно (Втор. 30, 11—14). Въ этомъ законѣ требованія воли Божіей предлагаются весьма ясно и положительно, а вслѣдствіе этого въ немъ, какъ въ правильномъ зеркалѣ весьма ясно отражается и наше внутреннее состояніе, наша нравственная жизнь, согласная или несогласная съ нравственнымъ закономъ. Сущность содержанія его заключается въ 10-ти заповѣдяхъ. Законъ этотъ предназначенъ былъ только для іудеевъ, чтобы приготовить ихъ, какъ избранный народъ Божій, къ принятію Спасителя и къ усвоенію Его возвышеннаго ученія. Имѣя въ своемъ основаніи любовь къ Богу; коренящуюся во внутреннемъ существѣ человѣка, требованія этого закона направляются болѣе на внѣшнюю сторону жизни человѣка, чѣмъ на внутреннюю; потому что еврейскій народъ, какъ грубый и неразвитой, не могъ сразу возвыситься до духовнаго пониманія закона. Въ общемъ начертаніи своемъ онъ обнимаетъ всю жизнь человѣка во всѣхъ отношеніяхъ его жизни и дѣятельности. Начинаясь словами: „*Азъ есмь Господь Богъ твой*“, законъ именемъ Бога возвѣщаетъ благословеніе за исполненіе закона и проклятіе за его нарушеніе. Даже и самое внѣшнее возвѣщеніе его, среди грома и молніи, ясно свидѣтельствовало всѣмъ и каждому величіе и силу повелѣнія Господня: „ты долженъ“ или „ты не долженъ“. Такими строгими предписаніями законъ Моисеевъ поставлялъ ветхозавѣтнаго человѣка въ противорѣчіе между собою и авторитетомъ. Человѣкъ сознавалъ всю силу и величіе закона и въ то-же время сознавалъ также, что онъ не въ состояніи исполнить требованій этого закона, при своей испорченной и поврежденной грѣхомъ природѣ. При такомъ сознаніи, человѣкъ, естественно, чувствуетъ нужду въ избавленіи себя отъ такого тягостнаго состоянія, сильнѣе желаетъ Божественной помощи, и потому охотнѣе принимаетъ ее, когда она ему подается. И та-

Подготовлено для онлайн библиотеки Киевской Духовной Академии и Семинарии
http://Lib.kdais.kiev.ua

кимъ вотъ образомъ законъ Моисеевъ постепенно приготавливалъ народъ іудейскій къ принятію Мессіи: вызывалъ въ немъ сокрушеніе о грѣхахъ, сознаніе своей немощи къ восстановленію себя изъ грѣховнаго состоянія и желаніе для этого Божественной помощи. При этомъ, наряду съ такими требованіями и предписаніями закона, въ немъ всюду—обѣтованія грядущихъ благъ, вездѣ „сѣнь“ указывала на самый образъ вещей—І. Христа, Спасителя мра. Въ этомъ отношеніи ветхозавѣтный законъ и былъ *поступомъ намъ во Христа* (Гал. 3, 24).

свѣдѣнія Евангелия о ученіи Христа

Иисусъ Христосъ, возвѣстивъ новый законъ, не отмѣнилъ древняго нравственнаго закона Моисеева. Напротивъ, о Себѣ Онъ такъ говоритъ: „*Не приидохъ разорити законъ, но исполнити*“ (Мѡ. 5, 17). Внѣшая своимъ послѣдователямъ любовь къ Богу и ближнему, какъ главныя христіанскія заповѣди, І. Христосъ присовокупляетъ, что на этихъ двухъ заповѣдяхъ утверждается весь законъ и пророки (Мѡ. 22, 40). Ясно, что ученіе Иисуса Христа по существу одно и тоже съ ученіемъ ветхозавѣтнаго нравственнаго закона. По этому, во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось нравственной жизни людей, Иисусъ Христосъ указывалъ въ заповѣдяхъ ветхозавѣтнаго закона неизмѣнное руководство и условіе спасенія и наслѣдія жизни вѣчной: *аще ли хочещи внити въ животъ, соблюди заповѣди .. кія? не убій, не прелюбы сотвориши, не украдещи* (Мѡ 19, 17—19). Св. Апостолы называли ветхозавѣтный законъ *святымъ, и заповѣди его—святыми, праведными и благими* (Рим. 7, 12). Но, придавая всю важность и значеніе ветхозавѣтному нравственному закону и ограждая его неприкосновенность, Самъ Иисусъ Христосъ не только отдаетъ новому евангельскому закону внутреннее преимущество предъ закономъ древнимъ, но и положительно вмѣняетъ христіанину руководиться въ жизни закономъ евангельскимъ,

и заповѣди ветхаго завета исполнять въ духѣ закона Христова (Мѡ. Гл. 5—8). Это потому, что евангельскій законъ гораздо полнѣе, возвышеннѣе и совершеннѣе закона Моисеева. Такъ, наприм., хотя какъ въ законѣ Моисеевомъ, такъ и въ законѣ евангельскомъ главнымъ началомъ нравственности признается любовь, тѣмъ не менѣе, соответственно главной цѣли ветхозавѣтнаго откровенія—воспитать и приготовить израильскій народъ къ воспріятію высшаго откровенія, нравственный законъ его внушалъ израильтянамъ преимущественно любовь другъ къ другу, не распространяя безусловно обязательнаго требованія такой любви на все человѣчество. *) Законъ Моисеевъ, какъ данный одному народу израильскому, и приспособленъ былъ къ нравственному состоянію этого народа, къ его жестокосердію (Мтѡ. 19, 8). Законъ евангельскій назначается въ руководство къ высшему совершенству для всѣхъ народовъ земли, имѣющихъ постепенно войти въ благодатное Царство Христово (Мтѡ. 28, 19, 20), и на всѣ времена, и есть законъ вѣчный (Евр. 10, 3, 12 14; 13, 20). Законъ Моисеевъ былъ немощенъ къ исправленію человѣка; онъ показывалъ человѣку его грѣховность, но не давалъ силъ къ исполненію его предписаній и не могъ оправдывать грѣшниковъ (Рим. 3, 20; Галат. 3, 11, 21). Законъ Евангельскій есть сила Божія во спасеніе всякому вѣрующему (Рим. 1, 16; Дѣян. 4, 12). Онъ возвѣщаетъ прощеніе

*) Этого требовала, впрочемъ, постепенность воспитанія. Ибо прежде чѣмъ предписывать высшія правила о всеобщей любви людей другъ къ другу, о всеобщемъ братствѣ и равенствѣ, целесообразнѣе было насадить, развить и укрѣпить эти правила среди іудеевъ въ ихъ отношеніяхъ къ своимъ собратіямъ, связаннымъ между собою узами родства, религіи и историческимъ судебъ жизни. Безъ сомнѣнія цѣль ветхозавѣтнаго откровенія не была цѣлью узко-національною, исключительно: чрезъ посредство израильскаго народа и другіе народы должны были воспринимать высшія начала нравственности и совершенствоваться въ своемъ

грѣховъ и отъемлетъ древнее проклятіе (Лук. 24, 47; Дѣян. 13, 38—39; Гал. 3, 10—13). Онъ облегчаетъ для насъ исполненіе закона силою открывшейся благодати (Іоан. 15, 4—5; 2 Петр. 1, 3), примѣромъ совершеннѣйшей жизни Христовой (Евр. 7, 26), учрежденіемъ Церкви (Мтѣ. 16, 18; Дѣян. 20, 28; Еф. 4, 11—13) и въ ней спасительныхъ таинствъ (Дѣян. 22, 28; Тит. 3, 5—7). Законъ Моисеевъ, котораго никто не могъ исполнить естественными силами, всѣхъ заключалъ подъ проклятіе (Гал. 3, 10) и лишалъ всякой надежды на жизнь вѣчную, и потому былъ *письменемъ убивающимъ* (2 Кор. 3, 6). Законъ евангельскій, исполненіе котораго, при помощи Божіей благодати, удобно и легко, утѣшаетъ вѣрующихъ надеждою вѣчной жизни, небеснаго царства, и потому есть *законъ духа жизни* (Рим. 3, 2). Наконецъ, побуждая человѣка къ исполненію заповѣдей обѣщаніемъ благъ временныхъ или страхомъ наказанія, гнѣва и проклятія (Исх. 20, 5, 6, 12; Втор. 27, 26 и гл. 28), законъ Моисеевъ дѣлалъ своихъ послѣдователей боязливыми и лукавыми рабами, а потому самъ называется *духомъ работы* (Рим. 8, 15) и *игломъ работы* (Гал. 5, 1). Законъ евангельскій, побуждая людей къ исполненію своихъ требованій обѣщаніемъ благъ духовныхъ, высшихъ (Мтѣ. 5, 3—12, 19; 19, 23; 25, 34) и особенно любовью (Іоан. 14, 15, 21, 23; 15, 9, 12—17; 3, 16, 17;) Іоан. 4, 7—11), образуетъ изъ нихъ свободныхъ чадъ Отца небеснаго и есть законъ *свободы* (Іак. 1, 25) и *сыноположенія* (Рим. 8, 15; Гал. 4, 7; Іоан. 1, 12).

Чтобы еще яснѣе видѣть, какъ высоко и глубоко

нравственномъ бытіи. Тѣмъ не менѣе объединеніе всего человѣчества въ духъ любви не входило въ кругъ специальныхъ задачъ ветхозавѣднаго откровенія. Эта задача разсматривалась въ немъ какъ великое дѣло новозавѣтнаго откровенія.

нравственное ученіе І. Христа, возвѣщаемое имъ въ евангельскомъ законѣ, необходимо обратить вниманіе на Его ученіе о блаженствѣ, которое составляетъ сущность и основу всего христіанскаго правоученія. Въ немъ указанъ высшій идеаль нравственнаго совершенства человѣка и путь къ достиженію этого идеала. Если ветхозавѣтный законъ обращалъ больше вниманія на внѣшнюю сторону жизни человѣка и опредѣлялъ почти каждый шагъ его жизни и дѣятельности, то Іисусъ Христосъ, какъ совершеннѣйшій Законодатель, въ своихъ изреченіяхъ о блаженствѣ начертываетъ такой идеаль нравственной жизни, предлагаетъ такіа нравственныя правила, которыми преимущественно упорядочивается внутренняя жизнь человѣка, а внѣшняя его жизнь и дѣятельность является необходимымъ слѣдствіемъ внутренней жизни. И если ветхозавѣтный законъ своими строгими предписаніями поставлялъ человѣка только въ противорѣчіе съ собою, приводилъ его не къ святости и оправданію, а къ обнаруженію его грѣховности, къ осужденію и проклятію, то Іисусъ Христосъ, имѣя цѣлію возвести человѣка на высшую степень нравственнаго совершенства, желаетъ поставить его въ такіа благопріятныя условія нравственной жизни, при которыхъ онъ имѣлъ бы возможность, не останавливаясь, идти по пути нравственнаго развитія, *идти отъ силы въ силу, дондеже достигнетъ мужа совершенна, мры возраста исполненія Христова* (Ефес. 4, 13),—цѣль недостижимая въ предѣлахъ земнаго существованія. Сообразно съ ходомъ нравственнаго развитія и совершенствованія человѣка, Іисусъ Христосъ излагаетъ нравственныя требованія въ строгой постепенности, возводя отъ легкихъ къ болѣе труднымъ, отъ низшихъ къ высшимъ нравственнымъ подвигамъ, такъ что каждый послѣдующій подвигъ является естественнымъ слѣдствіемъ и выраженіемъ предшествующаго под-

вига *) Такимъ образомъ въ изреченіяхъ І. Христа о блаженствѣ указывается путь постепеннаго восхожденія къ высшему нравственному совершенству. При этомъ, по той мѣрѣ, какъ человѣкъ достигаетъ высшихъ ступеней нравственнаго совершенства, совершается большее и большее развитіе и усовершенствованіе низшихъ. Отъ тѣсной связи всѣхъ изреченій между собою и тѣсной связи обозначаемыхъ ими подвиговъ зависитъ то, что истинно христіанская добродѣтель не можетъ быть явленіемъ случайнымъ, выраженіемъ мимолетнаго настроенія, но служить отраженіемъ цѣлой жизни души. Та-же тѣсная связь между изреченіями и указываемыми ими подвигами поставляетъ человѣка въ такія условія, что коль скоро онъ разъ вступитъ на указываемый Гос-

*) Яснѣ это открывается изъ анализа самыхъ изреченій. Начальная добродѣтель, которая внушается въ этихъ изреченіяхъ, это—нищета духа. Нищій духомъ всегда сазнаетъ въ себѣ недостаточность добрыхъ дѣлъ, а это, естественно, побуждаетъ его къ нравственному обогащенію, къ нравственной дѣятельности. При помощи благодати Божіей, онъ дѣйствительно и получаетъ такое богатство (2 Кор. 9, 8).

Сознаніе недостаточности добрыхъ дѣлъ, видъ рубищъ души возбуждаетъ въ человѣкѣ горькое чувство недовольства самимъ собою. По этому плачь о своихъ грѣхахъ—естественное слѣдствіе нищеты. Но такой плачь вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ вѣрнымъ залогомъ исправленія человѣка, нравственнаго обогащенія. По этому Спаситель обѣщаетъ имъ утѣшеніе.

Необходимымъ слѣдствіемъ сознанія своихъ собственныхъ недостатковъ и сердечнаго сокрушенія о нихъ является въ человѣкѣ пониманіе возможности этихъ недостатковъ въ другихъ и снисходительность къ нимъ. Отсюда кротость—естественное слѣдствіе двухъ первыхъ добродѣтелей человѣка.

Въ тѣсной связи съ нищетою стоитъ голодъ и жажда. Ощущеніе человѣкомъ этой потребности свидѣтельствуетъ о неиспорченности души и способности ея принимать и усвоить пищу, когда она будетъ ей предложена; вмѣстѣ съ тѣмъ оно побуждаетъ человѣка искать средствъ къ удовлетворенію голода и тѣмъ поддерживаетъ

подошь путь, то онъ чувствуетъ въ себѣ благодатную силу, неодолимо влекущую ею впередъ. *Я уверенъ, что начавшій въ васъ доброе дѣло, говоритъ Апостоль, будетъ совершать его даже до дня Исусъ Христово* (Фил. 1, 6). Но такое влеченіе человѣка благодатію Божіею къ высшему и высшему нравственному совершенству не стѣсняетъ однако свободы человѣка; такъ что отличительный характеръ христіанской нравственности есть свобода

въ немъ дѣятельность души. Такимъ Господь и обѣщаетъ насыщеніе.

Алчущій и жаждущій хорошо понимаетъ такое состояніе и въ другихъ людяхъ, всегда сострадаетъ имъ и охотно желаетъ облегчить подобное ихъ состояніе. Отсюда милосердіе къ другимъ является ближайшимъ дѣломъ такого человѣка.

Когда человѣкъ пережилъ и испыталъ тѣ состоянія духа, которыя ублажаются въ разсмотрѣнныхъ изреченіяхъ,—имъ приобрѣтается чистота сердца—состояніе, ублажаемое шестымъ изреченіемъ.

Чистота собственнаго сердца побуждаетъ человѣка искать той же чистоты въ сердечныхъ отношеніяхъ и другихъ людей. По этому, когда между людьми нарушаются, искреннія, сердечныя отношенія и поселяется вражда, чистый сердцемъ старается возстановить прежнія миролюбивыя отношенія между ними и удалить вражду. Так. обр. умиротвореніе другихъ является естественнымъ слѣдствіемъ приобрѣтенія чистоты сердца.

Такъ какъ главною причиною немиролюбивыхъ отношеній между людьми большею частію бываетъ нарушеніе требованій правды, то истинный миротворецъ заботится не только объ умиротвореніи, но и объ укрѣпленіи такого отношенія на началахъ правды. Эта добродѣтель, тѣсно связанная съ предыдущею, требуетъ восьмымъ изреченіемъ о блаженствѣ.

Но дѣло умиротворенія другихъ на началахъ правды можетъ быть прочнымъ и надежнымъ только тогда, когда оно основывается на вѣчной Правдѣ—І. Христѣ. По этому желающіе умиротворять другихъ, устроить ихъ жизнь на Христѣ, вѣчной Правдѣ, должны сами почувствовать въ себѣ біеніе жизни Христовой и проникнуться этой жизнію до готовности съ радостію претерпѣть за нее всѣ поношенія и угнѣтенія. Отсюда послѣдній добродѣтель естественно связывается съ предыдущею.

БИБЛИОТЕКА
Св. Дух. Семинарии
С. Х. № 478
№ 478 15.109

и безостановочная дѣятельность. Это явленіе составляетъ отличительную принадлежность нравственной жизни и дѣятельности христіанина и неизбежное слѣдствіе той обрисовки идеала христіанской нравственности, какая дана въ изреченіяхъ о блаженствѣ.

Обращая вниманіе даже на внѣшнюю форму изреченій І. Христа о блаженствѣ, нельзя не замѣтить, что и въ этомъ отношеніи ученіе Іисуса Христа, какъ совершеннѣйшаго Законодателя, *несравненно* превосходитъ ветхозаветное ученіе Моисея. Если въ ветхомъ заветѣ Господь, возвѣщая свою волю въ законѣ, со всею строгостію предписываетъ исполненіе его, угрожая проклятіемъ за нарушеніе какой либо заповѣди; въ новомъ заветѣ, І. Христосъ, приспособляясь къ состоянію человѣка, уже достигшаго известной степени развитія, освободившагося отъ рабскаго состоянія и получившаго свободу, предлагаетъ свои нравственныя требованія не въ категорической, но въ условной формѣ, предоставляющей человѣку полную свободу дѣйствій. Но эта условная форма выраженія нравственныхъ требованій нисколько однако не умаляетъ силы обязательности ихъ для человѣка, но еще болѣе возвышаетъ ихъ силу: чѣмъ большая предполагается въ человѣкѣ свобода слѣдовать необходимымъ для него нравственнымъ предписаніямъ, тѣмъ большей винѣ и осужденію онъ подлежитъ, если не хочетъ исполнять и принимать этихъ требованій. *Какъ свободный, онъ и будетъ судимъ по закону свободы* (Іак. 2, 12).

Если законъ Христовъ, какъ видѣли, во всемъ превосходитъ собою, одинаковый съ нимъ по существу ветхозаветный законъ Моисеевъ, то что сказать о другихъ древнихъ человѣческихъ законахъ. Послѣдніе не могутъ имѣть съ нимъ никакого сравненія. Высшую отличительную особенность закона Христова составляетъ глубокая,

присущая ему, религіозно-нравственная основа жизни, высочайшее начало жизни—любовь. Между тѣмъ какъ въ языческомъ мірѣ главнымъ и руководительнымъ началомъ жизни былъ эгоизмъ, которымъ проникнута была вся общественная нравственность древности. Выше требованій эгоизма язычники не могли подняться, и ихъ мораль, основанная на любви къ себѣ, не знала обязанностей ко веѣмъ людямъ; она освящала презрѣніе къ слабымъ и ненависть къ врагамъ, такъ что у нихъ не было и мысли объ истинной справедливости. По законамъ Ликурга, слабыя дѣти должны быть выбрасываемы въ пропасть, или же выносимы въ лѣсъ на съѣденіе звѣрямъ. По законодательству древней Индіи, жены должны быть заживо погребены вмѣстѣ съ своими умершимъ мужьями. Вообще человѣческая личность въ язычествѣ одѣнивалась не сама по себѣ, а повнѣшнимъ условіямъ своего быта, каковы: національность, полъ, возрастъ, знатное или низкое происхожденіе, богатство или бѣдность и проч. Даже такіе высокіе умы язычества, какъ Платонъ Аристотель, Цицеронъ, не возвышались до мысли о нравственномъ равенствѣ всѣхъ людей; они признавали, напр., рабство необходимымъ, нормальнымъ явленіемъ и думали, что къ рабству предназначены всѣ народы міра, кромѣ грековъ и римлянъ,—что счастье только для грека и римлянина,—другіе народы—варвары, ниже человѣческой природы,—только греки и римляне—люди. *)

Такой взглядъ, естественно, вель къ тому хаосу всевозможныхъ пороковъ и страстей, которые пронизали какъ общественную, такъ и семейную жизнь въ язычествѣ,—къ общему разложенію нравственнаго организма человѣчества. Но если въ средѣ язычества иногда и появлялись лица, которыя предлагали, сравнительно,

*) Аристотель (Рѣч., I. 1. с. 1, § 5, р. 4); Цицеронъ (de offic. I. 1, с. 12; 1. III. с. II. § XII, р. 19, 20); Плат.: (de Rep. 1. V, р. 294.).

возвышенныя начала нравственности, давали полезныя совѣты и наставленія, какъ наприм., совѣтъ Сократа: „познай самого себя;“ то безъ осуществленія и проведенія ихъ въ жизнь они не имѣли силы и значенія, являлись только идеями. Нужно ли послѣ всего этого проводить еще дальнѣйшую параллель древне-языческаго нравоченія съ ученіемъ І. Христа? И безъ этой параллели, съ перваго взгляда для всякаго ясно видно, что между ними не можетъ быть никакого сравненія, они не только различны, но и діаметрально противоположны какъ по своимъ главнымъ началамъ нравственности—„самоотверженная любовь“ и „эгоизмъ“, такъ и по проявленіямъ этихъ началъ въ жизни и дѣятельности. Все, что считалось въ древнемъ языческомъ мірѣ за низкое, недостойное, что было принадлежностію только рабовъ и другихъ презрѣнныхъ міра людей, въ христіанскомъ мірѣ, при новомъ началѣ нравственности, сдѣлалось весьма высокимъ въ нравственномъ отношеніи (Мтѣ. 5, 3—13, 48; 20, 26; 23, 11; Иоан. 13, 14). По этому и плоды нравственнаго ихъ ученія также совершенно различны и противоположны.

О побужденіяхъ къ исполненію нравственнаго закона Божія.

Человѣкъ въ своей жизни и дѣятельности управляется двумя законами: закономъ плоти и закономъ духа, жизни (Римл. 7, 18—23). Опредѣляя себя къ той или другой дѣятельности, сообразной съ тѣмъ или другимъ закономъ, онъ слѣдуетъ въ этомъ случаѣ извѣстнымъ побужденіямъ, которыя проистекаютъ или изъ сознанія и представленія благъ чувственныхъ, земныхъ, временныхъ, или же изъ представленія благъ духовныхъ, небесныхъ, вѣчныхъ. Опытъ показываетъ, что человѣкъ, особенно въ настоящемъ состояніи, бываетъ болѣе приверженъ и склоненъ къ чувственнымъ, земнымъ благамъ,

чѣмъ къ духовнымъ, небеснымъ. По этому, въ противовѣсъ мнимымъ земнымъ благамъ, влекущимъ волю человека на путь грѣха и зла, для него необходимо глубокое впечатлѣніе въ его сознаніи представленія о высшихъ духовныхъ благахъ, побуждающихъ его къ исполненію нравственнаго закона и направляющихъ волю его на путь истины и добра. Съ этою цѣлію Слово Божіе предлагаетъ человеку различныя побужденія къ исполненію нравственнаго закона; но всѣ они могутъ быть раздѣлены на два главныхъ вида: одни изъ нихъ основываются на понятіи о безконечномъ величіи и совершенствѣ Верховнаго Законодателя и на совершенствѣ самого закона и плодахъ этого закона; другія же на наградахъ и наказаніяхъ временныхъ и вѣчныхъ. По нравственному значенію ихъ, первыя побужденія суть высшія и главнѣйшія, а послѣднія—низшія и второстепенныя.

Мы непременно должны исполнять нравственный законъ, потому что этого требуетъ отъ насъ Самъ Богъ, какъ нашъ Творецъ и Промыслитель, Который, даровавъ намъ бытіе и жизнь, постоянно печется и промышляетъ о насъ,—въ особенности же, какъ нашъ Искупитель и Освятитель. Размышляя о томъ, что сдѣлалъ для насъ Христосъ Спаситель, по неизреченной любви Своей искупившій насъ отъ грѣха, проклятія и смерти цѣною крови Своей и отверзшій намъ входъ въ Царство небесное, мы находимъ въ этомъ сильнѣйшее побужденіе для себя къ исполненію закона Божія. Изъ любви и благодарности къ Богу, какъ величайшему нашему Благодарителю, мы должны со всею любовію и ревностію исполнять Его законъ.

Такія именно побужденія и представляетъ намъ Слово Божіе, когда указываетъ намъ съ одной стороны на безконечное величіе и совершенство Божіе, а съ

другой—на безконечную любовь и благость къ человеческому роду. Напримѣръ: *будите совершенны, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть, Который солнце Свое сіяетъ на злыя и благія и дождитъ на праведныя и неправедныя* (Мтѣ. 5, 45, 48). *Аще любите Мя, заповѣди Моя соблюдайте* (Іоан. 14, 15). *Вы други мои есте, аще творите, елико Азъ заповѣдаю вамъ* (15, 14). *Имѣяй заповѣди Моя и соблюдаай ихъ, той есть любяй Мя* (14, 21). *Куплени есте црною*, писалъ Ап. Павелъ къ Коринѣянамъ: *прославите убо Бога въ тѣлесехъ вашихъ и душахъ вашихъ: яже суть Божія* (I Кор. 6, 20). Тѣмъ ревностнѣе мы должны исполнять законъ Божій, что въ этомъ дѣлѣ намъ христіанамъ на каждомъ шагѣ помогаетъ благодать Божія, даруемая намъ ради заслугъ нашего Искупителя. Въ возрожденіи и обновленіи нашей природы намъ дарованы *вся силы, яже въ животу и благочестію*. Что же остается намъ послѣ этого? *Тщаніе все привнесше подати въ вѣръ нашихъ добродѣтель.. благочестіе, братолюбіе, любовь* (2 Петр. 1, 5—7).

Обращая вниманіе на самый законъ, мы находимъ новыя побужденія къ его исполненію. Законъ Божій *святъ и совершенъ*, сообразенъ съ нашею природою, и потому бремя его легко для насъ и благотѣтельно, какъ засвидѣтельствовалъ объ этомъ Самъ Спаситель нашъ, когда сказалъ: *Иго Мое благо и бремя Мое легко есть* (Мтѣ. 11, 30). Свято исполняя законъ Божій, человекъ въ своемъ нравственномъ совершенствѣ возвышается до Богоподобія, уклоняясь же отъ его исполненія, онъ унижается до скотоподобія (Ис. 48, 15).

Съ высшими и главными побужденіями Самъ Богъ благоволилъ соединить и побужденія второстепенныя, которыя состоятъ въ наградахъ и наказаніяхъ временныхъ и вѣчныхъ.

Ближе всѣхъ къ высшимъ побужденіямъ то, которое происходитъ въ христіанинѣ отъ желанія надежды вѣчнаго блаженства. Такъ какъ вѣчное блаженство, по ученію Слова Божія, состоитъ въ единеніи съ Богомъ; то побужденіе, какое находитъ христіанинъ въ надеждѣ на такое блаженство, можно признать тождественнымъ съ любовью къ Богу. Только тотъ не имѣлъ-бы ничего нравственнаго въ своемъ поведеніи, кто хотѣлъ-бы, такъ сказать, купить себѣ вѣчное блаженство цѣною своей добродѣтели, или пріобрѣсть себѣ право требовать отъ Бога вѣчныхъ благъ, какъ должнаго воздаянія за свою праведность, потому что Онъ дѣйствовалъ-бы по началу не любви, а самолюбія и своекорыстія. Самъ Господь нашъ І. Христосъ нерѣдко представляетъ своимъ послѣдователямъ такія побужденія къ вѣрному исполненію нравственнаго закона. Такъ, напр., представляетъ Онъ въ ученіи о блаженствѣ (Мтѣ. 5, 3—12), въ наставленіи Апостоламъ (Мтѣ. 19, 27—30), въ притчахъ (Мтѣ. 13, 43), въ изображеніи своего втораго пришествія и страшнаго суда (Мтѣ. 25, 34). Нерѣдко указывали на это побужденіе своимъ вѣрующимъ и Св. Апостолы (I Иоан. 3, 1—3; 2 Тим. 2, 10—12; Евр. 10, 35—39).

Кромѣ вѣчныхъ наградъ для побужденія къ исполненію нравственнаго Закона Божія, Слово Божіе представляетъ намъ и блага земныя, временныя. Блага земной жизни представляются въ немъ, особенно въ Писаніи ветхаго завѣта, въ зависимости отъ вѣрнаго исполненія Закона Божія (Лев. 26, 2—3 и слѣд. Ис. 1, 19; Пс. 127, 1—5, 111, 2—3), особенно же здоровье, долготлѣтіе, похвала отъ людей и благополучіе. Такъ, внушая почтеніе къ родителямъ, Богъ говоритъ въ своей заповѣди. *Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будетъ и да долголѣтень будешь на земли* (Исх. 20, 12). Побуждая вѣрующихъ къ благочестію и Апостоль Па-

вель пишеть: *благочестіе на все полезно есть, обитованіе имуще живота ныншнлаго и грядущаго* (I Тим. 4, 8). Нельзя конечно ожидать того, чтобы вѣрный исполнитель Закона Божія могъ ожидать для себя отъ Бога, какъ необходимаго слѣдствія доброй жизни, различныхъ благъ временной жизни. Всякій знаетъ, какъ иногда много скорбей и лишеній влечетъ за собою ревность о благочестіи и Богоугожденіи; какъ нерѣдко праведники въ земной жизни страдаютъ, а грѣшники благоденствуютъ и наслаждаются земными благами. Во всякомъ случаѣ вѣрное исполненіе закона Божія въ высшей степени благотворно, даже въ отношеніи къ временной судьбѣ человѣка, въ какомъ-бы состояніи онъ ни находился. Если онъ обладаетъ внѣшними благами: Законъ Божій учитъ его правильно, добросовѣстно и во славу Божию пользоваться ими, и въ этомъ употребленіи находитъ для себя источникъ чистѣйшихъ духовныхъ наслажденій. Если его преслѣдуютъ нужды и скорби: онъ знаетъ тайну радости и въ самыхъ скорбяхъ (Римл. 5, 3). Внутренняя жизнь добраго христіанина, управляемая закономъ Божиимъ, идетъ у него правильно и приноситъ ему самую основу земнаго счастья, какой не найдешь внѣ подчиненія закону Божию—внутренній миръ: *миръ много любящимъ законъ Твой* (Пс. 118, 165).

Что касается побужденій къ добродѣтели, заключающихся въ страхѣ временныхъ и вѣчныхъ наказаній, то они составляютъ только другую сторону вышеуказанныхъ побужденій (второстепенныхъ), и потому должны быть оцѣниваемы также по отношенію къ побужденіямъ главнымъ. Страхъ можетъ быть чисто рабскій, какъ страхъ подвергнуться строгому наказанію за грѣхъ, и—только. Такое чувство и представленіе, конечно, не способно дать нравственнаго значенія дѣйствіямъ, совершающимся подъ его влияніемъ. Но когда страхъ на-

казанія имѣетъ характеръ страха сыновняго, когда человѣкъ боится главнымъ образомъ того, что онъ недостойнымъ своимъ поведеніемъ оскорбитъ Бога, какъ любящаго Отца, отдалить себя отъ Него; то этотъ страхъ не унижаетъ добродѣтели, къ которой онъ побуждаетъ человѣка, а возвышаетъ ее, потому что въ такомъ видѣ онъ приближается къ чистой сыновней любви. Вирочемъ побужденіе страха и на низшей степени этого чувства бываетъ необходимо для человѣка, именно, когда онъ загрубѣваетъ въ чувственности и требуетъ пробужденія отъ нравственнаго сна; только самъ по себѣ этотъ страхъ ниже нравственныхъ побужденій, и пока не растворяется любовію къ добру, не можетъ производить въ собственномъ смыслѣ нравственныхъ поступковъ или добродѣтели. Въ Словѣ Божіемъ, между многими другими побужденіями къ добродѣтели, представляется и страхъ временнаго наказанія. *Се здравъ еси*, сказала I. Христось исцѣленному Имъ разслабленному, *ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ* (Іоан. 5, 10). Св. Ап. Павелъ говоритъ, что еще здѣсь на землѣ *открывается гнѣвъ Божій съ небесе на всякое нечестіе и неправду человековъ* (Римл. 1, 18). Обыкновенныя слѣдствія грѣховной жизни суть: болѣзни (5, 14), преждевременная смерть (I Кор. 11, 30), наказанія, опредѣляемыя земною властію (Римл. 13, 4), безславіе (Лк. 14, 8—9). Но преимущественно оно указываетъ на наказанія вѣчныя, чтобы побудить насъ удалиться отъ грѣха. *Не убойтеся*, говоритъ Спаситель Апостоламъ, *отъ убивающихъ тѣло и потомъ не могущихъ лишить что сотворити. Сказую же вамъ, кого убойтеся: убойтеся имущаго власть по убіеніи вверещи въ дебрь огненную: ей глаголю вамъ того убойтеся* (Лк. 12, 4—5; Сравни. Мтѣ. 10, 15; 11, 20—24; 23, 33; 25, 41). Св. Апостоль Павелъ говоритъ: *страшно есть, еже впасти въ руки Бога живаго* (Евр.

10, 31). *Скорбь и тѣснота на всяку душу чловѣка, творящаго злое* (Римл. 2, 9).

О нравственномъ вмѣненіи.

Понятіе о нравственномъ вмѣненіи. Власть вмѣняющая; предметъ вмѣненія; условія его. Невмѣняемость.

Дѣйствія чловѣка, какъ нравственно-разумнаго и свободнаго существа, бывають или согласны или несогласны съ нравственнымъ закономъ, а потому онѣ заслуживають одобренія или осужденія, награды или наказанія. То сужденіе, посредствомъ котораго совершается оцѣнка нравственныхъ дѣйствій чловѣка и производится надъ ними приговоръ, одобряющій или осуждающій ихъ, называется *нравственнымъ вмѣненіемъ*.

Право и власть нравственнаго вмѣненія въ собственномъ смыслѣ можетъ принадлежать только одному Богу; потому что только Онъ одинъ есть Законоположникъ и Судія (Іак. 4, 12). Онъ одинъ испытуетъ сердца и утробы каждаго (Іс. 7, 10), а потому, слѣдовательно, только Онъ одинъ и можетъ совершенно вѣрно оцѣнить наши дѣйствія (Римл. 2, 6). Это вмѣненіе или судъ Божій и совершается надъ чловѣкомъ, отчасти, въ здѣшней жизни, послѣ каждаго совершеннаго чловѣкомъ дѣйствія, окончательно же совершится въ будущей жизни. Въ здѣшней жизни Богъ совершаетъ свой судъ надъ чловѣкомъ въ совѣсти чловѣка, въ которой слышится голосъ Божій, одобряющій или порицающій дѣйствія чловѣка. Но этотъ судъ Божій въ настоящей жизни, вслѣдствіе поврежденнаго состоянія чловѣка, оказывается несовершеннымъ и недостаточнымъ. Голосъ суда Божія не всегда возвѣщается въ его совѣсти: иногда онъ заглушается въ ней ложными сужденіями его ума и извращенными чувствованіями. Совершенный же судъ

Божій надъ чловѣкомъ, полное и безусловно праведное вмѣненіе ему совершится въ будущей жизни на всеобщемъ судѣ, когда Господь воздастъ каждому по дѣламъ его (Римл. 2, 6).

Загѣмъ, по заповѣди Спасителя, власть нравственнаго вмѣненія въ здѣшней жизни принадлежитъ Церкви Христовой, въ лицѣ ея пастырей и учителей. Явившіеся ученикамъ своимъ по воскресеніи своемъ, І. Христосъ дунулъ и сказалъ имъ: *примите Духъ Святъ. Имъ же отпустите грѣхи, отпустятся имъ: имъ же держите держатся* (Іоан. 20, 22—23). О согрѣшающемъ и обличаемомъ собратѣ нашемъ сказалъ: *повѣждь церкви: аще же церковь преслушаетъ, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь* (Мтѣ. 18, 17). Но здѣсь нравственная оцѣнка зависитъ отъ личнаго исповѣдыванія и обнаруженія во внѣ духовно-нравственныхъ качествъ того или другаго члена Церкви.

Такъ какъ чловѣку предназначено Богомъ жить въ сообществѣ съ другими людьми, то онъ обязанъ подчиняться и гражданскимъ законамъ этого общества, не противнымъ духу ученія І. Христа. По этому за гражданскою властью должно быть также признано право судить дѣйствія членовъ общества и, сообразно ихъ достоинству, награждать или наказывать ихъ. Такое право гражданская власть получаетъ отъ Самого Бога, какъ это видно изъ словъ Спасителя къ Пилату: *не имамъ власти ни единыя надъ Мною, еще не бы ти дано свыше* (Іоан. 19, 11), а также изъ словъ Ап. Павла: *всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется; нпсть бо власть аще не отъ Бога: сущія же власти отъ Бога учинены сущь. Тѣмъ же противляйся власти, Божію повелѣнію противляется* (Римл. 13, 1, 2). Но юридическое вмѣненіе, совершаемое гражданскою властью, не можетъ быть совершенно-безошибочнымъ и вполне справедливымъ, потому что оно не имѣетъ средствъ

къ тому, чтобы заставить человѣка обнаружиться въ данныхъ случаяхъ со всею искренностію. Кромѣ того, со стороны вмѣняющихъ лицъ не рѣдко обнаруживается въ большей или меньшей степени личное участіе, расположеніе и любовь къ однимъ и нерасположенность и нелюбовь къ другимъ. Вслѣдствіе этого юридическое вмѣненіе иногда бываетъ слишкомъ строга, а иногда слишкомъ слабо.

Предметомъ нравственнаго вмѣненія могутъ быть не только дѣйствія и поступки человѣка, согласныя или несогласныя съ нравственнымъ закономъ, но и всѣ мысли, желанія, чувствованія, слова и другія внѣшніе знаки, словомъ—все внутреннее и внѣшнее поведеніе жизни человѣка. Иисусъ Христосъ говоритъ: *Азъ глаголю вамъ, яко всякъ гнѣвайся на брата своего всуе, повиненъ есть суду: иже бо аще речетъ брату своему рака, повиненъ есть саннищю: а иже речетъ, уроче, повиненъ есть гееннѣ огненной* (Мтѣ. 5, 22). *Глаголю же вамъ: яко всяко слово праздное, еже аще рекутъ чловѣцы, воздадутъ о немъ слово въ день судный. Отъ словесъ бо своихъ оправдишися, и отъ словесъ своихъ осудишися* (Мтѣ. 12, 36. 37.). *Исходящая-же-изъустъ, отъ сердца исходятъ, и та скверняютъ чловѣка. Отъ сердца бо исходятъ помышленія злая, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, татѣбы лжесвидѣтельства, хулы. Сіи суть скверняющая чловѣка* (Мтѣ 15, 18—20).

Кромѣ собственныхъ дѣйствій намъ могутъ вмѣняться еще и дѣйствія другихъ, если какимъ либо образомъ мы являемся причиною ихъ дѣйствій и всего поведенія ихъ внутренней и внѣшней жизни, и степени этой вмѣняемости соразмѣряются близостью и участіемъ насъ въ дѣйствіяхъ другихъ въ качествѣ причины. Въ этомъ отношеніи каждый человѣкъ можетъ быть причиною дѣйствій другого: главною побочною и подчиненною. Главною

въ томъ случаѣ, когда или приказаніемъ, или совѣтомъ, или простымъ одобреніемъ былъ причиною дѣйствія другого на столько, что не будь этого, дѣйствіе не могло бы совершиться. Такою причиною, наприм., является Царь Давидъ, который повелѣлъ своему военачальнику Іоаву поставить Урію во время сраженія на самое опасное мѣсто, чтобы онъ былъ пораженъ и умеръ (2 Царст. 11, 15);—Иродіада, посовѣтовавшая своей дочери просить у Ирода главы Іоанна Крестителя. Побочною причиною,—когда тотъ же совѣтъ, помощь или одобреніе только утвердили уже *сложившеся рѣшеніе* дѣйствія, или же, когда можно и должно было, человѣкъ не воспрепятствовалъ совершенію дѣйствія. Такою причиною являются, напр., родители и воспитатели, когда они не только не препятствуютъ своимъ дѣтямъ совершать порочныя дѣла, но даже и сами участвуютъ въ нихъ. Наконецъ, будетъ кто либо причиною подчиненною, когда онъ ни главная причина, ни соучастникъ въ ней, но своими указаніями доставилъ другому большую легкость и удобство исполненія, или же своимъ примѣромъ возбудилъ къ дѣятельности. Такими являются, наприм., всѣ тѣ лица, которыя укрываютъ завѣдомо извѣстныхъ преступниковъ, указываютъ имъ пути къ болѣе легкому совершенію преступленій, и тѣмъ побуждаютъ ихъ къ совершенію новыхъ преступленій. Тоже самое, только въ обратномъ смыслѣ, нужно сказать и относительно добрыхъ дѣлъ другихъ лицъ. Намъ могутъ вмѣняться они, если мы въ совершеніи ихъ являемся причиною: или главною, или побочною или же подчиненною. Очевидно что главной причинѣ дѣйствіе наиболѣе вмѣняется въ похвалу или порицаніе, причинамъ побочнымъ менѣе, но болѣе, чѣмъ подчиненнымъ. Иисусъ Христосъ, въ ученіи о блаженствѣ, указывая, что Онъ пришелъ не разорить законъ или пророки, но исполнить, говоритъ: *иже аще разоритъ одну за-*

повѣдей сихъ малыхъ, и научить тако человекѣ, мнѣи наречетѣ въ царствѣи небесныхъ, а иже сотворитъ и научитъ, сей велии наречетѣ въ царствѣи небесныхъ (Мтѣ. 5, 19; сравн. Мтѣ. 18, 6—7).

Не всѣ дѣйствія, совершаемыя человекѣкомъ, согласныя или несогласныя съ нравственнымъ закономъ, подлежатъ нравственному вмѣненію, но только тѣ, которыя совершены имъ 1) сознательно и 2) свободно.

1) Сознательно, т. е. съ сознаниемъ законности или противозаконности того или другого дѣйствія. По этому дѣйствія безсознательныя, каковы, наприм., дѣйствія дѣтей, до раскрытія въ нихъ сознанія, дѣйствія взрослыхъ, но умалишенныхъ, равно какъ и дѣйствія, совершаемыя по невѣдѣнію закона, не подлежатъ нравственному вмѣненію. Апостоль Павелъ говоритъ: *до закона грѣхъ бы въ мѣръ; грѣхъ же не вмѣняшея, не сущу закону* (Рим. 5, 13). Но незнаніе закона не извиняетъ человекѣка и подвергаетъ его осужденію, если оно произошло отъ вины самого человекѣка, т. е., когда онъ и могъ и долженъ былъ узнать законъ, но не захотѣлъ (Іоан. 16, 2; сравн. Рим. 1, 19—20; Іо, 18—21).

2) Свободно, а не по принужденію или насилію внутреннему или вѣншнему. Только свобода воли сообщаетъ нашимъ поступкамъ нравственный характеръ, нравственную цѣну. Дѣйствія несвободныя суть дѣйствія необходимости и не могутъ быть оцѣниваемы съ нравственной точки зрѣнія. *Аще волею сіе творю мзду имамъ*, пишетъ Апостоль (1 Кор. 9, 17; сравн. 2 Кор. 9, 7). Равнымъ образомъ неисполненіе требуемыхъ закономъ дѣйствій, вслѣдствіе невозможности ихъ исполненія по какимъ либо причинамъ, напр., болѣзни и проч., также не вмѣняется въ вину человекѣку. Впрочемъ при этомъ нужно помнить, что нравственное вмѣненіе поступковъ не ограничивается только однимъ настоящимъ временемъ,

183

но обнимаетъ собою и прошедшее, такъ что по этому извѣстный нравственный поступокъ, ставшій невозможнымъ для него по чему либо въ настоящее время, вмѣняется ему въ вину, если онъ самъ довелъ себя до этой невозможности прежною ненормальною жизнію.

Такимъ образомъ сознаніе и свобода въ проявленіи нами добрыхъ или худыхъ нашихъ дѣйствій, равно какъ мыслей, желаній, чувствованій и проч. суть главныя условія для правильной нравственной оцѣнки ихъ. Но такъ какъ наше сознаніе и свобода можетъ имѣть различныя степени развитія и совершенства, то и нравственное вмѣненіе должно соразмѣряться со степенью большаго или меньшаго обнаруженія и раскрытія въ насъ этихъ силъ. По этому вмѣненіе того или другого поступка для извѣстнаго лица бываетъ тѣмъ большее, чѣмъ больше обнаружено этимъ лицомъ, при совершеніи его, сознанія и свободы. Пилать, осудившій Господа, по словамъ самаго І. Христа, имѣетъ меньше грѣха, чѣмъ тотъ, кто предалъ Его ему (Іоан. 19, 11).

Кромѣ того, при оцѣнкѣ нравственныхъ дѣйствій, нужно обращать вниманіе на цѣль и побужденія къ дѣйствію, на средства для совершенія дѣйствія и на предметъ его. Свойства побужденій къ совершенію добраго или худого поступка вліяютъ на усиленіе или ослабленіе вмѣненія. Кто дѣлаетъ добро ради самаго добра, по любви къ нему, тотъ достоинъ высшей награды за свою добродѣтель, чѣмъ тотъ, кто совершаетъ добро по инымъ какимъ либо побужденіямъ; а если въ основаніи добра лежатъ грѣховныя побужденія, то и само добро не есть уже добро, а зло, грѣхъ (Мтѣ. 7, 1—6). Равнымъ образомъ, кто совершаетъ грѣхъ по любви къ грѣху, расположенности къ нему, тотъ достоинъ высшаго наказанія, чѣмъ тотъ, кто дѣлаетъ тотъ же самый грѣхъ, но

по иным побужденіямъ. Чѣмъ менѣе грѣховны побужденія, тѣмъ меньше и самый грѣхъ. Однако это правило нельзя простираť до того, чтобы добрыми побужденіями или цѣлями оправдывать дурныя дѣйствія: цѣль не оправдываетъ средствъ. Иначе пришлось бы допустить такую несообразность, что можно исполнять волю Божию чрезъ нарушеніе той же воли.

Наконецъ, и самый предметъ дѣйствія вліяетъ на условія вмѣненія: чѣмъ выше предметъ его, чѣмъ больше обязательство закона, относящагося къ нему, тѣмъ выше добродѣтель и за нее награда, если человѣкъ исполняетъ требованіе закона, и на оборотъ, тѣмъ больше грѣхъ и за него наказаніе, если онъ преступаетъ повелѣнія закона (Марк. 12, 29—31; Мѣ 12, 31, 32).

Вся жизнь и дѣятельность человѣка опредѣляется однимъ неизмѣннымъ нравственнымъ закономъ, который одно повелѣваетъ дѣлать, а другое запрещаетъ. Слѣдовательно и дѣйствія наши бываютъ или согласныя съ нравственнымъ закономъ или же несогласныя, середины быть не можетъ. Въ первомъ случаѣ онѣ—нравственно-добрыя, во второмъ—нравственно-злыя. Безразличныхъ же дѣйствій, съ нравственной точки зрѣнія, нѣтъ и быть не можетъ.

Если человѣкъ и бываетъ иногда въ непредѣленномъ или нерѣшительномъ положеніи, какъ говорится, ни холоднымъ, ни теплымъ въ нравственномъ отношеніи, то эта нерѣшительность его есть уже нѣчто злое, безнравственное. Ангелу Лаодикійской Церкви Господь повелѣлъ сказать: *знаю твои дѣла; ты ни холоденъ, ни горячъ... Но поелику ты теплъ, а не горячъ и не холоденъ: то Я извергну тебя изъ устъ Моихъ* (Апок. 3, 15, 16). Могутъ быть различныя степени добра и зла, но не можетъ быть дѣйствія, которое было бы ни добрымъ, ни злымъ.

О добродѣтели христіанской.

Свойства христіанской добродѣтели; ея важность и необходимость; ея превосходство предъ языческою.

Подъ именемъ добродѣтели разумѣются какъ то или другое отдѣльное доброе дѣйствіе человѣка, совершаемое имъ съ твердою вѣрою въ Иисуса Христа, какъ Испытателя міра, и съ искреннею любовію къ Богу и ближнимъ, при содѣйствіи Божественной благодати, такъ и самое стремленіе человѣческаго духа, стремленіе постоянное и искреннее, все свои мысли, желанія, чувствованія и самыя дѣйствія сообразовать съ нравственнымъ закономъ Божиимъ. Такимъ образомъ добродѣтель христіанина съ одной стороны есть проявленіе силъ человѣка, а съ другой—благодати Божіей. Самъ человѣкъ не можетъ творить дѣлъ, достойныхъ жизни *по Христу*. Все, что онъ ни дѣлаетъ добраго, дѣлаетъ только при содѣйствіи благодати Божіей. Но, съ другой стороны, и благодать Божія не производитъ своихъ плодовъ тамъ, гдѣ нѣтъ желанія и расположенія принять ее. Она дѣйствуетъ тамъ, гдѣ свободно покарются ея дѣйствію.

Такимъ образомъ изъ понятія о добродѣтели слѣдуетъ, что истинная добродѣтель требуетъ отъ человѣка искренней, непринужденной и постоянной готовности во всемъ безирекословно исполнять волю Божию. Кто дѣлаетъ добро не по любви къ добру, не ради искренняго желанія исполнить волю Божию, а по какимъ нибудь другимъ побужденіямъ и видамъ, тотъ не можетъ быть признанъ нравственно-добрымъ. Такія дѣйствія имѣютъ *образъ добродѣтели, безъ ея силы* (2 Тим. 3, 5) и являются добродѣтелью фарисейскою, которую такъ строго обличалъ Спаситель (Мтѣ. 23 гл.).

Любовь къ добродѣтели, искренность желанія ея и

стремленіе къ ней само собою предполагають и свободу въ дѣйствіяхъ человѣка. Только тѣ дѣйствія человѣка могутъ быть признаны нравственно добрыми, которыя совершаются имъ свободно. Нравственный законъ только побуждаетъ человѣка къ добродѣтели, но не принуждаетъ. По этому, гдѣ являются принужденіе и необходимость, тамъ нѣтъ и добродѣтели. *Аще убо волею сіе творю*, пишетъ Апостоль, *мзду имамъ*, (1 Кор. 9, 17). „Все, что дѣлается недобровольно, пишетъ св. Григорій Богословъ, кромѣ того, что оно насильственно, еще и непрочно. Вынужденное, подобно растенію, насильно согнутому руками, какъ скоро оставлено бываетъ на волю, обыкновенно возвращается въ прежнее свое положеніе. Напротивъ того, что дѣлается по свободному произволенію, то, какъ скрѣпляемое узами сердечнаго расположенія, и весьма законно, и вмѣстѣ надежно (Григ. Бог. Твор. св. От. т. 1, стр. 26.). Съ принужденіемъ внѣшнимъ нельзя однако-же смѣшивать принужденія внутренняго, или самопринужденія; потому что самопринужденіе не только не исключаетъ свободы, а напротивъ показываетъ иногда особенную силу свободной воли (напр., въ борьбѣ съ соблазнами), или, по меньшей мѣрѣ, начало освобожденія человѣка отъ духовнаго рабства (напр., при усиліи отстать отъ дурныхъ привычекъ).

Но и одного свободного и искренняго стремленія и исполненія закона Божія еще недостаточно для добродѣтели. Дѣйствованіе человѣка, сообразно съ закономъ Божиимъ, должно быть постояннымъ и твердымъ, обратиться въ навѣкъ. Мимолетныя же стремленія души къ добру не составляютъ еще истинной добродѣтели, потому что такія какъ бы вспышки добродѣтели обнаруживаются и въ порочныхъ людяхъ. Онѣ такъ же скоро исчезаютъ, какъ и возникаютъ. Бываетъ, что люди *во время вступаютъ и во время напасти отпадаютъ* (Лук. 8, 13). По-

добное непостоянство въ нравственной жизни хотя и не отнимаетъ у добрыхъ поступковъ человѣка нравственной цѣны, но и не даетъ имъ истиннаго права на имя добродѣтели. „*Никто же возложь руку свою на рало, и зря вспясть*, говоритъ Спаситель, *управленъ есть въ царствіи Божіи* (Лук. 9, 62). *Мужъ двоедушенъ, неустроенъ во всѣхъ путехъ своихъ*, говоритъ Ап. Іаковъ (1, 8). Истинно добръ тотъ, кто, приучивъ себя жить по закону, подъ его руководствомъ всегда является *человѣкомъ совершеннымъ, на всякое благое дѣло уготованнымъ* (2 Тим. 3, 17). Въ этомъ же смыслѣ понимаетъ добродѣтель Слово Божіе, когда положительно предписываетъ: „*Терди бывайте, непоступни, избыточествующе въ дѣль Господни всегда* (1 Кор. 15, 58).

Такъ какъ сущность нравственнаго закона составляетъ заповѣдь о любви, и всѣ другія заповѣди выходятъ изъ нея и служатъ ей раскрытіемъ, то исполненіе одной какой-либо заповѣди, при опущеніи или нарушеніи другихъ, не имѣетъ истиннаго достоинства добродѣтели: *иже весь законъ соблюдетъ, согрѣшитъ же во единомъ, бысть всмъ повиненъ* (Іак. 2, 10). *Иже аще разоритъ едину заповѣдей сихъ малыхъ и научитъ тако человекки*, говоритъ Спаситель, *мій наречетъся въ царствіи небесныхъ* (Мтѣ. 5, 19). Истинная добродѣтель, слѣдовательно, требуетъ точнаго исполненія всего нравственнаго закона Божія. Нѣтъ сомнѣнія, что подобнаго рода добродѣтель, или праведность, святость, въ настоящемъ нашемъ состояніи недостижима для насъ (1 Іоан. 1, 8, 10). Но если не въ нашихъ силахъ достигнуть полной праведности, то совершенно возможно для насъ любить добро, ревновать о немъ и постоянно усиливаться болѣе и болѣе преуспѣвать въ исполненіи заповѣдей Божіихъ. А безпредѣльная благодѣль Божія и эту ревность о добрѣ, усиленную и дѣятельную, уже вмѣняетъ намъ въ добро-

дѣтель. Добро, говоритъ Ап. Павелъ, *еже ревновати всегда о добромъ* (Гал. 4, 18). Наконецъ, она должна быть основана на вѣрѣ въ І. Христа и всегда совершаема съ твердою надеждою на помощь всеильной благодати Божіей, при сознаніи, что безъ этой помощи добродѣтели не можетъ быть совершенною. Слово Божіе ясно подтверждаетъ это, когда говоритъ, что насадитель ея (добродѣтели)—Богъ Отець (Мтѣ. 15, 13; Иоан. 15, 1, 2), съмя—Слово Божіе (1 Петр. 1, 23), корень и основаніе—Христосъ (Иоан. 15, 4, 5; 1 Кор. 3, 11; Еф. 2, 20), живительная и совершительная сила—Духъ Святыи (Рим. 8, 14, 15; 1 Кор. 12, 3—11; Тит. 2, 11, 12; 3, 4, 7; Гал. 5, 22, 23).
Добродѣтель имѣетъ величайшую для насъ важность и составляетъ необходимѣйшую нашу обязанность. Богъ для того и сотворилъ человѣка, чтобы онъ преуспѣвалъ въ добродѣтели и совершенствѣ. Для этого онъ одѣлъ его своимъ образомъ; для этого поставилъ съ нимъ заветъ и далъ ему свои повелѣнія и законы, предохраняя его отъ всякой неправды. Когда человѣкъ уклонился отъ Бога, главная цѣль всѣхъ распоряженій промысла Божія была та, чтобы возвратить его на путь добродѣтели и этимъ путемъ вести къ вѣчному блаженству. Для этого обѣтованія и откровенія, для этого законъ и пророки, для этого Самъ Сынъ Божій приходилъ на землю, для этого благодатные дары Св. Духа и св. Церковь, съ ея спасительными учрежденіями и таинствами. Облагодѣтельствованныи всѣмъ отъ Бога, христіанинъ ничѣмъ болѣе не можетъ доказать свою любовь и благодарность къ Богу и Христу, какъ ревностно и свято исполняя волю Божию и преуспѣвая въ добродѣтели. *Аще любите Мя, говоритъ Спаситель, заповѣди Моя соблюдайте . . . Имѣяи заповѣди Моя и соблюдаяи ихъ, той есть любяи Мя* (Иоан. 14, 15, 21). Всѣ высшія обѣтованія и блага, ожидающія христіанина въ вѣчности, при-

надлежать только людямъ добродѣтельнымъ (Мтѣ. 25, 34—46).

Несомнѣнно, что и естественная добродѣтель, какъ добро, сообразное съ естественнымъ нравственнымъ закономъ, возвышаемымъ въ разумѣ и совѣсти человѣка, не можетъ быть зломъ, и потому не можетъ быть негодною и неприятною Богу—Высочайшему Добру (Дѣян. 10, 34, 35). Самъ І. Христосъ одобрялъ добрыя расположенія сердца въ язычникахъ (Мтѣ. 8, 10; 12, 41, 42). *„Богъ нелицепріятенъ, но во всякомъ народѣ боящійся Его и поступающій по правдѣ приятенъ Ему* (Дѣян. 10, 34, 35). И Ап. Павелъ пишетъ: *слава и честь и миръ всякому дѣлающему благое, Иудеи же прежде и Еллинау* (Римл. 2, 10). Но христіанская добродѣтель по своему совершенству имѣетъ рѣшительное преимущество предъ естественною. Изъ всѣхъ вышеуказанныхъ свойствъ христіанской добродѣтели во всей полнотѣ не можетъ быть приписано естественной добродѣтели ни одно, а нѣкоторыхъ она не можетъ имѣть и совершенно. Естественная добродѣтель возникаетъ не изъ искренняго самоопредѣленія человѣка къ добру, не по любви къ нему, не во славу Божию и благо ближнихъ, а изъ природнаго расположенія его къ тѣмъ или другимъ частнымъ дѣламъ, изъ личныхъ побужденій, а потому ея проявленія суть только порывы, чуждые борьбы съ низшими стремленіями, и мимолетныя проявленія добра. Естественная добродѣтель, слѣдуя естественному нравственному закону, не можетъ возвыситься до совершенства христіанской добродѣтели, такъ какъ естественный законъ является недостаточнымъ руководителемъ его ни въ познаніи о Богѣ, ни въ откровеніи и разъясненіи Его воли. Не имѣя истиннаго познанія о Богѣ и объ отношеніи Его къ человѣку, естественный человѣкъ не можетъ имѣть и тѣхъ совершенныхъ и высокихъ по-

буждений, которыя непосредственно связаны съ этимъ познаніемъ и ради которыхъ совершается добродѣтель христіанская. Дальше, естественная добродѣтель производится естественными силами человѣка, которыя разстроены и удобопреклонны ко злу; христіанину же на поприщѣ добродѣтели помогаетъ благодать Божія (Іоан. 15, 1—5; 1 Кор. 15, 10; 2 Кор. 3, 5; Фил. 2, 13); ему дарованы во Христѣ Іисусѣ *всѣ Божественныя силы, яже къ животу и благочестію* (2 Петр. 1, 3—5; у него есть Слово Божіе, *могущее умудрить его во спасеніе* (Мтѣ. 4, 4; 1 Петр. 2, 2; 2 Тим. 3, 15, 17); ему явленъ высочайшій образецъ нравственнаго совершенства во Христѣ (Мтѣ. 11, 29; Іоан. 13, 15, 34; Фил. 2, 5; Евр. 7, 26; 12, 1—2); ему дарованъ обильный источникъ благодатныхъ даровъ Св. Духа, которыми обновляются, подкрѣпляются и освящаются силы человѣка (Іоан. 7, 37, 39; Дѣян. 2, 4, 17, 18, 33; Тит. 3, 6, 7; ср. 1 Кор. 12, 4—11; Мтѣ. 28, 19; Лук. 22, 19—20; Іоан. 20, 22, 23),— и потому добродѣтель его можетъ достигать самаго високаго совершенства, какого естественная добродѣтель, предоставленная самой себѣ, никогда достигнуть не можетъ (Іоан. 15, 1—5). Облеченный въ такое духовное всеоружіе, каждый христіанинъ можетъ сказать вмѣстѣ съ Ап. Павломъ: *вся могу о укрѣпляющемъ Мя Іисусѣ* (Фил. 4, 13). Наконецъ, въ отношеніи къ плодамъ, естественная добродѣтель, въ противоположность христіанской, не доставляетъ успокоенія человѣку—грѣшнику, не уничтожаетъ въ немъ чувства виновности предъ Богомъ, не примиряетъ съ Нимъ и не ведетъ ко спасенію (Римл. 6, 22; 2 Петр. 18, 11). На это превосходство христіанской добродѣтели предъ естествоною указываютъ и православные Патріархи восточные въ слѣдующихъ словахъ: „Добро, говорятъ они, которое человѣкъ по природѣ можетъ дѣлать, будучи естественнымъ, дѣ-

лаетъ человѣка только душевнымъ, а не духовнымъ, и одно безъ вѣры не содѣйствуетъ ко спасенію; въ возрожденныхъ же, будучи усиливается благодатію, дѣлается совершеннымъ и содѣлываетъ человѣка достойнымъ спасенія“ (Посл. о прав. вѣрѣ, чл. 14).

Благодать и свобода.

Человѣкъ, въ естественномъ, поврежденномъ своемъ состояніи, самъ по себѣ, не можетъ нравственно возродиться, начать новую Богоугодную жизнь и достигнуть спасенія. Послѣ грѣхопаденія въ человѣкѣ, по слову Апостола, осталось только желаніе добра и стремленіе къ нему, силы же къ исполненію его онъ уже не имѣетъ, такъ что *не еже хочетъ доброе, сіе творитъ, но еже не хочетъ злое, сіе содѣлываетъ* (Римл. 7, 18, 19). Возсоздать человѣка, освободить его отъ узъ грѣха и вновь направить его свободу воли къ добру и составляетъ предметъ дѣйствія благодати Божіей. Подъ именемъ благодати Божіей разумѣется вообще всякій даръ, который подаютъ Богъ людямъ по любви своей, безъ всякой съ ихъ стороны заслуги, наприм.: жизнь, здоровье, душевныя способности, благосостояніе и проч. Въ собственномъ же, болѣе тѣсномъ смыслѣ, благодатію называется особенная сила Божія, сообщаемая намъ ради заслугъ нашего Искупителя и совершающая наше оправданіе и освященіе и приводящая насъ къ вѣчной блаженной жизни. По безпредѣльному милосердію къ намъ Бога, желающаго всѣмъ спасенія, всеильная благодать Его призываетъ каждого ко спасенію. И каждый человѣкъ, вѣрующій въ спасительную силу благодати Божіей, желающій и ищущій ее, ради спасительныхъ заслугъ І. Христа, получаетъ ее невидимымъ и непостижимымъ для насъ образомъ въ таинствѣ Крещенія. Вселяясь въ

человѣка чрезъ это таинство и дѣйствуя непосредственно на его природу, она возрождаетъ его духовно, и такимъ образомъ полагаетъ начало спасенія человѣка. Затѣмъ, продолжая дѣйствовать въ немъ, посредствомъ другихъ таинствъ, благодать Божія поддерживаетъ духовную жизнь человѣка, когда онъ уже вступилъ въ нее, и содѣйствуетъ ему въ достиженіи высочайшаго нравственнаго совершенства. Такимъ образомъ, при помощи благодати Божіей, человѣкъ можетъ постепенно преуспѣвать въ нравственномъ совершенствѣ и достигать своего спасенія. Она необходима ему во всѣхъ возрастахъ его духовно-нравственной жизни: въ началѣ, продолженіи и на высшихъ степеняхъ нравственнаго совершенства. Въ этомъ увѣряетъ насъ непосредственно Самъ Спаситель нашъ І. Христосъ. Онъ говоритъ: *никто же можетъ прийти ко Мнѣ, аще не Отецъ пославый Мя привлечетъ его* (Іоан. 6, 44); *аще кто не родится водою и Духомъ, не можетъ внити въ Царствіе Божіе* (Іоан. 3, 5); *якоже розга не можетъ плода сотворити о себѣ, аще не будетъ на лозѣ, тако и вы, аще во Мнѣ не будете Азъ есмь лоза, вы же рождіе, и иже будетъ во Мнѣ и Азъ въ немъ, той сотворитъ плодъ много, яко безъ Мене не можете творити ничего* (Іоан. 15, 4, 5). Апостолу Петру нѣкогда сказалъ: *Азъ молихся о тебѣ, да не оскуднѣетъ въра твоя* (Лук. 22, 32) и всѣхъ насъ научилъ молиться: *Отче нашъ, ... не введи насъ во искушеніе, но избави насъ ошъ лукаваго* (Лук. 11, 2—4) Ап. Павелъ также говоритъ: *Богъ начный дѣло благо въ васъ, совершитъ е даже до дне Іисусъ Христова* (Фил. 1, 6). Изъ всѣхъ этихъ мѣстъ видно, что безъ непосредственнаго содѣйствія Бога Отца, безъ призыва благодати Его, невозможно самое обращеніе человѣка ко Христу; затѣмъ, безъ возрожденія силою Духа Святаго невозможно вступленіе обращающагося

въ Царствіе Божіе или Церковь Христову; безъ непосредственнаго общенія со Христомъ, безъ принятія и усвоенія себѣ животворной силы Его, невозможно возрастаніе и укрѣпленіе духовно-нравственной жизни человѣка, невозможны никакіе духовные плоды, никакая добродѣтель: ибо всѣ духовные плоды возрожденныхъ: *любь, радость, миръ, долготерпѣніе, благодать, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе* суть плоды благодати Божіей (Гал. 5, 22); наконецъ, безъ благодати Божіей человѣкъ не можетъ пребывать и до конца жизни. *)

Но если говорится, что человѣкъ, при помощи благодати можетъ достигнуть своего спасенія, то это значитъ, что, совмѣстно съ благодатію, и самъ онъ устрояетъ свое спасеніе, самъ участвуетъ въ дѣлѣ нравственнаго своего возрожденія. Даровавъ человѣку разумъ и свободу, указавъ ему путь къ нравственному совершенству, Богъ желаетъ, чтобы человѣкъ самъ опредѣлялъ себя къ своей нравственно свободной дѣятельности, чтобы онъ самъ располагалъ и приготовлялъ свое сердце къ

*) Многіе изъ людей, совершая нѣкоторыя добрыя дѣла и видя, что ихъ совершаютъ даже и нехристиане—евреи, магометане и др., думаютъ, что и безъ благодати Божіей можно дѣлать добро. Но это явное заблужденіе. Даже мимолетныя добрыя движенія и расположенія сердца, каково, наприм., произношеніе съ вѣрою имени Господа Іисуса, совершаются въ насъ только Духомъ Святымъ. (1 Кор. 12, 3). Здѣсь же, въ ученіи о благодати, дѣло идетъ не объ отдѣльныхъ добрыхъ дѣлахъ, а о перерожденіи всей жизни, о жизни новой, духовной, которая приводитъ ко спасенію. „При случаѣ не трудно сдѣлать иногда чтонибудь и доброе, говоритъ Преосвящ. Теофанъ, какъ это дѣлали и язычники. Но опредѣлить себя на постоянное дѣланіе добра, рѣшиться на неуклонное слѣдованіе закону Божію и остаться вѣрнымъ этому рѣшенію не на одинъ день, мѣсяць или годъ, а на всю жизнь, этого человѣкъ не въ силахъ уже сдѣлать безъ помощи благодати Божіей“. Собственный опытъ убѣждаетъ каждого въ этой неоспоримой истинѣ.

принятію благодати Божіей. Призывая къ себѣ людей своею благодатію, Богъ не насилуетъ ихъ свободы. *Се стою при дверехъ*, говоритъ Спаситель, *и толку: аще кто услышитъ гласъ Мой и отверзетъ двери, вниду къ нему, и вечеряю съ нимъ, и той со Мною* (Апок. 3, 20). Благодать Божія не только не подавляетъ собою свободы человѣка, но необходимо требуетъ для своего дѣйствія нѣкотораго проявленія и со стороны спасающагося. Будучи спасительною сама по себѣ, она не спасаетъ насъ безъ насъ самихъ. *Молимъ*, пишетъ Ап. Павелъ къ Коринѣскимъ христіанамъ, *не вотще благодать Божію пріяти вамъ*. Видно, можетъ случиться это, когда такъ заботливо предостерегаетъ отъ сего Апостоль. „Богъ насильно не влечетъ насъ, говоритъ Св. Златоустъ, — Онъ далъ намъ власть избирать худое и доброе, чтобъ мы были добры свободно. Душа, какъ царица надъ самой собою и свободная въ своихъ дѣйствіяхъ, не всегда покарается Богу, а Онъ не хочетъ насильно и противъ воли сдѣлать душу добродѣтельною и святою. Ибо, гдѣ вѣтъ произволенія, тамъ нѣтъ и добродѣтели. Надобно убѣдять душу, чтобы по своей волѣ она сдѣлалась доброю“. (Христ. чт. 1835, 11, 33).

Пути и способы, посредствомъ которыхъ благодать Божія воздѣйствуетъ на человѣка, не стѣняя при этомъ его свободы, могутъ быть и бываютъ очень разнообразны. Но всѣ ихъ можно подвести къ двумъ видамъ: къ естественному и сверхъестественному. Духъ человѣка, по самой природѣ своей, носящей въ себѣ образъ Божій, долженъ стремиться къ своему Первообразу—Богу. И если этого не бываетъ, то потому, что онъ связанъ различными узами грѣховными. Благодать Божія въ этомъ и помогаетъ человѣку: она или непосредственно даетъ ему самому силу разорвать эти узы, возбуждая въ немъ недовольство собою и всѣмъ окружающимъ, томленіе о чемъ-то невиди-

момъ, стремленіе къ нему *),—или посредственно, чрезъ разныя внѣшнія происшествія въ видимой природѣ, въ жизни его самого и другихъ. Въ послѣднемъ случаѣ благодать Божія, смотря по роду грѣховныхъ узъ, однихъ подвергаетъ различнымъ болѣзнямъ, бѣдствіямъ, униженію, рабству и т. п.; вниманіе и взоръ другихъ обращаетъ на созерцаніе красотъ видимой природы, благолѣпіе храмовъ Божіихъ, и чрезъ это отвращаетъ ихъ отъ обаяній суетнаго міра; инымъ самымъ дѣломъ представляетъ жизнь, совершенно противоположную ихъ жизни, каковы, наприм., мученичество и другіе примѣры самоотверженной Богоугодной жизни и т. п. Но особенно это дѣйствіе благодати Божіей совершается чрезъ слово Божіе, которое *есть сила, во спасеніе всякому вѣрующему*, сила живая и дѣйственная, *порождающая духъ и жизнь* (Іоан. 6, 63).

Дѣйствуя такими или иными способами, благодать Божія приводитъ человѣка къ сознанию своей грѣховности и опасности своего положенія и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ противовѣсъ извѣстной уже ему сладости грѣха, даетъ ему ощутить сладость жизни въ Богѣ, сладость добра, которая начинаетъ привлекать его къ себѣ и отклонять отъ жизни грѣховной и такимъ образомъ поставляетъ его на точкѣ безразличія между добромъ и зломъ. Это состояніе человѣка подъ дѣйствіемъ благодати есть то состояніе блуднаго сына въ евангельской притчѣ, когда онъ, умирая съ голоду, „*пришелъ въ себя*“, т. е. вспомнилъ объ отцовскомъ домѣ и о довольствѣ, которымъ наслаждаются тамъ даже наемники. Дальше благодать предоставляетъ самому человѣку, его свободѣ рѣшить свою участь: или возвратится къ Отцу—обратиться, или же ожесточится, коснѣтъ во грѣхахъ.

*) Такъ были обращены къ Богу, наприм., Іустинъ Философъ, блаж. Августинъ. и др.

Отдаваясь свободно влеченію Божественной благодати, падшій человекъ, подъ дѣйствиємъ на него Слова Божія, сознаетъ свою грѣховность, безмѣрную вину предъ Богомъ. Слѣдствіемъ этого въ немъ являются покаянные и скорбныя чувства о своихъ грѣхахъ, при сознаниіи своего безсилія возстать изъ своего паденія, и искреннее желаніе сторонней помощи: *я умираю съ голоду*, говорилъ въ этомъ состояніи блудный сынъ (Лук. 15, 17). „*Что сотворимъ?*“ спрашивали въ такомъ же состояніи іудеи, слушавшіе проповѣдь Ап. Петра. И вотъ въ такомъ-то состояніи, которое близко къ отчаянію, слова Евангелія, какъ роса небесная, падаютъ на сухую почву сердца человекъ, умягчаютъ ее, раждаютъ въ немъ вѣру, которая, ограждая его отъ отчаянія, приводитъ его къ искренней молитвѣ о помощи. Указывая на Бога, какъ на Судію и Мздовоздаятеля, Евангельская проповѣдь указываетъ на Него и какъ на всеблагаго Отца, Который всѣмъ желаетъ спасенія и для этого въ таинствѣ искупленія и освященія подаетъ намъ всѣ силы и средства, *яже къ животу и благочестію*. Указывая на все это, слово Божіе говоритъ человекъ: только вѣруй въ Господа Иисуса Христа и спасешься (Дѣян. 16, 31). Такимъ образомъ зараждается вѣра въ Бога Отца, Сына Его и Духа Святаго, вѣра въ крестныя заслуги нашего Спасителя, — вѣра въ благодатное дѣйствованіе Духа Святаго, съ помощью Котораго мы можемъ противиться грѣху и побѣждать его. Такая покаянная вѣра, подъ вліяніемъ благодати Божіей, возбуждаетъ въ немъ рѣшимость возстать изъ своего грѣховнаго состоянія, пойти къ Отцу своему и, подобно блудному сыну, сказать Ему: *Отче, я согрѣшилъ противъ неба и предъ Тобою, прими меня въ число наемниковъ Твоихъ* (Лук. 15, 18. 19). Рѣшительное намѣреніе обращающагося грѣшника посвятить всего себя на служеніе Богу есть послѣдній актъ обращенія. Послѣ этого

ему остается только сочетаться со Христомъ въ таинствѣ Крещенія и принять дары Св. Духа. Тогда, какъ бы навстрѣчу ему, является Божественная благодать и надѣляетъ его своими дарами, очищающими, освящающими, укрѣпляющими и подающими радость и утѣшеніе сыновняго общенія съ Богомъ въ таинствахъ Крещенія, Миропомазанія и Причащенія. Послѣ этого онъ становится вѣрующимъ христіаниномъ, обновленнымъ во всемъ своемъ нравственномъ состояніи (2 Кор. 5, 17), облеченнымъ въ новаго человекъ, созданнаго по Богу въ праведности и святости истины (Еф. 4, 22—24), — любимый сынъ любящаго Отца (Рим. 8, 15; Иоан. 1, 12, 13), живущій въ домѣ Отца въ тѣснѣйшемъ общеніи и единеніи съ Нимъ (1 Кор. 3, 16, 17; Гал. 2, 10; 1 Кор. 1, 17).

Состояніе обращенія или возрожденія св. подвижники называютъ состояніемъ *новоначальныхъ, младенствующихъ, первою степенію духовной жизни*. На этой степеніи человекъ является еще духовнымъ младенцемъ. Въ такомъ состояніи возрожденные, но еще не укрѣпленные въ добрѣ, не искушенные различными скорбями, если бы оставлены были благодатию Божіею, то пали бы немедленно. По этому благодать, говоритъ преп. Исаакъ Сиринъ, сначала оказываетъ человекъ свою помощь во всемъ, даже въ видимыхъ тѣлесныхъ нуждахъ; отклоняетъ отъ него многія несчастія, блюдетъ его, какъ любящая мать (Слов. 19) „Когда благодать Божія, такимъ образомъ утвердить духъ человекъ надеждою на Бога, тогда мало по малу начинаетъ вводить его въ разныя искушенія, соразмѣрныя съ его силами, чтобы онъ могъ перенести тяжесть ихъ.“ *) И это до тѣхъ поръ, пока мало по малу человекъ не приучится и не приобрететъ мудрости и, въ надеждѣ на Бога, не будетъ въ состояніи презирать враговъ своихъ“ (Исаак. Сир. сл. 19). Эти

*) Искушенія эти идутъ съ стороны плоти міра и діавола.

искушения св. подвижники считали существенно необходимыми для укрѣпленія челоуѣка въ добръ (Ис. Сир. сл. 5). Подвергая челоуѣка такимъ искушениямъ, благодать Божія никогда однако же не оставляетъ его и безъ своего дѣятельнаго пособія. „Всякій разъ, когда мы начинаемъ колебаться, Госнодь простираетъ къ намъ руки свои, поддерживаетъ и утверждаетъ, чтобы иначе съ однимъ нашимъ произволомъ мы не пали совершеннымъ паденіемъ (Кассіанъ въ собесѣд. къ Ав. Пафнути § 12).

Борьба съ разными искушениями, постоянный трудъ, терпѣніе и другія добродѣтели, совершаемыя челоуѣкомъ съ помощію благодати, очищаютъ душу его отъ прежней слѣпой привязанности ко всему плотскому и чувственному, а съ другой укрѣпляютъ его въ добръ и даютъ ему силы легко и удобно исполнять заповѣди Божіи.

Когда челоуѣкъ, съ помощію Божественной благодати, начинаетъ довольно преуспѣвать и усовершенствоваться въ добръ, тогда діаволь всѣми силами старается возбудить въ немъ страсть гордости, самонадѣянности и такимъ образомъ удалить его отъ Бога. По этому, говоритъ св. Исаакъ Сиринъ, если благодать увидитъ, что въ мысляхъ подвижника стало поселиться нѣкоторое самоувѣреніе, то тотчасъ попускаетъ усилиться противъ него искушениямъ, чтобы, познавъ свою немощь, онъ снова прилѣпился со смиреніемъ къ Богу (слов. 19). Но при этомъ благодать не оставляетъ челоуѣка и своею помощію, напротивъ, тѣмъ сильнѣйшую падаетъ ему свою помощь, чѣмъ большей опасности подвергается онъ въ искушенияхъ (слов. 57).

Когда челоуѣкъ такимъ образомъ совершенно смиряется предъ Госнодомъ и съ дѣтскою довѣренностію и любовію прилѣпится къ Богу; Божественная благодать, не встрѣчая болѣе препятствія своимъ дѣйствіямъ, вхо-

дитъ, такъ сказать, въ самую глубину души его и производитъ въ немъ совершенное очищеніе и просвѣщеніе. Кто удостоился такой Божественной благодати, говоритъ св. Исаакъ Сиринъ, кто вкусилъ и испыталъ высшее небесное наслажденіе, тотъ не позволяетъ уже ничему чувственному, страстному входить въ свое сердце, потому что имъ овладѣло другое, высшее сремленіе; для него только одного оно и бываетъ открыто (слов. 57).

Эту степень духовнаго возрожденія св. подвижники называютъ состояніемъ безстрастія, духовнаго просвѣщенія, причастія св. Духа и проч. (Добротол. 7. 4, стр. 67 § 43. Ис. Сирин.).

Проходя такимъ образомъ, подъ руководствомъ благодати, показанныя степени духовной жизни—состояніе возрожденія, очищенія и просвѣщенія, челоуѣкъ, наконецъ, приходитъ въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова. На этой степени нравственнаго совершенства челоуѣкъ достигаетъ уже и высшей степени нравственной свободы, возможной въ здѣшней жизни. Онъ становится уже выше закона. Въмѣсто естественной немощи, онъ чувствуетъ въ себѣ такую благодатную силу, *по которой вся можетъ*, можетъ творить даже разные чудеса.

О грѣхѣ.

Грѣховность, увлеченіе, слабость, порокъ. Всепрошеніе Божіе подъ условіемъ исправленія со стороны грѣшника.

Подъ именемъ грѣха Слово Божіе разумѣетъ всякое отступленіе отъ закона Божія дѣломъ, словомъ и помысленіемъ: *Всяка неправда грѣхъ есть* (1 Іоан. 5, 17). *Всякъ творяй грѣхъ, и беззаконіе творитъ: и грѣхъ есть беззаконіе* (—3, 4). Отличая отъ случайныхъ преступленій той или другой заповѣди закона Божія, Слово Божіе

собственно грѣхомъ называетъ жизнь беззаконную, грѣховныя наклонности, состоянія, когда человѣкъ или совсѣмъ отвергаетъ законъ Божій, живетъ безъ закона, или извращаетъ смыслъ его и злоупотребляетъ его заповѣдями. Въ этомъ смыслѣ и говорится, что человѣкъ, внѣ благодати, проданъ подъ грѣхъ и живетъ въ немъ грѣхъ (Рим. 7, 14—17), что возрожденный благодатию умеръ грѣху (Рим. 6, 2) и не долженъ уже работать ему (—5, 12).

Для того, чтобы правильно оцѣнить виновность или тяжесть того или другого грѣха, нужно знать то состояніе, изъ котораго вышелъ грѣхъ; а состоянія эти суть различныя степени грѣховной испорченности человѣка. Какъ такія грѣховныя состоянія, мы рассмотримъ здѣсь слѣдующія: *грѣховность, увлеченіе, слабость, пороки.*

Подъ грѣховностью въ собственномъ смыслѣ разумѣется то поврежденное и растлѣнное грѣхомъ состояніе духовно-тѣлесной природы человѣка, которое, путемъ естественнаго рожденія, переходитъ отъ Адама на всѣхъ его потомковъ. Съ такою поврежденною и растлѣнною природою мы и раждаемся отъ своихъ родителей. Псалмопѣвецъ Давидъ говоритъ о себѣ: *въ беззаконіяхъ зачатъ есмь и во грѣсѣхъ роди мя мати моя* (Пс. 50, 7). Апостоль Павелъ говоритъ: *единицѣмъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде и грѣхомъ смерть.* (Рим. 5, 12). Словомъ „грѣхъ“ Апостоль означаетъ здѣсь собственно расположеніе ко грѣху, или грѣховность, какъ это видно въ переводѣ съ греческаго, а не самый грѣхъ. Иисусъ Христосъ говоритъ Никодиму: *рожденное отъ плоти плоть есть*, т. е. грѣховность, нечистота. Изъ всѣхъ этихъ мѣстъ ясно видно, что корень грѣховности людей заключается не въ нихъ самихъ, а въ ихъ родоначальникѣ—Адамѣ, отъ котораго къ нимъ переходитъ грѣхъ, потому что они отъ него происходятъ. Какъ отъ заражен-

наго источника течетъ зараженный потокъ, такъ и отъ зараженныхъ грѣхомъ родителей происходитъ грѣховное потомство. Эта наследственная порча, переходя отъ одного къ другому путемъ естественнаго рожденія, съ каждымъ новымъ поколѣніемъ, осложняясь личными грѣхами, пріобрѣтаетъ въ людяхъ все большіе и большіе размѣры. Она проникаетъ и обнимаетъ все существо человѣка, не оставляя цѣльною ни одной силы. Она обнимаетъ душу, и въ умѣ выражается медленностію и туностію въ познаніи Божественной истины (1 Кор. 2, 14), такъ что мы *едва разумываемъ, яже на земли, и яже въ рукахъ обрѣтаемъ съ трудомъ* (Прем. Сол. 9, 16); отсюда и происходятъ разныя заблужденія и предразсудки, невѣріе, суевѣріе, и проч. *Въ волѣ—самолубіемъ—началомъ всѣхъ порочныхъ склонностей и страстей* (Сир. 10, 14—15), большею удобопреклонностію ея къ злу, чѣмъ къ добру, такъ что теперь человѣкъ *не еже хочетъ доброе, творитъ, но еже ненавидитъ злое, то содѣлываетъ* (Рим. 7, 18—23), и отсюда постоянныя паденія и безчисленные грѣхи. *Въ чувствѣ* или сердцѣ—удаленіемъ отъ истиннаго духовнаго блага и склонностію къ благамъ чувственнымъ, плотскимъ, такъ что теперь, по слову Спасителя, оно служитъ *исходищемъ* всякаго зла и нечистоты (Мтѣ. 15, 19). *Въ совѣсти* эта порча обнаруживается въ томъ, что она не всегда ясно раскрываетъ человѣку волю Божию, недостаточно ясно обнаруживаетъ его преступленія, а иногда и вовсе не говоритъ о нихъ. Наконецъ, въ тѣлѣ человѣка наследственная грѣховность проявляется неестественнымъ преобладаніемъ его надъ духомъ; отсюда постоянная борьба между плотію и духомъ (Рим. 7, 23). По этому оно служитъ большимъ препятствіемъ для дѣятельности души. И кромѣ того, оно само стало подвергаться различнымъ немощамъ, болѣзнямъ и, наконецъ, смерти (Рим. 5, 12; 1 Кор. 15, 21). Будучи

столь развращеннымъ во всемъ своемъ существѣ, чело-
вѣкъ, естественно, является чадомъ гнѣва Божія. О
такой грѣховности челоѣка говорятъ и восточные Па-
триархи въ своемъ Посланіи о Православной вѣрѣ (1 ч.,
24 вопр. 6 чл. стран. 18—19).

Грѣховность, какъ наследственный законъ челоѣ-
ческой жизни, уничтожается духовнымъ возрожденіемъ
челоѣка благодатию Духа Святаго въ таинствѣ креще-
нія, хотя склонность ко злу, а въ связи съ этимъ и
всѣ слѣдствія зла совершенно не уничтожаются. Уничто-
женіе ихъ въ челоѣкѣ совершается постепенно во все
послѣдующее время его жизни, по мѣрѣ того, какъ онъ,
при помощи благодати Божіей, болѣе и болѣе будетъ
утверждаться или укрѣпляться въ добродѣтели, возвы-
шаться въ духовно-нравственномъ совершенствѣ.

Въ силу того, что въ челоѣкѣ и послѣ духовнаго
возрожденія его въ таинствѣ крещенія остается склон-
ность ко злу, челоѣкъ, по своей свободѣ, легко можетъ
уклониться съ истиннаго пути, и обратиться опять на
путь грѣха и нечестія. Поводомъ къ такому уклоненію
являются для него разныя искушенія со стороны плоти,
міра и діавола, которыя легко могутъ увлекать и оболь-
щать его своими прелестями, удовлетворяя живущей
еще въ немъ склонности къ грѣху *). Всѣ эти искушенія,

*) При этомъ подъ *плотию* разумѣется не одно тѣло, но весь
составъ поврежденной души челоѣка, поколику она дѣйствуетъ
въ сферѣ чувственныхъ пожеланій, или мыслить не по духу вѣ-
ры христіанской, а по высокоумію плотскаго разума. Подъ *міромъ*
разумѣется все то, что находится въ немъ, т. е. какъ предметы
и вещи міра, которые своею красотою, пріятностью или полез-
ностью привлекаютъ къ себѣ сердца людей и возбуждаютъ въ
нихъ слѣпое пристрастіе къ себѣ (1 Иоан. 2, 15), такъ особенно
люди, которые и своимъ образомъ мыслей, и своею жизнію про-
тивятся духу ученія Христова, а всѣхъ другихъ, *хотящихъ благо-
честно жити о Христѣ Иисусѣ* (2 Тим. 3, 12), гонять и преслѣ-

удовлетворяя живущимъ еще въ челоѣкѣ грѣховнымъ
наклонностямъ, легко увлекаютъ челоѣка, хотя и воз-
рожденнаго, но еще не утвердившагося въ добродѣтели
и не испытаннаго въ борьбѣ съ искушеніями. И если
челоѣкъ съ перваго же раза не постарается удалить
отъ себя эти искушенія, при помощи благодати Божіей,
напротивъ будетъ останавливать на нихъ свое вниманіе,
въ ложной самоувѣренности, что онѣ не могутъ причи-
нить ему особеннаго вреда, тогда живущія въ немъ
грѣховныя наклонности, подкрѣпляемыя и разжигаемыя
этимъ искушеніями, будутъ пріобрѣтать все большую и
большую силу, а вмѣстѣ съ тѣмъ погашать и ослаблять
живущую въ немъ силу духа, постепенно вытѣснять его
изъ челоѣка. Такимъ образомъ различныя грѣховныя
увлеченія челоѣка неизбежно приводятъ къ ослабленію
его духа, къ разстройству духовно-нравственной жизни.
Это такъ и должно быть. Когда наша душа всѣ силы
свои сосредоточиваетъ внутри себя и направляетъ ихъ
къ одной цѣли, не позволяя расхищаться ничѣмъ внѣш-
нимъ, стороннимъ, тогда она чувствуетъ въ себѣ осо-
бенную силу и крѣпость и готова бываетъ на всякое
благое дѣло. Напротивъ, коль скоро силы ея расхищают-
ся разными сторонними предметами, то и сама душа
не можетъ быть такъ сильна въ борьбѣ съ разными
искушеніями, препятствующими ей въ достиженіи выс-
шей цѣли ея—Богоуподобленія. Въ такомъ состояніи
она не можетъ противостоять всѣмъ искушеніямъ и

думаютъ ненавистію, презрѣніемъ, насмѣшками и проч. Какъ-бы
на помощь всѣмъ этимъ искушеніямъ является, затѣмъ, исконный
врагъ нашего спасенія—діаволь, который тѣмъ опаснѣе для че-
лоѣка, чѣмъ могущественнѣе и изобрѣтательнѣе въ своихъ коз-
няхъ. Какъ *князь міра сего* (Иоан. 12, 31), онъ пользуется всѣмъ,
къ чему имѣетъ доступъ и что можетъ способствовать ему въ
достиженіи злыхъ намѣреній на погибель челоѣка.

грѣховнымъ наклонностямъ, ослабѣваетъ въ этой борьбѣ и невольно склоняется въ ихъ сторону. И если въ состояніи увлеченія человѣкъ, еще чувствуя въ себѣ нравственную силу духа, думаетъ, что эти увлеченія не причинятъ ему особеннаго вреда, что онъ во всякое время можетъ отстать отъ нихъ, то въ состояніи духовно-нравственнаго ослабленія, духовной немощи, человѣкъ сознаетъ уже опасность своего положенія, свое безсиліе дѣлать добро и противостать злу, сожалеетъ о такомъ состояніи, желаетъ и старается освободиться отъ него, но уже не имѣетъ для этого въ достаточной степени ни своей духовной силы, ни надежды на всесильную помощь Божию, хотя, при усиленномъ стараніи и искреннемъ желаніи выйти изъ такого состоянія, онъ можетъ еще достигнуть этого, съ помощію благодати Божіей.

Когда же человѣкъ, не обращая вниманія на свои разныя грѣховныя увлеченія, приводящія его къ духовной слабости и немощи къ совершенію добрыхъ дѣлъ и къ преодолѣнію искушеній, не будетъ усиливаться выйти изъ такого состоянія, уврачевать свою духовную немощь и призывать для этого на помощь благодать Божию, тогда плоть возобладаетъ надъ его духомъ, состояніе его духовной немощи перейдетъ уже въ порочное состояніе, изъ котораго человѣку уже еще труднѣе освободиться и стать на истинный путь добродѣтели.

Порокомъ обыкновенно у насъ называютъ по чему то привязанность, пристрастіе человѣка только къ тѣмъ грѣхамъ, которые унижаютъ человѣка въ глазахъ міра, напр., пьянство, воровство, развратъ. Между тѣмъ порокомъ собственно долженъ быть названъ всякій грѣхъ, коль скоро онъ достигаетъ такой власти надъ человѣкомъ, что онъ становится рабомъ его, *проданнымъ грѣху* (Римл. 7, 14, 17). Впрочемъ, какъ-бы глубоко ни было нравственное паденіе человѣка, Слово Божіе увѣряетъ

насъ, что всякій грѣшникъ имѣетъ возможность выйти изъ своего грѣховнаго состоянія и снова обратиться къ Богу, если будетъ, уповать на всесильную помощь благодати Божіей, которая подаетъ человѣку *вся Божественныя силы, яже къ животу и благочестію* (2 Петр. 1, 3), лишь-бы только онъ, при сознаніи своей духовной немощи, искренно сожалѣлъ о своемъ паденіи, раскаявался въ немъ и не отвергалъ даруемыхъ ему благодатныхъ средствъ къ исправленію. Примѣръ покаившагося на крестѣ разбойника, примѣръ святой Маріи Египетской, до своего обращенія бывшей великой грѣшницей, и многіе другіе примѣры самымъ дѣломъ удостовѣряютъ насъ въ этой истинѣ.

Обязанности къ храмамъ Божіимъ.

Почитаніе храма и святынъ его: Креста, Евангелія, Иконъ, Мощей; противоположность иконопочитанія идолопоклоненію. Благоприличное поведеніе въ храмѣ.

Храмы Божіи предназначаются исключительно для общественнаго Богослуженія (Мтѣ 21, 12, 13): здѣсь возносится Богу общая молитва, общее славословіе и благодареніе; здѣсь возвѣщается Слово Божіе и совершаются святыя Таинства; здѣсь каждый вѣрующій тѣснѣйшимъ образомъ соединяется съ Богомъ и І. Христомъ, Спасителемъ нашимъ, потому что въ храмѣ Божіемъ имѣются всѣ посредствующія орудія духовнаго общенія Бога съ человѣкомъ. Здѣсь и Самъ Господь являетъ свое особенное присутствіе, ибо Онъ сказалъ: *„гдѣ двое или трое собраны во имя Мое; тамъ Я посреди ихъ* (Мтѣ 18, 20; срав. 23, 16—22). Такое высокое назначеніе храмовъ Божіихъ естественно налагаетъ обязанность на cadaго христіанина питать къ нимъ особенно глубокое уваженіе и любовь. Питая такія чувства, мы естественно должны съ величайшею

охотою и радостію посѣщать храмы Божіи, особенно въ опредѣленные времена общественныхъ моленій и священнодѣйствій, подражая благочестію древнихъ святыхъ мужей (Пс. 121, 1; 83, 2, 3, 5, 6, 11; 26, 4; 41, 1—13). Должны содѣйствовать ихъ благосостоянію своими пожертвованіями, чтобы чрезъ это доставить имъ возможность украшаться такимъ благолѣпіемъ, которое могло бы внушить каждому изъ насъ священное благоговѣніе и питать въ насъ чувства высокія и небесныя. Такая ревность и любовь къ храмамъ Божіимъ послужить драгоценнымъ украшеніемъ и для нашего собственнаго храма—души, которую мы должны устроить въ жилище Богу (1 Петръ 2, 5; 1 Кор. 6, 19; 2 Кор. 6, 16; Еф. 2, 21, 22).

Почитая храмъ Божій, мы должны свято почитать и всѣ святыни храма, какъ то: честный Крестъ Господень, св. Евангеліе, св. Иконы, св. Мощи и проч. Эти святыни издревле составляютъ необходимыя принадлежности христіанскихъ храмовъ и, съ одной стороны, служатъ видимымъ свидѣтельствомъ и выраженіемъ вѣры нашей, а съ другой—возбуждаютъ, питаютъ и поддерживаютъ благоговѣйныя расположенія и чувствованія въ сердцахъ нашихъ, возводятъ умы наши отъ образа къ первообразному, отъ видимаго къ невидимому и дѣлаются для насъ орудіями благодати и помощи Божіей.

Въ частности, 1) *Честный Крестъ Господень*, какъ знаменіе и орудіе нашего искупленія, съ самыхъ первыхъ временъ христіанства свято былъ почитаемъ ради распятаго и пострадавшаго на немъ Спасителя. (1-я Аполл. Густ., гл. 72; Аполл. Терт., гл. 16; Кир. Иер. Огл. 13 гл. 36, 41). Св. Отцы 6-го всел. Собора пишутъ: „Поелику животворящій Крестъ явилъ намъ спасеніе, то подобаетъ намъ всякое тщаніе употреблять, да будетъ воздаваема подобающая честь тому, чрезъ что мы спа-

сены отъ древняго грѣхопаденія. Посему и мыслию, и чувствомъ мы должны приносить ему поклоненіе (Прав. 73).

2) Св. Евангеліе, содержа въ себѣ радостное благовѣстіе о нашемъ спасеніи чрезъ едиnorodнаго Сына Божія І. Христа, всегда составляло предметъ благоговѣйнаго почитанія для вѣрующихъ. Оно напоминало имъ собою самого Спасителя, и по этому они всегда взирали на него съ особенною вѣрою, и свое благоговѣніе къ нему выражали въ различныхъ внѣшнихъ знакахъ и дѣйствіяхъ. Въ Постановленіяхъ Апостольскихъ пишется, что Евангеліе читали діаконы или пресвитеры, а не чтецы, и что, при чтеніи его, всѣ должны стоять въ глубокомъ молчаніи, не только народъ, но и пастыри, открывъ и преклонивъ главы, въ знаменіе особеннаго благоговѣнія и покорности Господу (Кн. 2, гл. 57). Блаж. Иеронимъ свидѣтельствуетъ, что въ Восточной Церкви предъ чтеніемъ Евангелія и днемъ возжигали свѣтильники (прот. Вигил. гл. 3). Отцы 7-го всел. Собора, опредѣляя образъ почитанія св. Иконъ въ Церкви, по образу почитанія Животворящаго Креста и св. Евангелія, добызаніемъ, почитательнымъ поклоненіемъ, оміамомъ и поставленіемъ свѣчей, ясно показываютъ, что Животворящій Крестъ и св. Евангеліе издревле были такимъ образомъ почитаемы (Догм. св. Отц. 7-го всел. Собора).

3) Въ христіанской Церкви употребленіе и почитаніе св. Иконъ современно самому началу христіанства. Такъ, древнее преданіе удостовѣряетъ, что Самъ Господь нашъ І. Христосъ далъ нерукотворенное изображеніе Своего Лица живописцу, бывшему въ числѣ пословъ отъ эдесскаго князя Авгаря (Іоан. Дамаск. Излож. вѣры, Кн. IV, гл. 16-я). Въ Церкви находится также общее преданіе, что первое изображеніе Богоматери съ Боже-

ственнымъ Младенцемъ, написано еще при жизни Ея св. Евангелистомъ Лукою. И когда художникъ—евангелистъ представилъ Ей свою работу въ 3-хъ экз., Она выразила свое одобрение: благодать Роднагося изъ Мене и Моя буди съ тѣми иконами. (Четъи мин. подь 18 Окт.). Во II и III вв. были многія живописныя изображенія І. Христа и Святыхъ. Церковный историкъ Евсевій кес. пишетъ, что онъ видѣлъ въ Панадѣ съ древнѣйшихъ времянь хранившіяся доски съ изображеніемъ Спасителя и св. Апостоловъ Петра и Павла (Церк. Ист. Кн. 7, гл. 17). Съ 4-го вѣка св. Иконы являютъ уже во всеобщемъ употребленіи въ христ. Церкви. Въ послѣдованіи Литургіи св. Златоуста прямо повелѣвается поклоняться и лобызати Икону Христову и Богородичну литургисающимъ.

Употребленіе св. Иконъ насколько естественно, настолько весьма необходимо и полезно. Въ земной Церкви необходимо должно быть и земное устройство; иначе все въ ней было бы для насъ непонятно и не постижимо. „Безъ образовъ, говоритъ Діонисій ареопаг., къ нашему понятію приспособленныхъ, мы не можемъ созерцать вещей безтѣлесныхъ, ибо мы не можемъ непосредственно возноситься къ созерцаемому духовно“ (Прав. испов. 243—244). Св. Иконы служатъ лучшимъ средствомъ къ живѣйшему представленію всего домостроительства Божія о нашемъ спасеніи. Для религіозно-развитаго челоуѣка онѣ служатъ къ оживленію въ памяти тѣхъ истинъ, которыя вынесены имъ изъ книгъ, а для простаго замѣняютъ самыя книги. „Узрѣвъ Икону предвѣчнаго Младенца, скажемъ словами одного знаменитаго Святителя русской Церкви,—въ объятіяхъ Матернихъ держимаго, тотчасъ всякій познаетъ воплощеніе Сына Божія спасенія нашего ради. Узрѣвъ Икону Христа, на Крестѣ распята, тотчасъ всякій видитъ, и какъ въ

открытой книгѣ читаетъ цѣну искупленія своего. Узрѣвъ Икону св. Стефана мученика, Екатерины мученицы и друг., всякій тотчасъ познаетъ и поучается, сколько зла потерпѣли святые ради Христа“ (Камень вѣры, ч. I, 104 стр.). Затѣмъ, св. Иконы служатъ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ возбужденію въ челоуѣкѣ благоговѣйныхъ чувствъ и благочестивыхъ мыслей. Исторія Церкви свидѣтельствуетъ, что одинъ взглядъ на изображеніе св. Иконъ производилъ иногда совершенный переломъ во всей внутренней жизни челоуѣка и приводилъ невѣрующихъ къ обращенію. Что, наприм., обратило на путь спасенія Марію егип. и сдѣлало ее строгой подвижницей? Взглядъ на икону Богоматери въ притворѣ Храма Іерусалимскаго. (Четъи мин. подь 1 апр.). Что особенно поразило сердце равноапостольнаго кн. Владимира, когда онъ колебался въ выборѣ для себя вѣры и медлилъ креститься? Изображеніе страшнаго суда. Возбуждая въ насъ святые мысли и чувства, иконы тѣмъ самымъ побуждаютъ насъ къ подраженію святымъ, на нихъ изображеннымъ, и такимъ образомъ служатъ для насъ истиннымъ училищемъ благочестія и добродѣтели. Во время гоненія на почитателей иконъ, воздвигнутаго греческимъ императоромъ Львомъ Исавромъ, догматъ иконопочитанія запечатлѣнъ былъ кровію многихъ мучениковъ и наконецъ рѣшительно утверждёнъ голосомъ всей Церкви на VII всел. Соборѣ. Многія изъ св. Иконъ прославлены славою чудесъ, и этимъ Самъ Господь ясно показываетъ намъ, что почитаніе св. Иконъ Ему благоугодно.

Кромѣ Иконъ Правосл. Церковь почитаетъ еще Мощи Святыхъ. Если люди чествуютъ останки близкихъ и дорогихъ сердцу ихъ лицъ, то тѣмъ болѣе мы христіане должны почитать останки Святыхъ, которые подвизались за вѣру въ І. Христа и показали намъ примѣръ для

подражанія. Дѣйствительность нетлѣнія мощей св. угодниковъ Божіихъ несомнѣна. Ап. Павелъ тѣла святыхъ ясно называетъ живыми членами Христовыми и храмами Духа Святаго: *не вѣсте ли яко тѣлеса ваши удове Христови суть* (1 Кор. 6, 15); или *не вѣсте, яко тѣлеса ваши храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа суть, Его же имате отъ Бога* (1 Кор. 6, 19); сравн. 1 Кор. 3, 16; 2 Кор. 6, 16). Но благодать Св. Духа сильна, чтобы и по отдѣленіи души отъ тѣла даровать тѣлу нетлѣніе. *Какъ сосудъ*, говоритъ Пресв. Филаретъ, *въ которомъ долго хранится благовонная мазь, заимствуетъ отъ нея силу благоуханія, такъ самое тѣло христіанина, въ которомъ постоянно обитала благодатная сила Христова, проникается ею во всемъ своемъ составѣ и даже благоухаетъ ею для другихъ. И поелику сила Христова нетлѣнна, то естественно, что она „вселяясь“* (2 Кор. 12, 9) *въ людей, которые Христовы* (Гал. 5, 24), *и тѣламъ ихъ сообщаетъ нетлѣніе* (Слова и рѣчи 1 ч., отд. 4, стр. 297). Надъ мощами мучениковъ созидались храмы или алтари, и мощи Святыхъ постановлено Церковію полагать въ основаніе св. алтарей и безъ нихъ не освящать храмовъ (Всел. 7-го соб. пр. 7-е). Св. Отцы Церкви и сами свято почитали останки Святыхъ, и внушали вѣрующимъ свято чтить ихъ (Григ. Бог. Обл. Слово на Юліана; Злат. Похв. Слов. Игн. Бог.; I. Дам. о Прав. вѣрѣ Кн. 4, гл. 15).

Нѣкоторые изъ иновѣрцевъ (протестанты) говорятъ, что почитаніе Иконъ запрещается второю заповѣдію. Но эта заповѣдь воспрещаетъ дѣланіе кумировъ и поклоненіе имъ, но не поклоненіе св. Иконамъ. Кумиры—это изображенія ложныхъ боговъ, выдуманныхъ людьми, Иконы же суть изображенія истиннаго Бога и св. угодниковъ, дѣйствительно существующихъ. Тотъ же прор. Моисей, чрезъ котораго дана была заповѣдь, запрещаю-

щая кумиры, по повелѣнію Божію, поставилъ въ Скиніи два золотыхъ изображенія Херувимовъ надъ Ковчегомъ завѣта. Предъ этою частію Скиніи горѣлъ седмисѣчникъ, воскурялся оиміамъ и совершались моленія вѣрующихъ. При этомъ Прав. Церковь, заповѣдуя вѣрующимъ такое почитаніе св. Иконъ, внушаетъ имъ духомъ и мыслями обращаться къ тѣмъ, кого они изображаютъ, такъ чтобы „чествованіе образа, по словамъ св. Василия Вел., переходило къ первообразу“, вмѣстѣ съ тѣмъ она осуждаетъ тѣхъ, которые чествуютъ Иконы безотносительно, поклоняются имъ, какъ кумирамъ, боготворятъ ихъ. (См. объ этомъ также Прав. Испов. ч. III, отв. на вопр. 55; Посл. вост. Патріарх. о прав. вѣрѣ отв. на вопр. 3-й).

Благоприличное поведеніе въ храмъ. Храмы Божіи составляютъ для всякаго христіанина священное мѣсто не только по своему святому назначенію для молитвы и священнодѣйствій, но и по самому существу, какъ мѣсто селенія Вышняго, какъ дома Божіи. По этому каждый христіанинъ долженъ питать къ нимъ особенныя чувства благоговѣнія и почитанія. Нѣкогда патріархъ Іаковъ удостоился видѣть во снѣ таинственную лѣстницу, по которой Ангелы Божіи нисходили на землю и потомъ восходили на небо и изъ устъ Самого Бога, явившагося ему, услышать многозначительное обѣтованіе о своемъ потомствѣ. Возставъ отъ сна, исполненный ужаса отъ видѣнія величія и славы Божіей, онъ воскликнулъ: *страшно есть мѣсто сіе; ипсть сіе, но домъ Божій и сія врата небесная.* Это чувство трепетнаго благоговѣнія къ мѣстамъ, на которыхъ Господь благоволилъ являть свое присутствіе людямъ, не одинъ разъ изображается въ ветхомъ завѣтѣ. Такъ Моисей, узрѣвъ чудесную купину, горящую и негорающую, желая приблизиться, чтобы разсмотрѣть чудо, услышалъ голосъ, говорящій ему: *не приближайся сѣмо: иззуй сапоги отъ*

ногъ твоихъ: мѣсто бо, на немъ же ты стоиши, земля свята есть (Исх. 3, 5). И послѣ, когда Богъ восхотѣлъ возвѣстить законъ свой на Синаѣ, Онъ запретилъ, подлѣ страхомъ смерти, прикасаться къ горѣ (Исх. 19, 12). Если Господь требовалъ такого почтенія и благоговѣнія къ мѣстамъ, на которыхъ являлъ свое присутствіе только временно, то не большаго ли Онъ требуетъ почтенія и благоговѣнія къ нашимъ храмамъ, въ которыхъ утверждаетъ постоянное жилище Себѣ? Каждый изъ нашихъ храмовъ, какъ домъ Божій, какъ мѣсто присутствія Святыхъ Святѣйшаго, долженъ быть домою святыни: *Дому Твоему подобаетъ святыня, Господи*, взывалъ св. прор. Давидъ (Пс. 92, 5). Въ храмахъ нашихъ совершается святѣйшее таинство Евхаристіи; въ нихъ Силы небесныя, предстоя съ нами священному и страшному таинодѣйствию, воспѣваютъ Ему вмѣстѣ съ нами хвалу и прославляютъ Его непостижимую благодать. По этому, естественно, каждый изъ христіанъ долженъ питать трепетное благоговѣніе и любовь къ храмамъ Божиимъ и, входя и предстоя въ нихъ, долженъ забыть все земное, изгнать изъ своей души всѣ мірскіе помыслы, чтобы одинъ Господь всецѣло наполнялъ ее и озарялъ умъ его чистою вѣрою, сердце—пламенною любовію. Первенствующіе христіане хорошо понимали святость храмовъ Божіихъ; они знали, что нужно быть святымъ, или по крайней мѣрѣ искренно желать того, чтобы достойно войти въ домъ Божій и, входя въ храмъ, смиренно молили Господа, *да сердце чисто созиждетъ въ нихъ и духъ правъ обновитъ во утробахъ ихъ*. Явные грѣшники были отлучаемы отъ среды вѣрныхъ и не прежде допускались въ храмъ, какъ только послѣ очищенія себя слезами покаянія.

Крестное знаменіе и поклоны земные, поясные.

Крестное знаменіе есть начертаніе образа Креста

на челѣ, груди и плечахъ, которымъ каждый ограждаетъ себя во всѣхъ случаяхъ и обстоятельствахъ своей жизни и дѣятельности. Оно соединяется съ мыслию о Крестѣ, какъ орудіи нашего искупленія, и крестныхъ страданій и смерти Спасителя, какъ высшемъ и заключительномъ актѣ искупительной дѣятельности Спасителя. Отсюда крестное знаменіе для насъ искупленныхъ есть съ одной стороны выраженіе молитвеннаго дерзновенія къ Богу, а съ другой—смиреннаго сознанія грѣховности, ради которой подъяты Спасителемъ крестныя страданія и смерть. Крестному знаменію, съ вѣрою совершаемому, съ первыхъ временъ христіанства приписывается сила, которая все побѣждаетъ, все очищаетъ и освящаетъ. Св. Златоустъ въ 34-й бесѣдѣ на Ев. Матѳея говоритъ о силѣ знаменія креста такъ: „если ты съ сильною вѣрою и надеждою изобразишь крестъ на лицѣ твоёмъ, то ни одинъ изъ нечистыхъ духовъ не можетъ близъ тебя стать, потому что онъ увидитъ мечъ, который причинилъ ему смертельную рану. Ибо, если мы, видя мѣста, гдѣ казнятъ осужденныхъ, приходимъ въ ужасъ; то подумай, какъ будутъ страдать діаволы и бѣсы, видя оружіе, которымъ Христосъ разрушилъ всю ихъ силу, отсѣкъ и главу змѣю. Не стыдись столь сильнаго креста, чтобы тебя не постыдился Христосъ, когда придетъ со славою своею, и когда предъ Нимъ явится знаменіе свѣтлѣе лучей солнечныхъ. Это знаменіе и при прародителяхъ нашихъ, и теперь отверзло заключенныя двери; оно уничтожило ядовитыя вліянія; отняло губительную силу у растеній; исцѣлило укушеніе ядовитыхъ звѣрей; ибо этотъ крестъ спасъ и обратилъ вселенную, изгналъ заблужденіе, возвратилъ истину, сдѣлалъ изъ земли небо, изъ людей Ангеловъ. По причинѣ креста бѣсы уже не страшны, но достойны презрѣнія; смерть уже не смерть, а сонъ. Крестомъ все повержено долу и все на насъ встающее

попрано. По этому какъ у древнихъ христіанъ, такъ и въ настоящее время мы видимъ крестное знаменіе въ самомъ широкомъ употребленіи.

Въ христіанской Церкви крестное знаменіе большею частію, особенно во время молитвы; сопровождается пошными и земными поклонами. Этими внѣшними дѣйствіями христіанинъ выражаетъ чувства величайшаго благоговѣнія, смиренія и покорности предъ Богомъ и особенной теплоты молитвы. Чѣмъ ниже человекъ преклоняетъ свою главу и тѣло, тѣмъ большую покорность, смиреніе и благоговѣніе онъ обнаруживаетъ предъ Богомъ. Въ такомъ смыслѣ и для такихъ цѣлей эти внѣшнія дѣйствія употребляются въ Церкви христіанской съ древнихъ временъ. Паденіе ницъ освящено для насъ примѣромъ Самого І. Христа (Мтѣ. 26, 39).

Почитаніе праздниковъ.

Праздничный покой и праздность.

Праздники учреждены въ память особенныхъ благодѣяній Божіихъ, являемыхъ или ко всему человѣческому роду, или къ какому либо отдѣльному обществу или Церкви, за которыя вѣрующіе призываются благодарить и прославлять Бога. Всѣ праздники обыкновенно раздѣляются на Господніе, Богородичные и Святыхъ. Первые установлены для торжественнаго воспоминанія важнѣйшихъ обстоятельствъ изъ земной жизни Господа нашего І. Христа и для прославленія и благодаренія за нихъ Бога; вторые — въ честь Божіей Матери, а третьи — въ память Святыхъ, наиболѣе прославленныхъ по благодати Св. Духа. Въ эти дни каждый христіанинъ долженъ оставлять обыкновенныя будничныя работы и заниматься исключительно предметами Богопознанія и Богопочтенія въ храмѣ и дома, равно какъ и другими дѣлами благочестія и благотворительности внѣ храма,

какъ напримѣръ: чтеніемъ назидательныхъ книгъ, посѣщеніемъ больныхъ, помощью бѣднымъ и проч. Исполненіе всего этого, т. е. какъ оставленіе обыкновенныхъ будничныхъ работъ, такъ и занятія исключительно дѣлами Богопочтенія, требуетъ прямая заповѣдь Божія о днѣ покоя или праздника. Въ ветхомъ завѣтѣ этимъ днемъ была суббота, а въ христіанской Церкви — день воскресный (Дѣян. 20). Но какъ въ ветхозавѣтной Церкви подъ именемъ субботы разумѣлись и другіе праздничные дни, такъ и въ христіанской Церкви, кромѣ воскреснаго дня разумѣются и другіе вышеуказанные праздничные дни. (Прав. Иснов. ч. 3, вопр. 60; ч. 1, вопр. 88). Только дѣла необходимости и человеколюбія не запрещаются въ эти дни, первыя потому, что онѣ необходимы и не допускаютъ отсрочки, а послѣднія, какъ дѣла Богоугодныя. Доказательство этого мы видимъ въ примѣрѣ Самого І. Христа, Который большую часть Своихъ благотворительныхъ чудесъ совершалъ въ субботу, и соблазнавшимся этимъ книжникамъ и фарисеямъ говорилъ: *достоитъ въ Субботы добро творити* (Мтѣ. 12, 12).

Изъ сказаннаго о праздничномъ покоѣ слѣдуетъ, что его нельзя понимать въ смыслѣ праздности, ничегонедѣланія. Праздничный покой есть покой только отъ обыкновенныхъ будничныхъ занятій, для болѣе безпрятственнаго служенія Богу, но не совершенная бездѣтельность; между тѣмъ какъ праздность понимается именно въ смыслѣ такой бездѣтельности (2 Сол. 3, 11). Это одинъ изъ самыхъ дурныхъ пороковъ людей, влекущій за собой еще много другихъ. *Мнозній злобъ научила праздность*, говоритъ премудрый (Сир. 33, 28). И пословица говоритъ, что праздность — мать пороковъ. Она является противною заповѣди Божіей о шестидневномъ дѣланіи (Исх. 20, 9—11) и самому назначенію

человѣка. Создавъ человѣка, надѣливъ его душевными и тѣлесными силами и способностями, Богъ опредѣлилъ для него и соотвѣтственный родъ дѣятельности, посредствомъ котораго онъ могъ-бы развивать и усовершенствовать свои силы: ибо всякая сила развивается отъ упражненія въ соотвѣтственной дѣятельности. Праздность противорѣчитъ этому назначенію. Трудъ тѣлесный и духовный составляетъ обязанность каждаго человѣка, при всякихъ обстоятельствахъ его жизни и во всякое время, исключая безпомощную старость или болѣзнь. Считаая преступнымъ этотъ порокъ, Ап. Павелъ говоритъ: *если кто не хочетъ трудиться, тотъ не долженъ и ѣсть* (2 Сол. 3, 10).

Соблюденіе постовъ и ихъ значеніе.

Подъ именемъ поста въ простомъ и обыкновенномъ смыслѣ разумѣется воздержаніе или вообще отъ всякой пищи, или отъ извѣтнаго ея рода. Это не есть простая только умѣренность, къ которой обязаны всѣ люди и во всякое время. Постъ есть высшая степень воздержанія, котораго требуетъ св. Церковь въ извѣстные только дни и недѣли.

Св. Церковію установлены слѣдующіе посты: въ кругу недѣльномъ: среда и пятокъ. Первый установленъ въ воспоминаніе преданія Господа на страданія, а послѣдній—въ воспоминаніе самыхъ Его страданій. Въ кругу годичномъ первое мѣсто занимаетъ Великій постъ (сорокадневный) съ Страстною Седмицею, предъ праздникомъ Пасхи; другой сорокадневный постъ—предъ праздникомъ Рождества Христова; затѣмъ постъ отъ недѣли всѣхъ Святыхъ до дня Св. Апостоловъ Петра и Павла и двухнедѣльный постъ предъ праздникомъ Успенія Божіей Матери. Всѣ эти посты установлены Прав. Церковію съ древнѣйшихъ временъ и соблюдаются всѣми православными христіанами. Кромѣ этихъ четырехъ пос-

товъ Прав. Церковь совершаетъ еще нѣкоторые однодневные, каковы: въ навечеріе Богоявленія Господня, (5 Янв.), въ день Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня (14 Сент.) и въ день Усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи и Крестителя Господня (29 Авг.). Наконецъ могутъ быть и бывають еще частные посты, соблюдаемые или отдѣльными частными лицами, или же цѣлыми обществами, по собственному желанію, обѣту, или по совѣту пастырей Церкви.

Цѣлю своею посты имѣють умерщвленіе плоти съ ея чувственными пожеланіями и страстями, прощеніе грѣховъ посредствомъ покаянія, укрѣпленіе духовныхъ силъ и возстановленіе душевнаго здравія чрезъ общеніе съ Господомъ въ таинствѣ Причащенія. Конечная цѣль ихъ—достойное приготовленіе себя къ участию въ той духовной радости, которую доставляютъ христіанину слѣдующіе за ними праздники.

Къ подвигамъ поста, вмѣстѣ съ св. Церковію, призываетъ насъ и Самъ Богъ. Такъ Онъ Самъ заповѣдалъ первымъ людямъ постъ, запретивъ имъ вкушать отъ древа познанія добра и зла. Въ послѣдствіи времени постъ былъ утвержденъ закономъ Моисея, по которому день очищенія былъ, для іудеевъ днемъ поста и покаянія (Лев. 16, 29—31; 23, 27—32). Въ новомъ заветѣ. Самъ І. Христосъ освятилъ для насъ постъ Своимъ собственнымъ примѣромъ (Мтѣ. 4, 2), заповѣдалъ его своимъ послѣдователямъ, съ указаніемъ того, какъ они должны проводить постъ, чтобы онъ былъ угоденъ Богу (Мтѣ. 6, 16—18) и объ ученикахъ Своихъ сказалъ, что они будутъ поститься, когда отнимется у нихъ Женихъ (Марк. 2, 20). Слѣдуя примѣру и заповѣди Спасителя, Апостолы и первенствующіе христіане воздавали должное почтеніе посту. Такъ Св. Ап. Павелъ говоритъ о себѣ: *мы во всемъ являемъ себя какъ служители Божіи—*

въ трудахъ, бдніяхъ, постахъ (2 Кор. 6, 4—5). Отправленію св. Апостоловъ Павла и Варнавы въ апостольское путешествіе предшествовалъ постъ христіанъ Церкви Антіохійской (Дѣян. 13, 2—3). Рукоположеніе пресвитеровъ сопровождалось молитвою и постомъ (Дѣян. 14, 23).

Сообразно съ такимъ высокимъ назначеніемъ и важностью поста, слово Божіе и св. Церковь обязываютъ насъ и проводить его достойнымъ образомъ. Мы должны совершать постъ съ добрыми расположеніями души: должны поститься не только *тѣлеснъ*, но и *духовнъ*; должны соединять съ подвигомъ поста подвиги молитвы, покаянія и благочестія (Ис. 58, 3—7; Іоил. 2, 12—13; Лук. 3, 7—18; 18, 13—14). Св. Церковь требуетъ, чтобы мы въ продолженіе всего поста отказывались не только отъ извѣстнаго рода пищи и питья, но и отъ пустыхъ бесѣдъ, разныхъ увеселеній, вообще отъ всего, что можетъ служить для насъ поводомъ къ паденію, и чтобы, взамѣнъ всего этого, совершали дѣла христіанской любви и благочестія. *Дадимъ*, взываетъ она, *алчущимъ хлѣбъ и нищія безкровныя введемъ въ дома*. Во время поста столъ нашъ долженъ быть самый простой и умѣренный, и остатки отъ расходовъ на столъ должны употреблять на подаваніе милостыни.

Объ обязанностяхъ христіанина къ самому себѣ.

Самообразование въ духѣ Православія.

Иисусъ Христосъ въ основу всей нравственной жизни и дѣятельности человѣка положилъ одно начало *любви*. Слѣдовательно и въ основѣ обязанностей человѣка къ самому себѣ должна лежать та же *любовь* (Мтѣ. 22, 39), но любовь не эгоистическая, грѣховная, а истинная и святая. Въ основѣ этой любви должно лежать сладостное чувство и сознаніе высокаго достоинства нашей природы,

возрожденной благодатію, и высшее званіе наше во Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ. Христіане, по ученію самого слова Божія, *родъ избранъ, царское священіе, языкъ святъ, люди обновленія* (1 Петр. 2, 9). Они суть *члены Тѣла Христова... храмы Духа Святаго* (1 Кор. 6, 15; 12, 27; 3, 16). *Тѣмъ же братією нарицаетъ ихъ Самъ Сынъ Божій* по естеству, какъ сыновъ Божіихъ по благодати (Римл. 8, 16—17). Въ силу этой любви, христіанинъ долженъ воспитывать и образовывать себя такъ, чтобы всѣ его мысли и чувствованія, желанія и дѣйствія направлены были къ тому, чтобы онъ могъ не только сохранять, но больше и больше возвышать въ себѣ это достоинство и постепенно достигать того духовнаго совершенства и того высочайшаго блага, какое указано ему Спасителемъ въ Евангеліи (Мтѣ. 5, 48; Іоан. 17, 21, 23, 24). Достиженіе всего этого возможно для него только тогда, когда онъ во всемъ исполняетъ волю Божію, когда онъ всѣми силами своего существа—умомъ, волею и чувствомъ стремится приблизиться къ Богу, чрезъ познаніе и исполненіе святой Его воли. На это указываетъ и св. Ап. Павелъ, когда говоритъ: *искушайте, что есть воля Божія, благая, и угодная и совершенная* (Римл. 12, 2). И такъ какъ воля Божія есть единственное начало всего сущаго: то *искушать волю Божію* въ этомъ отношеніи значить, очевидно, тоже, что познавать намѣреніе Творца въ Его твореніи, познавать Его безконечныя свойства и совершенства. Съ другой стороны, *воля Божія есть святость наша* (1 Сол. 4, 3). Въ этомъ отношеніи *искушать волю Божію* значить познавать тѣ законы и заповѣди Божіи, по которымъ слѣдуетъ жить человѣку, и обращать такое познаніе въ самую дѣятельность (Еф. 5, 10; Кол. 4, 12). И такъ каждый христіанинъ долженъ достигать конечной своей цѣли и назначенія двумя путями: путемъ Богопознанія и Богоупо-

добленія. Въ этомъ направленіи онъ и долженъ развивать или образовывать себя.

Такому развитію и образованію чело­вѣка, много способствуетъ, конечно, изученіе имъ разныхъ наукъ, между которыми наука христіанской православной вѣры должна занимать самое первое и главное мѣсто: она должна предварять, сопровождать и заключать всякую другую науку, потому что въ ней все относится прямо и непосредственно къ рѣшенію существенныхъ вопро­совъ жизни и все основывается на началахъ неизмѣняемыхъ. Наука эта одинаково доступна всѣмъ, обра­зованнымъ и необразованнымъ. Необразованный чело­вѣкъ находитъ въ ней достаточное для себя знаніе догматовъ и заповѣдей вѣры; образованный же и со­вершенный чело­вѣкъ, неудовлетворяющійся этимъ зна­ніемъ, можетъ глубже проникать въ ученіе вѣры и до безконечности расширять свое знаніе съ внѣшней сто­роны. Вѣра въ лицѣ первыхъ органовъ ея, особенно въ лицѣ Самого Основателя христіанства, потомъ Апостоловъ, всѣхъ великихъ провозвѣстниковъ ея и многихъ другихъ избранныхъ мужей,—все это можетъ быть предметомъ изученія весьма плодотворнаго.

За наукою вѣры слѣдуютъ науки философскаго ха­рактера, развивающія мыслительную способность чело­вѣка и расширяющія кругъ зрѣнія его на все суще­ствующее, во взаимномъ соотношеніи существъ и пред­метовъ. Для самой науки вѣры онѣ полезны, а иногда и необходимы бываютъ въ томъ отношеніи, что помо­гаютъ ей раскрывать, уяснять и приспособлять къ чело­вѣческому пониманію истины вѣры и нравственности. Св. Отцы и учителя Церкви всегда считали эти науки важнымъ пособіемъ въ изслѣдованіи и раскрытіи бого­словскихъ истинъ. Св. Григорій Богословъ говоритъ: „Изъ наукъ мы извлекли все полезное и для самаго

благочестія чрезъ худшее научившись лучшему и немощь ихъ обративъ въ твердость нашего ученія (Твор. св. Отц. въ р. пер. т. 4, стр. 63).

Тѣ или другія спеціальныя занятія опредѣляются, главнымъ образомъ, способностію и склонностію чело­вѣка къ тому или другому роду знанія, или особеннымъ его призваніемъ и назначеніемъ. Святая православная вѣра Христова никогда не воспрещала заботы о приоб­рѣтеніи знаній, необходимыхъ для настоящей жизни. Умственное образованіе христіанина не можетъ огра­ничиваться исключительно созерцательными истинами вѣ­ры и науки: намъ нужны многія другія знанія, которыя нисколько не мѣшаютъ намъ быть добрыми христіанами и людьми Богомыслящими и здравомыслящими, а между тѣмъ въ практическомъ отношеніи для общественной и частной жизни могутъ быть наиболѣе полезны и драго­цѣнны. Только ничто спеціальное не должно быть въ разрывѣ съ общимъ, не должно само по себѣ быть единственною цѣлію.

Но образованіе чело­вѣка заключается не въ одномъ только просвѣщеніи ума, въ Богопознаніи. Призванный въ жизнь для того, чтобы жить, дѣйствовать и дѣлами жизни приоб­рѣтать добрыя нравственныя свойства, раз­вивать и совершенствовать ихъ до Богоподобія и тѣмъ заслуживать вѣчное блаженство въ жизни будущей, христіанинъ самое просвѣщеніе ума долженъ направлять къ своему нравственному воспитанію, образуя, вмѣстѣ съ своимъ умомъ, и свою волю.

Образованіе воли состоитъ въ развитіи желанія добра и силы дѣлать добро и побѣждать зло. Одно ум­ственное образованіе, какъ-бы нибыло обширно и пра­вильно, само по себѣ не обезпечиваетъ нравственности чело­вѣка. Самая вѣра, которая на степени чистаго Бого­вѣдѣнія, составляетъ какъ-бы душу всего знанія наше-

го, еще не ручается за добродѣтель. Можно быть не только обыкновенно знающимъ или свѣдущимъ человекомъ, но и пророкомъ, и въ тоже время не имѣть доброй нравственности, можно обращать убѣжденія въ силу чудодѣйствія, и однакожь быть наравнѣ съ беззаконниками по жизни (Мтѣ. 7, 22). Каждому по опыту можетъ быть извѣстно, какъ велико бываетъ у насъ раздвоеніе или разобщеніе между силами духовными: иной разъ ясно видимъ, что то или другое дурно, низко, недостойно добраго человека и всетаки не отвергаемъ этого и совершаемъ зло, съ сознаниемъ порочности своего дѣла. Въ самой волѣ нашей есть раздвоеніе: какъ желаніе добра, она чаще всего на сторонѣ добра; но какъ усиліе перевести это желаніе въ дѣло, она большею частію оказывается несостоятельною предъ добромъ и скорѣе склоняется къ противной сторонѣ. По этому, кромѣ теоретическаго или умственнаго образованія намъ нужно развивать желаніе добра и укрѣплять силу къ совершенію его и къ побѣдѣ зла. Для этого необходимо прежде всего беречься отъ того, что можетъ отвлекать насъ отъ себя, ослаблять наше самосознаніе,—что можетъ увлекать насъ, пристращать къ себѣ. Это средства отрицательныя. Положительнымъ средствомъ къ этому служатъ а) непосредственныя упражненія въ добрыхъ дѣлахъ, какія кому доступнѣе и удобнѣе, а лучше въ тѣхъ, которыя могли-бы противостать тѣмъ порокамъ и страстямъ, къ которымъ онъ чувствуетъ себя наиболѣе склоннымъ по особенностямъ своего темперамента и по условіямъ жизни. б) Бдительное наблюденіе за собою въ различныхъ положеніяхъ и обстоятельствахъ, которыя нерѣдко даютъ поводъ къ возбужденію непохвальныхъ мыслей, расположеній или же самыхъ дѣйствій, съ цѣлію подчинить своей нравственной волѣ то или другое состояніе и душевное на-

правленіе. Нерѣдко случается, напр., испытывать неудовольствія отъ другихъ. Попытка не поддаваться первымъ впечатлѣніямъ обиды, сознательно повторенная нѣсколько разъ, постепенно переходитъ въ привычку нравственную и рождаетъ силу духа, которая возрастая отъ упражненій, становится высшею совершеннѣйшею добродѣтельною—незлобіемъ. Наконецъ в) сближеніе съ людьми обладающими болѣе крѣпкою волею, чѣмъ наша собственная. Добрый примѣръ другихъ, особенно уважаемыхъ нами лицъ, всегда обаятельно и неотразимо вліяетъ на насъ и возбуждаетъ въ насъ похвальное стремленіе къ подражанію. Въ тѣхъ же видахъ полезно читать біографіи людей, отличавшихся твердою и плодотворною дѣятельностію, и изучать историческія лица великихъ дѣятелей на разныхъ поприщахъ. При этомъ, всегда нужно просить себѣ у Бога содѣйствія высшей помощи, потому что святая и Богоугодная жизнь наша, какой требуетъ отъ насъ благая воля Божія (1 Сол. 4, 3), можетъ быть достигнута только при содѣйствіи всесильной благодати Божіей.

Образуя умъ и волю, христіанинъ долженъ заботиться и объ образованіи своего сердца. Образованіе сердца состоитъ въ развитіи чувства истины, добра и красоты до возможно полнаго духовнаго услажденія тѣмъ, что составляетъ истинную жизнь человека. Въ собственномъ смыслѣ нашему сердцу, по самой природѣ его, свойственно наслаждаться прекраснымъ; но такъ какъ гдѣ нѣтъ истины и добра, тамъ не можетъ быть въ собственномъ смыслѣ и прекраснаго, то съ чувствомъ красоты неразлучны чувства истины и добра. И такъ сердце можетъ правильно развиваться подъ условіемъ на него истинно прекраснаго.

Наилучшимъ средствомъ къ развитію его служатъ: благоговѣйное созерцаніе величественныхъ дѣлъ творе-

нія Божія, созерцаніе прекраснаго въ области разумно-нравственной жизни и дѣятельности, а также въ области поэзіи и искусства. Прекрасное во всѣхъ указанныхъ видахъ, т. е. въ природѣ, въ мірѣ нравственной человѣческой дѣятельности и въ изящныхъ искусствахъ, способно доставлять наивысшія и чистѣйшія удовольствія и вмѣстѣ съ тѣмъ возвышать нашу мысль, располагать волю къ добру, отрѣшати отъ обыденной суеты, которая такъ сильно вѣдается въ нашу жизнь, что не позволяетъ иногда ни думать, ни желать чисто по человѣчески, вообще настраиваетъ душу самымъ наилучшимъ образомъ; а наши мысли, слова и дѣла, первѣе всего, суть порожденія душевнаго настроенія. И слово Божіе, и св. Церковь также освящаетъ прекрасное во всѣхъ указанныхъ видахъ и указываетъ человѣку, какъ наилучшее средство, которое способно освѣжать нравственно душу нашу и возвышать ее отъ суеты и скорби къ благотворному чувству мира и радости. Такъ св. Псалмопѣвецъ Давидъ, размышляя со скорбію о превратномъ порядкѣ дѣлъ человѣческихъ, исповѣдуетъ предъ Богомъ свое уныніе и молитъ его отставить отъ него путь неправды: *воздрема душа моя отъ унынія; путь неправды отстави отъ мене*. Но обращеніе его взора къ величію дѣлъ Божіихъ вдругъ измѣняетъ его печальное настроеніе духа, и онъ съ радостію восклицаетъ: *яко возвеселилъ мя еси, Господи, въ твореніи Твоемъ, и въ дланехъ руку Твоею возрадуюся* (Пс. 91, 5). Многіе изъ св. подвижниковъ любили избирать для своихъ подвиговъ такія мѣста, которыя отличались особенною красотою. Самъ І. Христосъ любилъ обращаться къ природѣ, избиралъ холмы и горы для Своей молитвы, и дивное преображеніе Его совершилось на одной изъ прекраснѣйшихъ горъ Палестины.

Прекрасное въ мірѣ нравственной дѣятельности

всего лучше изображаетъ намъ св. Евангеліе. Прекрасное въ поэзіи является въ псалмахъ и пѣсняхъ ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ, которыя суть истинно поэтическія произведенія, созданіе творчества, одушевленнаго Самимъ Духомъ Божіимъ. Прекрасное въ другихъ искусствахъ точно также представляется во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ Церкви Божіей. Древній храмъ Іерусалимскій былъ образцемъ зодчества и соединенныхъ съ нимъ искусствъ. Спаситель, по преданію, Самъ изобразилъ ликъ свой на полотнѣ и, слѣдовательно, вручилъ послѣдователямъ своимъ такое художественное произведеніе, которому въ живописи не могло быть равнаго. Въ новозавѣтной Церкви все носитъ, по возможности, печать изящнаго: ея составъ и чинъ Богослуженія, ея обряды и проч., все исполнено поэзіи и художественности.

При этомъ нужно однако замѣтить, что къ истинно прекрасному въ изящныхъ искусствахъ нерѣдко примѣшиваются такія созданія творчества, которыя способны возбуждать и порождать порочныя наклонности и страсти и наполнять воображеніе нечистыми помыслами. Напримѣръ, художественно исполненная какая нибудь картина или статуя можетъ доставлять намъ эстетическое наслажденіе, полное удовольствіе, но своимъ безнравственнымъ сюжетомъ можетъ возбуждать въ насъ дурныя мысли, чувства, наклонности, страсти и т. п. Очевидно, что христіанинъ долженъ быть разборчивъ въ отношеніи къ искусствамъ вообще. Онъ долженъ обращаться только къ такимъ искусствамъ, которыя дѣйствительно способны возвышать, укрѣплять его душу, что производитъ въ ней миръ, довольство, вообще истинно доброе расположеніе и настроеніе духа.

Развивая въ своемъ сердцѣ любовь ко всему истинно-доброму и прекрасному, необходимо заботиться, съ другой стороны, также и о томъ, чтобы ничто не-

чистое и грѣховное не приражалось къ нашему сердцу. Сердце есть начало и корень не только нашихъ мыслей и желаній, но и самыхъ дѣйствиій *Добрый человекъ изъ добраго сокровища сердца своего выноситъ добро; а злой человекъ изъ злаго сокровища сердца своего выноситъ злое: ибо отъ избытка сердца говорятъ уста его* (Лук. 6, 45). И если сердце человека имѣетъ пристрастіе къ чему нибудь грѣховному, чувственному, то оно невольно приводитъ человека и къ грѣховнымъ дѣвствіямъ. Ибо *имже кто побужденъ бываетъ, сему и работенъ есть* (2 Петр. 2, 19). *Творяй грѣхъ, рабъ есть грѣха* (Іак. 8, 34). Но Господь сказалъ: *не можете Богу работати и мамонѣ* (Мтѣ 6, 24). По этому каждый человекъ христіанинъ необходимо долженъ заботиться объ очищеніи сердца своего отъ всего грѣховнаго, нечистаго, плотскаго, объ искорененіи въ себѣ грѣховныхъ привычекъ, наклонностей и страстей. Для этого необходимо всегда низшія чувствованія и безпорядочныя движенія сердца удерживать въ должныхъ предѣлахъ, приводя ихъ въ такое подчиненіе нашему разуму, чтобы они не только не препятствовали намъ въ достиженіи высшихъ цѣлей, но и содѣйствовали къ тому. Для искорененія и изглаженія изъ сердца привязанности къ тѣмъ или другимъ грѣховнымъ привычкамъ, наклонностямъ и страстямъ, нужно стараться противопоставлять имъ противоположную добродѣтель и всѣми мѣрами развивать въ своемъ сердцѣ любовь къ ней. Но главнымъ образомъ чаще молиться Богу въ Церкви и дома и просить Его всеочищающей и освящающей благодати, говоря словами Псалмопѣвца Давида: *сердце чисто созижди во мнѣ, Боже!*

Попеченіе о чистотѣ совѣсти. На ряду съ развитіемъ и образованіемъ въ духѣ православія вышеуказанныхъ силъ и способностей человека—ума, воли и чув-

ства или сердца, необходимо заботиться также и о развитіи или усовершенствованіи совѣсти, о чистотѣ ея. Мы знаемъ, что совѣсть далеко не у всѣхъ людей одинаково совершенна въ своихъ проявленіяхъ и обнаруженіяхъ, и даже въ одномъ и томъ же человекѣ не всегда дѣйствуетъ одинаково. Иногда человекъ поступаетъ и по совѣсти, но несогласно съ подлиннымъ закономъ добра (совѣсть погрѣшительная); иногда онъ сознаетъ, что поступаетъ противозаконно, но не чувствуетъ угрызений совѣсти (совѣсть усыпленная); есть люди, спокойно совершающіе великія преступленія, (совѣсть, по выраженію Ап. Павла, сожженная), и есть люди, склонные къ унынью послѣ допущенныхъ ими нарушеній закона и какъ бы недовѣряющіе самымъ дѣйствительнымъ средствамъ къ очищенію себя отъ грѣха и примиренію съ Богомъ (совѣсть мнительная). Такое различіе ея въ разныхъ людяхъ происходитъ отъ того, что она, въ первоначальномъ своемъ состояніи, когда начинается проявляться въ человекѣ, бываетъ несовершенна, неразвита. Затѣмъ она развивается постепенно, совмѣстно съ другими силами и способностями души—умомъ, волею и сердцемъ, и въ зависимости отъ нихъ. Безъ разума совѣсть слѣпа: недостаточно развитый разумъ не можетъ разъяснить себѣ требованій совѣсти. Но въ особенности развитія ея обусловливается волею, которая постоянно враждуетъ съ нею и тормазитъ ея развитіе. По этому, вмѣстѣ съ развитіемъ другихъ душевныхъ силъ, необходимо заботиться и о развитіи совѣсти, чтобы она была какъ бы чистымъ зеркаломъ, или отображеніемъ закона Божія и вѣрнымъ охранителемъ нашей души отъ всего злаго, грѣховнаго. Для этого нужно прежде всего избѣгать того, что можетъ помрачать, заглушать или ослаблять и усыплять нашу совѣсть, какъ то: легкомыслія, разсѣянной жизни,

притворства въ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ и обращенія съ людьми злыми и развращенными; а съ другой стороны—чаще представлять себѣ примѣры святыхъ мужей, особенно же спасительное ученіе и святѣйшую жизнь Господа (Фил. 2, 5). Никогда не должно поступать противъ внушеній доброй совѣсти (1 Тим. 1, 19; 4, 2), но всегда повиноваться ея голосу, какъ закону написанному въ сердцахъ нашихъ самимъ Богомъ (Рим. 2, 14—15); потому что, чѣмъ постояннѣе мы будемъ слѣдовать ея внушеніямъ, тѣмъ она будетъ сильнѣе и могущественнѣе, такъ что для насъ трудно будетъ совершить чтонибудь противъ совѣсти. Должно постоянно упражнять совѣсть испытаніемъ предъ ней дѣлъ своихъ; чаще повѣрять ее откровеннымъ закономъ Божиимъ и исправлять и очищать ее во дни поста и покаянія при помощи отца духовнаго. Наконецъ, что главное, нужно молить Бога, чтобы Онъ Самъ очищалъ и освѣщалъ нашу совѣсть и помогаль вѣрно понимать волю Его и ходить во свѣтѣ заповѣдей Его (Еф. 1, 16—19; 3, 14—19; Кол. 1, 9—10).

Здоровье, какъ предметъ заботы.

Заботясь о своемъ духовномъ образованіи и развитіи, христіанинъ долженъ заботиться и о своемъ тѣлѣ, — о его развитіи и укрѣпленіи, о поддержаніи его здоровья и жизни. Ибо тѣло составляетъ существенную часть природы человѣческой, постоянное орудіе его души и, слѣдовательно, необходимое условіе для жизни и дѣятельности человѣка. Если духъ нашъ, призванный къ безконечному усовершенствованію, развивается подъ условіемъ правильнаго взаимодействія и отношенія его къ тѣлу, и если всякое, болѣе или менѣе значительное поврежденіе въ тѣлесномъ организмѣ есть уже препятствіе къ развитію духа, то само собою понятно, что каждый христіанинъ обязанъ заботиться о сохраненіи

своей жизни и тѣлеснаго здоровья. Эта обязанность внушается намъ самою природою, которая, по невольному инстинкту отвращается отъ смерти и отдаляетъ отъ себя все, что можетъ вредить жизни: *никто же бо когда плоть свою возненавидѣ, но питаетъ и грѣтъ ю* (Еф. 5, 29).

Положительный законъ Божій даетъ смыслъ этому безотчетному внушенію природы, указывая основанія этой обязанности, уча насъ разумному ея исполненію, указывая мѣру попеченія о жизни и здоровьѣ своего тѣла.

Жизнь, по внушенію Слова Божія, не есть какая либо случайность, не составляетъ нашего независимаго достоянія. Господь есть источникъ жизни (Пс. 35, 10), начальникъ жизни (Дѣян. 9, 15), обладающій живыми и мертвыми (Рим. 14, 9). *И никто же насъ себѣ живетъ и никто же себѣ умираетъ. Аще бо живемъ, аще умираемъ Господни есмь* (Рим. 14, 7—8). *О Немъ бо живемъ, движемся и есмь* (Дѣян. 17, 28—28). По своей неизреченной благодати Господь дароваль намъ настоящую временную жизнь для нашего нравственнаго воспитанія и приготовленія къ жизни будущей (Евр. 13, 14). По этому мы должны смотрѣть на нее, какъ на время сѣянія плодовъ, за которымъ въ будущей жизни послѣдуетъ жатва,—какъ на время дѣятельности и трудовъ, за которое человѣкъ получитъ праведное воздаяніе въ жизни вѣчной (Гал. 6, 7—10). Чѣмъ долѣе человѣкъ живетъ, тѣмъ онъ болѣе, при правильномъ образѣ дѣйствованія, можетъ развиваться и совершенствоваться въ духовно-нравственномъ отношеніи и такимъ образомъ болѣе достойнымъ образомъ приготовить себя къ вѣчной жизни. Иисусъ Христосъ, пришедши на землю, для спасенія людей, исцѣляль больныхъ и воскрешалъ мертвыхъ и тѣмъ показаль, что Онъ считаль жизнь и здо-

ровье тѣла великимъ благомъ человѣка. Кромѣ того, тѣло человѣка является членомъ тѣла Христова и храмомъ Духа Святаго (1 Кор. 6, 15, 19); оно также участвуетъ въ плодахъ искупленія (1 Кор. 6, 20) и предназначено къ будущему славному воскресенію и блаженству вмѣстѣ съ душою (1 Кор. 15, 42—44; Фил. 3, 21). По этому обязанность хранить жизнь и здоровье есть для христіанина не только внутренняя, безотчетная потребность, но и долгъ нравственный, долгъ покорности волѣ Божіей, долгъ благоговѣнія къ дару благодати и милосердія Божія, долгъ, отвѣтственный предъ страшнымъ судомъ Божиимъ.

Но христіанинъ обязанъ не только хранить жизнь, какъ драгоценный даръ Божій, ограждать ее отъ всего, что можетъ вредить ея здоровью, но и заботиться о положительномъ развитіи и усовершенствованіи своихъ тѣлесныхъ силъ, чтобы сдѣлать тѣло крѣпкимъ, выносливымъ, послушнымъ орудіемъ духа,—о должномъ направленіи тѣлесныхъ силъ и правильномъ ихъ отношеніи къ душѣ. Забота о послѣднемъ особенно необходима потому, что въ настоящемъ нашемъ состояніи тѣло нерѣдко воюетъ противъ духа (Гал. 5, 17).

Лучшими средствами для достиженія этихъ цѣлей служатъ: умѣренность въ пищѣ, питьѣ и во всемъ образѣ жизни и поведеніи, трудолюбіе и цѣломудріе. Пища и питье должны быть употребляемы не для удовольствія, но для поддержанія и укрѣпленія тѣлесныхъ силъ. По этому, по свойству своему, они должны быть, по возможности, простыя и безыскусственныя (Сир. 29, 24); въ употребленіи ихъ всегда должна быть соблюдаема надлежащая умѣренность и воздержаніе, чтобы они не были препятствіемъ къ исполненію нашихъ обязанностей. *Внемлите себѣ*, говоритъ Господь, *да не когда отягчаютъ сердца ваша обьяденіемъ и пїянствомъ, и*

найдетъ на вы внезапно день той (Лук. 21, 24). До излишества наполнять свое чрево и обременять себя яствами есть дѣло, достойное осужденія, какъ сказалъ Господь: *горе вамъ насыщенный нынѣ* (Лук. 6, 25). Упитанное чрево и самое тѣло дѣлаетъ неспособнымъ къ труду, располагаетъ къ лѣни, ко сну и возбуждаетъ чувственную похоть.

Относительно употребленія одежды, составляющей необходимое условіе сохраненія здоровья, нужно замѣтить, что она должна быть устроена и употребляема сообразно съ ея цѣлію и назначеніемъ: прикрывать наготу тѣла (Быт. 3, 7) и защищать его отъ вредныхъ на него вліяній погоды—холода, жара, дождя и проч. По этому качество одежды и ея форма должны быть приспособлены къ состоянію погоды и времени года, а съ другой—къ тому или иному званію и положенію, возрасту и полу, въ которомъ кто находится. При этомъ, наблюдая всегда приличіе въ одеждѣ, христіанинъ долженъ избѣгать съ одной стороны чрезмѣрной роскоши и пышности, а съ другой—неряшливости и неопрятности въ одеждѣ.

Тѣлесный трудъ развиваетъ и укрѣпляетъ тѣло, сообщаетъ ему естественную красоту. Внутренняя теплота, которая происходитъ отъ движенія и дѣятельности, удобно разрѣшаетъ пищу, пропорціонально распределяетъ питательные соки по всемъ членамъ и открываетъ поры для выхода излишней влаги изъ организма. Напротивъ, неподвижность тѣла препятствуетъ пищеваренію. По этому люди, не имѣющіе никакого укрѣпленія, подвергаются многимъ недугамъ, о которыхъ трудолюбивые и понятія не имѣютъ. Слово Божіе не только внушаетъ мысль, что трудъ существенно необходимъ человѣку (Быт. 2, 15; 3, 19), но и положительно заповѣдуетъ его (Сир. 11, 19, 20; Притч. 3, 9), считая

того, кто не трудится, недостойнымъ пищи (2 Сол. 3, 10). При этомъ нужно только наблюдать, чтобы всякій трудъ былъ въ мѣру, по силамъ; иначе онъ можетъ надорвать силы и такимъ образомъ сдѣлать тѣло неспособнымъ къ дѣятельности;—чтобы за болѣе или менѣе продолжительнымъ трудомъ слѣдоваль отдыхъ, необходимый для восстановления и оживленія немощныхъ силъ. Опытъ свидѣтельствуетъ, что неумѣренность въ занятіяхъ, безвременность въ отдыхѣ, то постоянная праздность, безъ всякой полезной дѣятельности, то чрезмѣрная дѣятельность, безъ всякаго необходимаго отдохновенія, расслабляютъ и тѣло, и душу и служатъ источникомъ различныхъ болѣзней и пороковъ.

Наконецъ, для сохраненія здоровья тѣла необходимо удаляться всѣхъ пороковъ и страстей, которые, погубляя душу, самымъ разрушительнымъ образомъ дѣйствуютъ и на тѣло, особенно же необходимо соблюдать чистоту тѣла и цѣломудріе. Обязанность заботиться о чистотѣ тѣлесной и цѣломудріи всюду внушаетъ намъ Слово Божіе. Такъ св. Ап. Павелъ говоритъ: *Бѣгите блудодѣянія* (1 Кор. 6, 18), *умертвите уды ваша на земли: блудъ, нечистоту, страсть, похоть злую* (Кол. 3, 5). *Сія есть воля Божія, святость ваша, хранити себе самихъ отъ блуда: не призва бо Богъ насъ на нечистоту, но на святость* (1 Сол. 4, 3—7). По ученію св. Отцевъ Церкви, добродѣтель эта такъ высока и Боголюбезна, что приближаетъ насъ къ Ангельскимъ силамъ (Іоан. Лѣств. ст. 15 и 37, 67, 72). Да и по соображеніямъ здраваго разума добродѣтель эта существенно необходима для христіанина. Ее требуетъ собственное благо cadaго человѣка, потому что цѣломудріе сохраняетъ въ цѣлости тѣлесную жизнь, при совершенной крѣпости здоровья и силъ. Свѣжесть, бодрость, оживленность, энергія и подобныя качества

составляютъ прекрасный удѣлъ цѣломудренной жизни. Но при здоровомъ тѣлесномъ организмѣ и духовныя силы развиваются и дѣйствуютъ гораздо свободнѣе и правильнѣе: разумъ, память, воображеніе и нравственныя чувства—стыдливость и скромность проявляются во всей ихъ силѣ.

Всѣ вышеуказанныя средства—умѣренность въ пищѣ и питьѣ, скромность и приличіе въ одеждѣ, трудолюбие и цѣломудріе—ведутъ къ побѣдѣ духа надъ чувственностію, или плотію; ими поддерживается и восстанавливается правильное отношеніе двухъ природъ нашего существа, низшее въ насъ подчиняется высшему; тѣло становится болѣе и болѣе послушнымъ духу; разладъ между ними предупреждается или мало по малу прекращается и дѣлается возможною та цѣлостъ нашей жизни, какая свойственна человѣку, по его происхожденію и назначенію.

Поведеніе христіанина во время болѣзни. Сохраняя свое здоровье и избѣгая всего того, что можетъ разстроить его, мы не должны пренебрегать средствами къ восстановленію его, когда оно по какому либо случаю разстроено. Въ этомъ случаѣ нужно наблюдать слѣдующее. Такъ какъ болѣзни большею частію происходятъ отъ нашихъ грѣховъ и попускаются на насъ Господомъ для возбужденія насъ къ покаянію, то, при посѣщеніи насъ болѣзни, мы прежде всего съ вѣрою и молитвою должны обращаться къ Богу, прося Его о своемъ исцѣленіи, позаботиться о своемъ нравственномъ исправленіи и дать обѣдъ впредь не грѣшить. Премудрый сынъ Сираховъ пишетъ: *Чадо, въ болѣзни твоей... молися Господеви, и Той тя исцѣлитъ; отступи отъ прегрѣшенія и отъ всякаго грѣха очисти сердце твое* (38, 9. 10). Ап. Іаковъ также говоритъ: *Болилъ ли кто въ васъ, да призоветъ пресвитеры церковныя и да молитву сотворятъ надъ нимъ, помазавше его елеемъ во*

имя Господне, и молитва вѣры спасетъ болящаго, и воздвигнетъ его Господь, и аще грѣхи сотворилъ есть, отпустятся ему (Іак. 5, 14. 15). Самъ Иисусъ Христосъ сказалъ испѣленному имъ разслабленному: *се здравъ еси: ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ* (Іоан. 5, 14). Вмѣстѣ съ этимъ, не должно пренебрегать и разными врачебными средствами, и призывать на помощь врача. Ибо *Господь созда отъ земли врачеванія, и мужъ мудрый не возмущается ими... Дажь мсто врачу, Господь бо его созда: и да не удалится отъ тебе, потребенъ бо ти есть*, говоритъ Прем. Сирахъ (38, 4, 12). И самъ Господь сказалъ: *здрави не требуютъ врача но болящій*. Значитъ лѣчиться позволительно и помощь врача для больного необходима. Извѣстно, что одинъ изъ Апостоловъ Христовыхъ (Лука) былъ вмѣстѣ и врачомъ (Кол. 4, 14). Разсужденіе нѣкоторыхъ, будто „лѣкаря не помогутъ, если Богъ не спасетъ“, правильно въ томъ только смыслѣ, что при лѣченьѣ не слѣдуетъ исключительно надѣяться на врачей, которые дѣйствительно не спасутъ безъ помощи Божіей: на нихъ мы должны смотрѣть только какъ на служителей милости Божіей къ намъ грѣшнымъ. Если же, при всѣхъ средствахъ врачеванія, болѣзнь угрожаетъ опасностію, то должны привести въ порядокъ свои дѣла, т. е. сдѣлать законное распоряженіе о нашемъ имуществѣ, примириться съ ближними, которыхъ мы чѣмъ либо оскорбили и, по возможности, вознаградить вредъ, причиненный имъ нашими неправдами и, наконецъ, заблаговременно приготовить себя покаяніемъ и причащеніемъ св. Таинъ Христовыхъ, а затѣмъ совершенно предать себя волѣ Божіей.

Преступность самоубійства. Самоубійствомъ называется произвольное лишеніе себя жизни. Оно можетъ быть двухъ видовъ: 1) прямое и грубое, когда человѣкъ

насилъственно лишаетъ себя жизни какими либо смертоносными орудіями или другими какими способами, и 2) не прямое и тонкое, когда человѣкъ постепенно сокращаетъ свою жизнь и истощаетъ силы ея, безразсудно предаваясь сладострастію, пьянству и многимъ другимъ порокамъ, которыя разрушительнымъ образомъ дѣйствуютъ на него.

Но какого бы вида ни было самоубійство, прямое или не прямое, оно является величайшимъ преступленіемъ и вичѣмъ не можетъ быть оправдано. Оно является преступленіемъ и противъ Бога, и противъ ближнихъ нашихъ, и противъ самого себя. Противъ Бога: ибо если одинъ только Богъ имѣетъ право жизни и смерти (Прем. 16, 13), если Онъ одинъ источникъ всякаго живота (Пс. 35, 10), все содержитъ въ своей власти и о всемъ промышляетъ, то понятно, что произвольный самоубійца наноситъ величайшее оскорбленіе величію Божію, обнаруживаетъ дерзкое возстаніе противъ Его воли, присвоивъ себѣ право господства надъ собою. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаетъ невѣріе въ Бога, въ благой и премудрый промыселъ Его. Противъ ближнихъ: потому что произвольно отнимаетъ у общества, которому онъ обязанъ служить, полезнаго члена, лишая его своей помощи, своей любви и благодарности, правильнаго употребленія своихъ силъ для блага общества (Рим. 12, 4—21; 1 Кор. 12, 12—27). Кроме того, онъ производитъ великій соблазнъ въ обществѣ, своевольно преступая и нарушая заповѣдь Божію. Противъ себя самого: ибо самовольно отрывается отъ своего назначенія и тѣмъ губитъ себя и временно, и вѣчно (Апок. 21, 8)

Общею причиною самоубійства бываетъ неумѣренная привязанность человѣка къ земному, чувственному и чрезмѣрное самолюбіе, при отсутствіи вѣры въ Бога, какъ Творца, Промыслителя, Спасителя, Судіи и Мздовоздая-

теля человѣческаго рода. Истинно добродѣтельный и благочестивый человѣкъ, полный вѣры и упованія на Бога, никогда не рѣшится на такое преступленіе, какъ бы ни были тяжки обстоятельства его жизни. Въ извиненіе самоубійства обыкновенно говорятъ: мы не имѣемъ никакой цѣли жизни, лишены всякихъ средствъ быть полезными себѣ и ближнимъ; судьба преслѣдуетъ насъ, и мы не можемъ ожидать себѣ никакихъ радостей въ жизни; мы не можемъ переносить своего посрамленія, ударовъ злой судьбы, которая всего насъ лишила, а ничего не общаетъ и проч. и проч. Если хорошенько вникнуть и разобрать всѣ эти и подобныя имъ побужденія, то нельзя не признать, что въ основѣ ихъ лежитъ преступное самолюбіе, привязанность къ земному, чувственному, упадокъ религіи и нравственности. По этому не безъ основанія св. Церковь строго осуждаетъ этотъ грѣхъ: она лишаетъ произвольныхъ самоубійць христіанскаго погребенія и поминовенія въ своихъ молитвахъ, какъ такихъ людей, которые, не смотря на всѣ ея внушенія, самопроизвольно расторгнувъ свой союзъ съ нею, сами лишаютъ себя ея спасительныхъ средствъ, дѣлаясь неспособными принимать матернее ея ходатайство и заступленіе предъ Богомъ.

Взглядъ православнаго на внѣшнее благополучіе и на удовольствіе. Внѣшнее благополучіе человѣка составляютъ, кромѣ тѣлеснаго здоровья, земныя блага и удобства жизни, общественныя выгоды и преимущества, земная слава и почести, богатство имущественнаго состоянія и т. п. Блага сіи, по выраженію св. Василя В., не суть блага по природѣ своей, потому что обладающихъ ими не дѣлаютъ добрыми (Вас. В. т. VII, стр. 172.—173). Онѣ называются внѣшними, потому что, и при обладаніи ими, человѣкъ внутренно можетъ быть безпокоенъ и несчастенъ. Но такъ какъ онѣ, по словамъ св. Васи-

лія В., доставляютъ нѣкоторое удобство временной жизни нашей и могутъ содѣйствовать достиженію высшихъ цѣлей, то Слово Божіе не возбраняетъ намъ совершенно заботиться о приобрѣтеніи ихъ и пользоваться ими. Напротивъ, оно поставляетъ ихъ въ ряду тѣхъ милостей и благодѣяній Божіихъ, которыми Богъ благословляетъ праведниковъ. Св. пророкъ Давидъ, изображая праведника, говоритъ о немъ: *сильно на земли будетъ смя его, родъ правыхъ благословится. Слава и богатство въ дому его и правда его пребываетъ во вѣкъ вѣка* (Пс. III, 2, 3; ср. Втор. 23, 11, 12). Приобрѣтеніе земныхъ благъ необходимо и для насъ самихъ, какъ средство удовлетворенія необходимыхъ нашихъ житейскихъ нуждъ, и для ближнихъ нашихъ, которымъ мы должны помогать (Еф. 4, 28). Свящ. исторія показываетъ, что многіе ветхозавѣтные и новозавѣтные праведники угодили Богу, обладая даже въ изобиліи внѣшними благами.

Но такъ какъ вышеуказанныя и подобныя имъ земныя блага насколько необходимы для благополучія временной жизни человѣка, настолько же могутъ быть иногда и опасны, вредны для его нравственности и наслѣдованія вѣчнаго блаженства, особенно если при этомъ христіанинъ забываетъ, что ему прежде всего и болѣе всего нужно *искать Царствія Божія и правды Его* (Мтѣ 6, 33), то естественно возникаетъ вопросъ: какъ христіанинъ долженъ относиться къ каждому изъ тѣхъ земныхъ благъ, которыя составляютъ главные виды земнаго благополучія, чтобы они, служа ему на пользу, не вредили его нравственности и не препятствовали достиженію имъ вѣчнаго спасенія и блаженства.

Чтобы временныя блага не послужили препятствіемъ для наслѣдія вѣчныхъ благъ, для этого христіанинъ долженъ наблюдать слѣдующія правила: 1) заботясь о снисканіи временныхъ благъ, онъ не долженъ

поставлять ихъ цѣлю своей дѣятельности, а видѣть въ нихъ только средство къ достиженію высшей цѣли—славы имени Божія, спасенія своего и ближнихъ. 2) Онъ долженъ заботиться о приобрѣтеніи временныхъ благъ только настолько, насколько это необходимо для удовлетворенія необходимыхъ потребностей и не желать ничего лишняго. 3) Приобрѣтать ихъ онъ долженъ честнымъ трудомъ, а не употреблять для этого какихъ нибудь незаконныхъ средствъ (хитрость, обманъ и всякаго рода неправды); потому что все, несправедливо приобрѣтенное, противно Богу. 4) Если Богъ благословляетъ внѣшними благами, христіанинъ долженъ благоразумно пользоваться ими во славу Божию и на пользу ближнихъ (Евр. 13, 16), помня при этомъ, что все эти блага не составляютъ неотъемлемой его собственности: онъ принадлежитъ Богу, отъ Котораго исходитъ *всякое даваніе благо и всякъ даръ совершенный* (Іак. 1, 17). Слѣдовательно, онъ отнюдь не долженъ ни пристращаться къ нимъ, ни тѣмъ болѣе полагаться на нихъ, потому что онъ тѣненъ и скоропреходящъ, но искать благъ высшихъ, не земныхъ (Мтѣ. 6, 19, 33). Ища *прежде всего Царствія Божія и правды Его*, онъ долженъ приучать себя, по возможности, ограничивать свои земныя желанія и довольствоваться малымъ: *Ничто же внесохомъ въ міръ сей, ни щеть Апостоль: явь, яко ниже изнести что можемъ. Имуще же пишу и одѣяніе, сими доволни будемъ* (1 Тим. 6, 7. 8).

Слово Божіе не возбраняетъ христіанамъ пользоваться въ извѣстное время, по случаю какихъ либо радостныхъ событій жизни, и разными внѣшними удовольствіями. Самъ Іисусъ Христосъ въ своемъ собственномъ примѣрѣ показалъ намъ позволительность радостей и удовольствій жизни. Такъ Онъ былъ на брачномъ пирѣ въ Канѣ Галилейской, гдѣ претворилъ воду въ вино,

за недостаткомъ послѣдняго у хозяевъ; былъ въ гостяхъ и у начальниковъ Іудейскихъ, и у богатыхъ мытарей и фарисеевъ (Лук. 5, 29; 11, 37; 14, 1; 19, 5—10); принимаемъ былъ въ домѣ Лазаря и вмѣстѣ съ Лазаремъ былъ на вечери въ домѣ Симона прокаженнаго (Іоан. 12, 1—3). Тоже самое показываетъ и притча Его о блудномъ сынѣ (Лук. 15, 22—27, 32). Св. Апостолы также не запрещали христіанамъ пользоваться истинными благами и чистыми удовольствіями жизни (Кол. 2, 16, 23; 1 Тим. 4, 4). Да и самый опытъ свидѣтельствуетъ, что удовольствія и радости жизни, въ чистомъ ихъ смыслѣ, будучи приличнымъ отдохновеніемъ отъ труда, служатъ средствомъ къ возобновленію и укрѣпленію силъ тѣлесныхъ и душевныхъ, питаютъ любовь и благодарность къ Богу, сближаютъ между собою людей, поддерживая и укрѣпляя между ними союзъ общительности и взаимную любовь другъ къ другу.

Но, дозволяя себѣ разныя радости и удовольствія жизни, христіанинъ отнюдь не долженъ имѣть пристрастія къ нимъ, поставлять ихъ цѣлю своей жизни. Такое отношеніе къ удовольствіямъ строго осуждается закономъ Евангельскимъ, какъ это видно изъ притчи о безразсудномъ богачѣ (Лук. 12, 16—21; ср. 21, 34; Рим. 13, 13, 14). Онъ долженъ пользоваться ими съ крайней осторожностью, наблюдая въ пользованіи ими нравственную чистоту и умѣренность.

Относительно того, какія именно удовольствія позволительны христіанину, нельзя сказать что либо определенное, потому что это обуславливается личными, индивидуальными особенностями каждаго человѣка, возрастомъ, поломъ, различными званіями и положеніями, и проч. особенно же степенью нравственнаго развитія и совершенствованія человѣка. Въ силу этихъ особенностей, тѣ или другія удовольствія могутъ быть полезны

и, слѣдовательно, позволительны однимъ и вредны и непозволительны другимъ. Въ выборѣ удовольствій каждый христіанинъ долженъ руководиться слѣдующимъ наставленіемъ Ап. Павла: *Вся ми лѣтъ суть, но не вся на пользу; вся ми лѣтъ суть, но не вся назидаютъ; вся ми лѣтъ суть, но не азъ обладанъ буду отъ чего* (1 Кор. 6, 12; 10, 23). *Чистымъ вся чиста* (Тит. 1, 15). *Всякое созданіе Божіе добро, и ничто же отмытно, со благодареніемъ приемлемо* (Тим. 4, 4), т. е., все позволено христіанину, если это позволительное принимается съ благодарностію къ Богу и во славу Божію, если это позволительное не обладаетъ имъ, не дѣлаетъ его рабомъ своимъ. Все позволительно христіанину, если это полезно для него и какъ пріятное отдохновеніе отъ трудовъ, и какъ хорошее назиданіе и урокъ для его нравственнаго совершенства; если послѣ этого дозволеннаго онъ съ большею охотою и энергіею и съ большею легкостію снова принимается за свои труды и совершаетъ ихъ во славу Божію. Вообще, при выборѣ удовольствій, христіанинъ долженъ обращать вниманіе на свое внутреннее состояніе и вѣншее отношеніе и строго разсуждать, какія удовольствія имѣютъ на него, или на ближнихъ его благотворное вліяніе и какія вредное, чтобы одни себѣ позволять, а отъ другихъ удаляться.

Мужество въ несчастіяхъ. По ученію христіанскому Богъ создалъ человѣка для счастья и блаженства. Постигающія же его бѣдствія и несчастія въ настоящей жизни суть слѣдствія грѣхопаденія нашихъ прародителей и, въ частности, грѣхопаденія каждаго изъ насъ. Но всеблагій Богъ, желающій всемъ спастись, обращаетъ эти бѣдствія и несчастія въ спасительное врачевство для всехъ потомковъ падшаго Адама и попускаетъ или посылаетъ ихъ или для вразумленія и исправленія

грѣшныхъ, или для большаго укрѣпленія въ вѣрѣ и добродѣтели праведныхъ. Среди бѣдствій и несчастій грѣшники отрезвляются отъ своего грѣховнаго сна и обращаются къ Богу (Лук. 15, 11—32), а праведники еще болѣе очищаются, *яко злато въ горниль* (Прем. 3, 6; 1 Петр. 1, 6, 7)—Бѣдствія и несчастія, постигающія праведниковъ, открываютъ въ нихъ новыя добродѣтели: терпѣніе, великодушіе, мужество и проч. (Рим. 5, 3—5) и чрезъ это еще болѣе возвышаютъ ихъ нравственное достоинство и способствуютъ возвышенію будущей славы ихъ (Прем. 3, 4, 5; 2 Кор. 4, 17).

Изъ такого понятія о несчастіяхъ и бѣдствіяхъ жизни для истиннаго христіанина открывается множество побужденій къ мужественному перенесенію ихъ. Богъ посылаетъ бѣдствія и несчастія: мы должны принимать ихъ съ покорностію, какъ послушные рабы Вседержителя. Богъ посылаетъ бѣдствія и скорби намѣренно: мы должны принимать ихъ съ полнымъ довѣріемъ, стараясь понять поучительныя указанія промышленія Божія, вразумляющаго насъ посредствомъ постигающихъ насъ бѣдствій. Богъ посылаетъ намъ бѣдствія и несчастія для нашего блага и спасенія: мы должны принимать ихъ съ благодарностію. Посылаются ли онѣ въ наказаніе? Надобно радоваться: потому что ими очищается грѣхъ и подается намъ надежда на спасеніе. Терпитъ ли кто скорби безъ видимой вины? Долженъ радоваться: потому что получаетъ случай сострадать Христу Спасителю. Для истинно вѣрующаго христіанина одного этого побужденія достаточно не только къ тому, чтобы благодушно и мужественно принять посѣщающую его скорбь, но и радоваться въ бѣдствіяхъ и скорбяхъ (1 Петр. 1, 6, 7; Рим. 5, 3) и желать сообщенія страстей Христовыхъ. Подвигположникъ спасительнаго страданія, *Самъ искушенный по всяческимъ*

и могущій *искушаемымъ помощи*, обѣщаетъ пріемлющимъ крестъ свой и грядущимъ въ слѣдъ Него въ страданіяхъ и несчастіяхъ свою всесильную помощь, которая не дастъ немощному человѣку *искуситься паче, еже можетъ* (1 Кор. 10, 13), а послѣ страданій и скорбей среди бѣдствій и несчастій, вѣчную славу въ общеніи съ Богомъ, предъ которою ничего не значатъ всѣ *страсти нынѣшняго времени* (Рим. 8, 18). *Ибо претерпѣвый до конца спасенъ будетъ* (Марк. 13, 13; Мтѣ. 10, 22). При такихъ надеждахъ колебаться въ терпѣннн и мужественномъ перенесеніи испытываемыхъ нами несчастій, значило бы не имѣть вѣры и надежды на Бога, не желать спасенія.

Доброе имя. Проходя достойнымъ образомъ свое званіе, христіанинъ долженъ заботиться о сохраненіи и возвышеніи своей чести или добромъ мнѣніи о себѣ въ обществѣ. Сохраненіе и возвышеніе истинной своей чести составляетъ одно изъ высшихъ благъ, украшающихъ жизнь человѣка. *Лучше имя доброе, неже богатство много, паче сребра и злата благодать благая* говоритъ древній мудрецъ (Притч. 22, 1). Богатство нерѣдко побуждаетъ другихъ людей завидовать намъ, а истинная честь или доброе имя располагаетъ всѣхъ къ любви, уваженію и доброжелательству, расширяетъ для него кругъ общественной дѣятельности, подкрѣпляетъ его въ исполненіи важныхъ предпріятій и въ ревностномъ прохожденіи обязанностей званія; вмѣстѣ съ тѣмъ и другихъ возбуждаетъ къ соревнованію намъ въ добрыхъ дѣлахъ. Богатство можетъ быть достояніемъ нашимъ только въ здѣшней жизни, *а доброе имя и память праведнаго пребываютъ во вѣкъ* (Сир. 41, 16; Пс. 211, 6). По этому и св. Ап. Павелъ сохраненіе истинной чести своей и похвалы считаетъ для себя благомъ высшимъ самой жизни: *добре мнѣ паче умерети, неже-*

ли кто похвалу мою да испразднитъ (1 Кор. 9, 15).

Но при этомъ необходимо знать, что истинную честь или доброе имя христіанинъ долженъ поставлять въ такихъ качествахъ и поступкахъ, которые справедливо заслуживаютъ похвалу и одобреніе по христіанскому ученію, въ томъ, *что истинно, добро, честно, справедливо, любезно* и проч. (Филип. 4, 8—9; 3, 8, 14). Ревнун о такой чести, христіанинъ не долженъ однако поставлять ее цѣлю своихъ дѣйствій, своего поведенія, долженъ творить добрыя дѣла не для того, чтобы чрезъ нихъ самому прославиться предъ людьми, но для того, чтобы своею жизнію и дѣятельностію другихъ возбудить къ прославленію Бога: *такъ да просвѣтитъ свѣтъ вашъ предъ челоуки*, говоритъ І. Христосъ ученикамъ своимъ, *яко да видятъ ваша добрыя дѣла и прославятъ Отца вашего иже естъ на небесъхъ* (Мтѣ. 5, 16). При этомъ доброе мнѣніе о себѣ въ обществѣ христіанинъ долженъ повѣрять свидѣтельствомъ своей совѣсти (2 Кор. 1, 12), и ни въ какомъ случаѣ не соглашаться на принятіе чести незаслуженной съ его стороны, предоставляя такую честь другимъ, достойнымъ ея, какъ и поступилъ такимъ образомъ Іоаннъ Креститель (Іоан. 1, 20, 21, 26, 27).

Если-бы кто вздумалъ оскорбить доброе имя христіанина, отнять у него или извратить подлинныя его достоинства, и при этомъ не только во вредъ ему, но и другимъ, христіанинъ долженъ спокойно и кротко защищать свою честь, представляя всю неосновательность и нелѣпность обвиненій, возводимыхъ на него; объ этомъ особенно должны заботиться тѣ лица, которыя поставлены Богомъ быть руководителями и воспитателями въ жизни другихъ, каковы: духовные пастыри, родители и воспитатели, начальники, наставники и друг. Такая защита только не должна принимать характера мести, но дышать спокойствіемъ и кротостію, сознани-

емъ своего собственнаго достоинства. Примѣръ всего этого мы видимъ въ Самомъ І. Христѣ, Который нечестивому рабу, ударившему Его, сказалъ: *Аще злы глаголахъ, свидѣтельствуй о злы, аще ли добръ, что Мя биеши* (Іоан. 18, 19—23). Такъ же поступалъ въ такихъ случаяхъ и ап. Павелъ (Дѣян. 23, 1—4; 1 Кор. 9 гл.). Лучшее же средство къ защищенію своей чести и добраго мнѣнія должна служить безукоризненная нравственность и ревностное исполненіе своихъ обязанностей: истиннымъ преуспѣяніемъ въ благочестіи и добродѣтели христіанинъ посрамить всякую клевету и злословіе своихъ враговъ.

Предосторожность отъ честолюбія и любостыжанія.

Почеченіе о чести или добромъ имени должно отличать отъ честолюбія. Первое—добродѣтель, а послѣднее—порокъ. Человѣкъ, зараженный честолюбіемъ, поставяетъ цѣлю своей жизни и дѣятельности снисканіе себѣ чести или почести отъ другихъ людей, хотя-бы на самомъ дѣлѣ онъ и не заслуживалъ этого по своимъ личнымъ качествамъ, и употребляетъ для этого всевозможныя средства законныя и незаконныя. Честолюбіе противно существеннымъ обязанностямъ нашимъ къ Богу, ближнимъ и самому себѣ. Имѣя въ основѣ своей эгоизмъ, или другіе какіе либо личные расчеты, честолюбивый человѣкъ, забывая о Богѣ, единеніе съ которымъ онъ долженъ поставяетъ цѣлю всей своей жизни и дѣятельности, вмѣсто Бога поставяетъ самого себя, свое я, служить и угождаетъ ему. Честолюбіе нарушаетъ наши обязанности и по отношенію къ ближнимъ. Вмѣсто должнаго уваженія и любви къ своимъ ближнимъ, честолюбіе заставляетъ человѣка смотрѣть на другихъ, какъ на средство къ достиженію своихъ честолюбивыхъ цѣлей. Онъ требуетъ отъ нихъ незаслуженнаго почтенія и уваженія къ себѣ, и тѣхъ, которые справедливо отказы-

ваютъ ему въ этой почести, онъ преслѣдуетъ, старается причинить имъ какой либо вредъ и прибѣгаетъ для этого къ безчестнымъ средствамъ, какъ-то: къ клеветѣ, злословію, коварству и др. По отношенію къ самому себѣ честолюбіе преступно тѣмъ, что, заграждая путь къ самопознанію, препятствуетъ нравственному усовершенствованію человѣка и достиженію имъ главной цѣли и назначенія—вѣчной блаженной жизни въ единеніи съ Богомъ. Оно отравляетъ даже и временную его жизнь: домогаясь почестей отъ другихъ, онъ въ рѣдкихъ случаяхъ получаетъ ихъ, и то не отъ чистаго сердца. Большею частію онъ встрѣчаетъ нелюбовь, нерасположеніе къ себѣ, даже отвращеніе; потому что ничто такъ не отдаляетъ человѣка отъ другихъ людей, какъ постыдное искательство, погоня за почестями. Это причиняетъ ему постоянное безпокойство, муку, поселяетъ адъ въ душѣ его. Чтобы предохранить себя отъ этого порока, нужно, по замѣчанію св. Іоанна Златоуста, чаще помышлять о славѣ не о суетной, мірской, скоропреходящей, но о славѣ истинной, небесной, вѣчной.

На почвѣ того же эгоизма, какъ и честолюбіе, въ людяхъ нерѣдко развивается порокъ *любостыжанія*. *Любостыжаніе* есть такой порокъ, когда человѣкъ всецѣло заботится о приобрѣтеніи и умноженіи своего богатства не потому, чтобы чрезъ него приобрѣсти себѣ высшія вѣчныя блага, но потому, что онъ до страсти любитъ его, въ немъ поставяетъ цѣль своей жизни, свое высшее счастье. Сначала побужденіемъ къ такому приобрѣтенію большаго и большаго богатства бываетъ желаніе человѣка обезпечить внѣшнее довольство и спокойствіе своей жизни, сдѣлать себя независимымъ отъ другихъ. Затѣмъ, по мѣрѣ умноженія своего богатства, у него являются и другія побужденія къ этому пороку: желаніе подчинить себѣ другихъ, желаніе лож-

ной славы, почета, уваженія и проч. Наконецъ этотъ порокъ переходитъ въ страсть, и человекъ заботится о большемъ и большемъ приобрѣтеніи богатства потому только, что любить его, ибо это приобрѣтеніе составляетъ для него цѣль жизни, высшее наслажденіе. Ослѣпленный блескомъ золота, онъ забываетъ о Богѣ и вѣрить земной мамонѣ, всю надежду возлагая на невѣрное богатство (Тим. 6, 17), которое дѣлается для него идоломъ (Еф. 5, 5; Кол. 3, 5). Чѣмъ больше онъ приобрѣтаетъ себѣ богатства, тѣмъ больше страсть побуждаетъ его къ новому приобрѣтенію: она не знаетъ границъ. Не имѣя возможности удовлетворить этой страсти законными средствами, такой человекъ начинаетъ прибѣгать къ средствамъ незаконнымъ. Среди людей, преданныхъ этому пороку, не мало можно находить также и такихъ, которые, собравъ извѣстный запасъ въ теченіе многихъ лѣтъ и получивъ обезпеченіе, казавшееся имъ необходимымъ, затѣмъ сочетаютъ служеніе мамонѣ съ служеніемъ чреву, уподобляясь тому евангельскому богачу, который говорилъ самому себѣ: „душа! много добра лежитъ у тебя на многіе годы: покойся, ѣшь, пей и веселись“ (Лук. 12, 19). Такимъ образомъ этотъ порокъ влечетъ за собой и многіе другіе. Слово Божіе ясно осуждаетъ его, какъ недостойный истиннаго христіанина и несовмѣстный съ служеніемъ Богу: *не можете Богу работать и мамонѣ* (Мтѣ. 6, 19—24), и приводящій человека къ временной и вѣчной гибели (1 Тим. 6, 9—10).

Обязанности въ отношеніи къ ближнимъ.

Обязанности христіанина по отношенію къ ближнимъ Господь нашъ І. Христосъ выразилъ въ слѣдующей заповѣди: *возлюбими искренняго твоего, яко самъ себе*, (Мтѣ. 22, 37), а также въ другомъ наставленіи: *вся*

елика аще хотите, да творятъ вамъ человецы, тако и вы творите имъ (Мтѣ. 7, 12). Если мы, по любви къ себѣ, желаемъ себѣ счастья и спасенія, желаемъ, чтобы другіе не только не препятствовали намъ достигать счастья и спасенія, но и содѣйствовали въ этомъ; то и мы, съ своей стороны, должны того же желать для другихъ людей, и не только желать, но и содѣйствовать имъ въ достиженіи этихъ желаній, словомъ—должны любить ближнихъ, какъ самихъ себя. Должны любить такъ потому, что все мы одной природы (Дѣян. 17, 24—26); а каждому человеку естественно и свойственно любить свою природу. Все мы созданы по образу Божію; слѣдовательно, если мы любимъ Бога, *Который есть любовь* (1 Иоан. 4, 8), то должны любить и ближнихъ нашихъ, носящихъ въ себѣ образъ Божій, и напротивъ, не любя ближнихъ, мы тѣмъ самымъ показываемъ и свою нелюбовь къ Богу (1 Иоан. 4, 20). Но какъ мы можемъ не любить Того, Который прежде возлюбилъ насъ и возлюбилъ до того, что Сына Своего Единороднаго не пощадилъ для насъ, чтобы спасти насъ (Иоан. 3, 16). Мы должны любить ближнихъ нашихъ и потому, что этому научаетъ насъ Самъ Спаситель нашъ своимъ собственнымъ примѣромъ. Изъ любви къ намъ Онъ содѣлался человекомъ, понесъ на Себѣ все грѣхи наши, претерпѣлъ самыя тяжкія страданія и самую позорную смерть (1 Иоан. 3, 16; Еф. 5, 2). Научаетъ насъ этому и своимъ словомъ: *заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга, якоже возлюбилъ вы, да и вы любите себе* (Иоан. 13, 34). Въ христіанствѣ все мы дѣти одного Отца небеснаго, и потому должны любить ближнихъ, какъ своихъ братьевъ;—все мы члены одного и того же тѣла Христова, все имѣемъ одинаковое званіе во Христѣ, благодатные дары одного и того же Духа Святаго, одинаковое упованіе, и потому, кто не питаетъ чувства

любви къ ближнему, тотъ не есть и истинный христiанинъ. Великая важность и благотворность заповѣди о любви къ ближнимъ побуждаетъ насъ къ охотному исполненiю ея. По свидѣтельству Слова Божiя, любовь есть союзъ совершенства (Кол. 3, 14), исполненiе закона Божественнаго и гражданскаго (Римл. 13, 1—11), необходимое условiе благосостоянiя жизни общественной (1 Кор. 12, 12, 25, 27), самый вѣрный и несомнѣнный признакъ истинныхъ послѣдователей Христовыхъ (Иоан. 13, 35). Въ ней—вся полнота христiанства; безъ нея все великое—мало, высокое и славное—ничтожно; безъ нея мудрость и знанiе, даръ чудотворенiя и пророчествъ, самая пламенная ревность по вѣрѣ не значать ничего (1 Кор. 13, 1—3). Она прiобрѣтаетъ благоволенiе Божiе, расположенiе ближнихъ, покрываетъ множество грѣховъ (1 Петр. 4, 8) и приготовляетъ для насъ еще большiя блага въ жизни будущей (2 Петр. 1, 5—8, 11; Апок. 21, 2, 3).

Одушевляемый такимъ живымъ и святымъ чувствомъ, христiанинъ постоянно долженъ стремиться къ совершенiю добраго, во славу Божiю, во благо и спасенiе ближняго. Подражая безпредѣльной любви Спасителя нашего, какую Онъ проявилъ къ людямъ, и каждый христiанинъ долженъ показывать такую же самоотверженную любовь къ своему ближнему: ибо *болши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Иоан. 15, 12, 13). При этомъ, какъ воплощенная Божественная любовь обнимаетъ собою весь родъ человѣческой и не полагаетъ никакого различiя между iудеемъ и язычникомъ, обрѣзаннымъ и необрѣзаннымъ, варваромъ и скиѣомъ, рабомъ и свободнымъ, *всѣмъ человекомъ хочетъ спастися и въ разумъ истинны притти* (1 Тим. 2, 4—6), и по этому за всѣхъ претерпѣла крестныя страданiя и смерть; такъ и каждый христiанинъ долженъ оказывать такую же любовь ко всѣмъ

людямъ, безъ различiя пола и возраста, званiя и состоянiя, къ своимъ и чужимъ, къ друзьямъ и врагамъ (Лук. 10, 29—37; Мтѣ. 5, 43—48; 9, 10—13; 1 Кор. 9, 19—23). И всякій, кто признаетъ за несомнѣнное истину пришествiя въ мiръ Сына Божiя, тотъ необходимо долженъ признать священнѣйшею и непремѣнною обязанностiю своею любить все человѣчество. Если же онъ ограничиваетъ свою любовь только однимъ какимъ либо кругомъ людей, то онъ не исполнѣ, значитъ, понимаетъ сущность вѣры христiанской. Онъ сознательно или безсознательно уменьшаетъ и уничтожаетъ величiе жертвы, принесенной за спасенiе мiра едиnorodнымъ Сыномъ Божiимъ. *)

Сообразно съ различными нашими отношенiями къ ближнимъ и любовь къ нимъ проявляется въ разныхъ

*) *Примѣч.* Обязывая любить всѣхъ безъ различiя, христiанская вѣра не запрещаетъ однако питать особенную любовь только къ нѣкоторымъ лицамъ, преимущественно предъ другими, каковы, наприм., родители, родственники, единовѣрцы, друзья, благодѣтели и проч. Самъ Господь нашъ I. Христосъ научаетъ насъ этому собственнымъ примѣромъ. Онъ хотя пришелъ спасти весь родъ человѣческой, по любви къ нему, однако Царствiе Божiе проповедуетъ прежде народу iудейскому; среди iудеевъ къ семейству Лазаря Онъ былъ особенно расположенъ. Изъ среды ближайшихъ учениковъ Его Петръ, Иаковъ и Иоаннъ пользуются особеннымъ Его довѣрiемъ, а изъ нихъ только одинъ Иоаннъ удостоивается особенной любви Его (Иоан. 21, 20). Во время крестныхъ страданiй, принадлежа всему мiру, Онъ особенно заботился о своей Матери и поручилъ Ее нѣжному попеченiю возлюбленнаго ученика своего Иоанна (Иоан. 19, 25—27). Тому же научаетъ насъ и словомъ и примѣромъ св. Ап. Павелъ. Говоря въ одномъ мѣстѣ: *будемъ дѣлать добро всѣмъ, въ особенности же своимъ по вѣрѣ* (Гал. 6, 10), въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ: *если же кто о своихъ и особенно о домашнихъ не заботится, тотъ отрехся отъ вѣры и хуже невѣрнаго* (1 Тим. 5, 4. 8). И самъ къ соотечественникамъ своимъ питалъ такую любовь, что желалъ быть отлученнымъ отъ Христа для ихъ спасенiя (Рим. 9, 3).

видахъ и дѣйствіяхъ, какъ-то: 1) *въ миролюбіи*. *Миролюбіе* есть такое свойство и стремленіе души христіанина, по которому онъ всегда желаетъ и всѣми мѣрами старается сохранять со всѣми миръ и согласіе, удаляясь всего того, что производитъ раздоры, несогласія и раздѣленія, а происшедшія уже несогласія тотчасъ же старается прекращать и вновь возстановлять миръ и согласіе.

Такое настроеніе души христіанина является естественнымъ слѣдствіемъ искренней и самоотверженной любви его къ ближнимъ. Если мы, какъ дѣти одного Отца небеснаго, должны любить ближнихъ нашихъ, какъ своихъ братьевъ, то при такихъ близкихъ родственныхъ отношеніяхъ нѣтъ мѣста раздорамъ и несогласіямъ. А если бы таковыя, независимо отъ него, случайно и возникли, истинный христіанинъ, во имя любви, всегда старается примирить и успокоить недовольныхъ и, при помощи благодати Божіей, добрымъ и кроткимъ отношеніемъ снова пріобрѣтаетъ любовь, уваженіе и расположеніе ближнихъ (1 Петр. 3, 8—13; 2 Кор. 13, 11; Евр. 12, 14). Терпя иногда незаслуженно обиды и оскорбленія, онъ великодушно переноситъ ихъ, подаетъ руку примиренія обидѣвшему его и употребляетъ съ своей стороны всевозможныя средства къ тому, чтобы *со всѣми чловѣки миръ имѣти* (Рим. 12, 18; Еф. 4, 32).

Имѣя искреннюю и самоотверженную любовь къ ближнимъ, истинный христіанинъ не только самъ старается сохранить мирныя отношенія къ нимъ, устраняя всякія поводы къ нарушенію ихъ, но желаетъ, чтобы подобныя отношенія были и между другими людьми. По этому, когда таковыя между ними нарушаются, истинно миролюбивый чловѣкъ старается возстановить между ними прежнія искреннія отношенія и удалить вражду.

2) *Въ учтивости и привѣтливости*. Учтивость и привѣтливость суть внѣшнія выраженія и проявленія христіанской любви къ ближнимъ. Онѣ требуютъ должнаго вниманія и благопристойнаго отношенія къ каждому чловѣку, какъ къ ближнему своему, сообразно съ ихъ достоинствами и заслугами, а именно: почтенія къ старшимъ и высшимъ, уваженія къ равнымъ и снисхожденія къ низшимъ, вообще вниманія и искренняго благожеланія къ каждому чловѣку, какъ къ своему ближнему. И такое отношеніе къ другимъ въ христіанствѣ не есть холодное или равнодушное соблюденіе правилъ внѣшняго приличія, вѣжливости, безъ соотвѣтственнаго ему внутренняго настроенія души, но есть выраженіе искренняго, сердечнаго расположенія одного чловѣка къ другому, къ ближнему своему. Эти добрыя качества, какъ естественныя слѣдствія выраженія во внѣ христіанской любви, имѣютъ важное значеніе въ жизни общественной: онѣ даютъ общественнымъ отношеніямъ видъ и значеніе добрыхъ, родственныхъ отношеній и много способствуютъ какъ скрѣпленію союза общественнаго, такъ и облагороженію жизни общественной; а съ другой стороны, ими предотвращаются разныя неприятели, оскорбленія и проч., происходящія отъ невѣжества, неприличія, и привлекаются даже сердца грубыя. Такимъ образомъ они являются помогающими средствами къ поддержанію миролюбивыхъ отношеній между людьми. Самъ І. Христосъ придавалъ этимъ внѣшнимъ качествамъ значеніе и внушалъ своимъ послѣдователямъ въ обращеніи со всѣми выражать пристойное уваженіе и благопривѣтливость. „*Входя въ домъ, поучаетъ Онъ, привѣтствуйте его, говоря: миръ дому сему* (Мтѣ. 10, 12). Тоже внушаютъ намъ и словомъ и примѣромъ Его св. Апостолы (Рим. 16, 3—16, 21—23; Фил. 4, 21, 22; Кол. 4, 5, 6).

3) *Въ честности*. Честность, въ болѣе обыкновен-

номъ смыслѣ и значеніи есть такое качество человѣка, по которому онъ не желаетъ и не дѣлаетъ зла другому, оберегаетъ также и другихъ отъ зла. Честный человѣкъ всегда слѣдуетъ закону правды или справедливости, требующей признанія святости и ненарушимости правъ другихъ. Понимаемая и въ такомъ смыслѣ честность— прекрасное качество человѣка. Она служитъ прочнымъ оплотомъ общественнаго благосостоянія людей и всего нравственнаго міропорядка; между тѣмъ какъ отсутствіе этого качества въ людяхъ неизбежно влечетъ за собой всякія неурюстройства въ жизни общественной. Ибо, коль скоро можно будетъ безнаказанно нарушать права другихъ насиліемъ, коварствомъ, обманомъ и т. п., то все ниспровергается. Тѣмъ не менѣе понимаемая въ такомъ смыслѣ честность есть не болѣе, какъ только отрицательная сторона той общей и основной добродѣтели, которою должны быть запечатлѣны всѣ наши отношенія къ другимъ. Честность (отъ слова честь), какъ христіанская добродѣтель, имѣя въ своемъ основаніи любовь, должна соединяться съ искреннею добротою, благодію, по которой мы желаемъ и дѣлаемъ для ближнихъ нашихъ все, что должны и можемъ дѣлать, не только по буквѣ закона, но и по духу,—не только потому, что не желаемъ нарушать ихъ правъ и вредить ихъ благополучію, но и потому, что хотимъ содѣйствовать ихъ счастію, и чувствуемъ съ себѣ потребность заботиться объ этомъ.

4) *Въ правдивости.* Правдивость есть такое качество души христіанина, по которому онъ всегда старается говорить истину, правду, безъ всякой лжи и обмана, хотя бы за это ему пришлось испытать многія лишенія и неудобства въ жизни. Избѣгая самъ всякой лжи и неправды, онъ не терпитъ ихъ и въ другихъ людяхъ; по этому всѣми мѣрами старается возстановить

истину и разоблачить ложь. Примѣръ этого мы видимъ въ Самомъ І. Христѣ, въ Его Апостолахъ и всѣхъ истинныхъ Его послѣдователяхъ. Иисусъ Христосъ всегда говорилъ одну только истину, ни предъ кѣмъ Онъ не скрывалъ и не умалялъ ее, какъ бы горька ни была она для Его слушателей, какъ это и Самъ Онъ засвидѣтельствовалъ въ отвѣтъ первосвященнику іудейскому: *Азъ всегда не обинуяся учихъ, и тай не глаголахъ ниче- соже* (Іоан. 18, 20), или когда сказалъ увѣровавшимъ въ Него іудеямъ: *Если пребудете въ слово Моємъ, то вы... познаете истину* (Іоан. 8, 31, 32), или, наконецъ, когда сказалъ Пилату: *Азъ на сіе родихся, и на сіе придохъ въ міръ, да свидѣтельствую истину. И всякъ, иже есть отъ истины, послушаетъ гласа Моего* (Іоан. 18, 37). Призывая всѣхъ людей въ свое Царство, Онъ не обѣщаетъ имъ различныхъ благъ міра сего, но требуетъ отъ нихъ, напротивъ, готовности на всякія лишенія, доходящей до самоотверженія. Ублажая и похваляя своихъ учениковъ за ихъ желаніе слѣдовать за Нимъ, Онъ же, въ другой разъ, строго обличаетъ ихъ за маловѣріе и другіе нравственные недостатки (Мтѣ 16, 23). Желая всѣхъ грѣшниковъ привлечь въ свое общеніе, въ тоже время Онъ сильно обличаетъ какъ фарисеевъ и саддукеевъ, вождей народныхъ, такъ и самый народъ. Самые враги называли Его истиннымъ (Мтѣ. 22, 16). Тоже самое мы видимъ въ жизни и ученіи Апостоловъ (Дѣян. 4, 19, 20; 1 Петр. 2, 1; Еф. 4, 25; 2 Кор. 4, 2). Желая быть истинными послѣдователями Христа Спасителя, и каждый изъ насъ долженъ неуклонно слѣдовать въ этомъ жизни и ученію Спасителя нашего. Этого требуютъ отъ насъ не только прямыя внушенія и наставленія Слова Божія, но и достоинство нашей собственной природы, созданной по образу Того, который есть Истина. Этого требуетъ благосостояніе жизни обществен-

ной, которое главнымъ образомъ зиждется на взаимной любви и довѣрии другъ къ другу; а такія отношенія, въ свою очередь, возможны только при искренней чистоты и правдивости людей. Наконецъ, и для самого человѣка это доброе качество составляетъ величайшее благо какъ потому, что оно привлекаетъ къ нему любовь и расположеніе ближнихъ, такъ особенно и потому, что за это онъ получитъ Царство небесное (Мтѣ. 5, 10).

Преступность лжи. Истинѣ и правдѣ противоплагается ложь. Ложь есть намѣренное искаженіе истины предъ другими, съ цѣлью обмануть ихъ, ввести въ заблужденіе. Въ основѣ лжи могутъ лежать различныя побужденія, придающія ей большую или меньшую преступность. Низшей степени ложь, когда лгутъ по легкомыслию, для забавы себя и другихъ; высшая степень лжи, когда она переходитъ въ злобу и имѣетъ цѣлью вредить другимъ, а самая высшая степень состоитъ въ лжесвидѣтельствѣ и клятвопреступленіи, — ложь, которая силится, такъ сказать, обмануть Самого Бога.

Но хотя ложь имѣетъ разную степень преступности и виновности, смотря по ея побужденіямъ, тѣмъ не менѣе она, во всѣхъ ея видахъ и при всѣхъ ея побужденіяхъ, осуждается и Словомъ Божиимъ, и разумомъ человѣческимъ. *Мерзость Господеви устни лжисеть*, говоритъ Премудрый (Притч. 12, 22). Иисусъ Христосъ считаетъ ее дѣломъ діавола (Іоан. 8, 44); слѣдовательно, кто лжетъ, тотъ преданъ діаволу. Предостерегая христіанъ отъ этого гнуснаго порока, св. Ап. Павелъ говоритъ: *тѣмже отложше лжу, глаголите истину, кійждо ко искреннему своему: зане есмь другъ другу удове* (Еф. 4, 25). *Не лжите другъ на друга, совлекшися ветхаго чловѣка съ дьянми его* (Кол. 3, 9). Ложь есть отверженіе величія Божія и совершенствъ Его и уничтоженіе человѣческаго достоинства, уклоненіе отъ его назна-

ченія. Богъ есть истина, святость и правда, а мы созданы для Него; слѣдовательно, что противорѣчитъ истинѣ, то противорѣчитъ Богу и нашему назначенію. Это же самое говоритъ и совѣсть наша: ибо всякій чувствуетъ стыдъ, когда обличать его во лжи. Уничтожая взаимную любовь между людьми, подрывая всякое довѣріе и уваженіе другъ къ другу, она чрезъ это разрушаетъ связь, порядокъ и благосостояніе жизни общественной и служитъ такимъ образомъ началомъ многихъ другихъ пороковъ, потому что, кто способенъ говорить ложь, тотъ легко можетъ поддаться всякому пороку. И дѣйствительно, во всякомъ порокѣ и преступленіи заключается неуваженіе къ истинѣ закона и, слѣдовательно, склонность ко лжи; всякій порокъ есть ложь, насиліе совѣсти, противопоставленіе побужденіямъ закона побужденій ложныхъ, поставленіе вмѣсто блага истиннаго добра ложнаго. Можно сказать, что вся жизнь порочнаго есть непрерывная цѣпь лжи.

5) *Въ готовности творитъ добро ближнему.* Такая благожелательность и благотворительность христіанина къ своему ближнему является естественнымъ слѣдствіемъ и выраженіемъ христіанской любви. Чѣмъ болѣе человѣкъ истинно любитъ своего ближняго, тѣмъ болѣе онъ готовъ дѣлать ему добро, оказывать ему всякую милость. Къ этой добродѣтели побуждаетъ насъ и Самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ, когда говоритъ: *Будите милосерди, якоже и Отець вашъ небесный милосердъ есть* (Лук. 6, 36); *благотворите и взаимъ дайте, ниче- соже чающе: и будетъ мзда ваша многа, и будете сынове Вышняго: яко Той блазъ есть на безблагодатныхъ и злыя* (Лук. 6, 35). И Самъ во всю свою земную жизнь всегда и всѣмъ благотворилъ. Милосердіе Божіе къ намъ самимъ должно быть не только побужденіемъ, но и образомъ нашего милосердія къ ближнимъ. Гос-

подъ благъ и милостивъ ко всѣмъ: *Онъ солнце свое сіяетъ на злыя и благія и дождитъ на праведныя и неправедныя* (Мтѣ. 5, 45). Трудно исчислить всѣ роды и виды благодѣяній Божіихъ, какія Онъ явилъ роду человѣческому. Подобно милосердію и благодѣянію Божію, простирающемуся на всѣхъ людей, и наше благо-твореніе и милосердіе должно обнимать всѣхъ людей, всякаго состоянія, знакомыхъ и незнакомыхъ, друзей и недруговъ. Въ чемъ же должно состоять наше милосердіе и благотворительность къ ближнимъ? Господь нашъ Иисусъ Христосъ помощь ближнимъ нашимъ изображаетъ въ видѣ питанія алчущихъ, напоенія жаждущихъ, одѣянія нагихъ, принятія страннхъ, призрѣнія больныхъ и участія въ судьбѣ заключенныхъ въ темницы (Мтѣ 25, 35. 36). Но, безъ сомнѣнія, этими видами не исчерпывается христіанская благотворительность. Здѣсь І. Христосъ, вмѣсто общаго понятія о милосердіи и благотворительности, представляетъ частные признаки его, сообразно съ условіями того времени. Благотворительность христіанская, какъ видно изъ указаннаго и многихъ другихъ наставленій І. Христа (Лук. 10, 25—37; Мтѣ. 5, 44; 6, 14; 10, 7, 8, 40—42), а также изъ примѣра Его собственной жизни, должна быть такъ обширна, какъ обширны нужды ближнихъ нашихъ; и такъ какъ эти послѣднія, при своей многочисленности и разнообразіи, не могутъ быть исчислены, то и виды благотворительности, равно какъ мѣра и степень ея не могутъ быть опредѣлены съ точностію. Истинный христіанинъ долженъ всегда благотворить и всѣмъ, чѣмъ только можетъ, вещественно и духовно, не только при избыткахъ своихъ, но даже и при недостаткахъ, при своей бѣдности; если кто не можетъ помочь бѣдному вещественно, тотъ пусть не забываетъ другихъ видовъ благотворительности, особенно по отношенію къ душѣ

ближняго. Кто словомъ убѣжденія, подкрѣпляемаго добрыми примѣрами жизни, и теплыми молитвами къ Богу будетъ содѣйствовать освобожденію отъ рабства той или другой изъ страстей своего ближняго, или возвращенію къ Богу заблудшей души, страждущей недугомъ невѣрія: тотъ болѣе, чѣмъ кто либо, сдѣлаетъ для блага ближняго и своего собственнаго. Если онъ и этого не можетъ исполнить, пусть съ искреннимъ усердіемъ и полною готовностію служить несчастнымъ своимъ братьямъ тѣмъ, чѣмъ можетъ. Лепта вдовицы, опущенная въ карвану Іерусалимскаго храма, имѣла болѣе цѣны въ очахъ Спасителя, чѣмъ самыя богатыя приношенія (Лул. 21, 3). *Иже аще напоитъ единаго отъ малыхъ сихъ чашею студены воды*, сказалъ Спаситель, *не погубитъ мзды своея* (Мтѣ. 10, 42). Господь не требуетъ отъ насъ невозможнаго; слѣдовательно, мы должны дѣлать для ближняго то, что можемъ.

6) ^{Литва кирилическая} ~~Въ перенесенной обидѣ.~~ По заповѣди І. Христа, любовь христіанина должна простираться и на самыхъ враговъ нашихъ, которые, по ненависти къ намъ, стараются намѣренно причинить намъ какое либо зло, вредъ, обиду или оскорбленіе. *Любите враги ваша, благословите кленущія вы, добро творите ненавидящимъ васъ и молитесь за творящихъ вамъ напасть, и изгонящія вы* (Мтѣ. 5, 44). *Ибо*, поясняетъ эту заповѣдь Господь *даже, если вы будете любить любящихъ васъ, какая вамъ награда? Не тоже ли дѣлаютъ и мытари? И если вы приветствуете только братьевъ вашихъ, что особеннаго дѣлаете? Не такъ же ли поступаютъ и язычники?* (ст. 46, 47). Истинный христіанинъ, конечно, долженъ быть выше въ нравственномъ отношеніи и мытарей, считавшихся грѣшниками, и язычниковъ. Любовь христіанина и братское расположеніе его должны простираться и на самыхъ враговъ его, какъ созданныхъ по

образу Божию, искупленныхъ Иисусомъ Христомъ и предназначенныхъ къ вѣчному блаженству. Въ силу такой любви онъ охотно долженъ прощать своему врагу причиненныя имъ ему обиды, стараться примириться съ нимъ, устраняя всякія причины къ несогласію, и за зло охотно воздавать ему добромъ. Такая любовь, такое расположеніе ко врагамъ является самымъ сильнымъ орудіемъ и единственнымъ средствомъ къ побѣдѣ надъ ними. Зла зломъ побѣдить нельзя. Обиженный, нанеся рану обидчику, не излѣчитъ тѣмъ своей раны и не уничтожитъ злобы и вражды своего врага; напротивъ, онъ этимъ еще болѣе усилитъ его злобу и вызоветъ на новую обиду. Между тѣмъ какъ, прощая своему врагу, благотвориая ему за зло, онъ тѣмъ самымъ *углие огненное собираетъ на главу его*, заставляетъ почувствовать жаръ любви къ нему, смягчаетъ огрубѣлое сердце его и такимъ образомъ побѣждаетъ зло. Въ истинности этого убѣждаютъ насъ многіе примѣры исторіи (Быт. 33, 4; 1 Цар. 25, 32, 38; 26, 21 и др.). Къ такой любви располагаетъ насъ своимъ собственнымъ примѣромъ самъ Господь нашъ І. Христосъ. Вися на крестѣ, испытывая неизъяснимыя страданія, перенося жестокія оскорбленія и поруганія, Онъ молился за враговъ своихъ, говоря: *Отче, отпусти имъ, не вѣдаютъ бо, что творятъ* (Лук. 23, 34). Впрочемъ, евангельскою заповѣдію о прощеніи обидъ ни мало не ослабляется сила гражданскихъ и церковныхъ законовъ, къ помощи которыхъ христіанинъ долженъ прибѣгать, при защитѣ своихъ собственныхъ правъ, добраго имени или самой жизни. Только прежде чѣмъ прибѣгать къ этой мѣрѣ, онъ долженъ употребить многія другія, кроткія мѣры къ примиренію съ врагомъ или къ удержанію его отъ враждебныхъ дѣйствій. И только, когда эти послѣднія мѣры окажутся неэффективными, прибѣгать къ болѣе строгимъ мѣрамъ.

Вышесказанной заповѣди Спасителя о прощеніи обидъ своему врагу противорѣчить *мщеніе*, какъ порокъ. Это есть высшее напряженіе злой воли человѣка. Оно возникаетъ въ челоуѣкѣ тогда, когда ненависть и вражда усиливаются въ немъ до того, что возбуждаютъ всѣ силы его духа противъ другого лица. Поводомъ къ мщенію служатъ сильныя страсти, чѣмъ либо оскорбленныя другимъ. Но месть бываетъ необдуманная и обдуманная. Первая бываетъ слѣдствіемъ гнѣва, вспыльчивости и сопровождается раскаяніемъ, а иногда и примиреніемъ. Другая, неспособна къ раскаянію и, сдѣлавъ зло другому, ощущаетъ отъ этого злобную радость.

Мщеніе, въ смыслѣ праведнаго воздаянія за причиненное зло, принадлежитъ одному только Богу. *Мнѣ отмщеніе. Азъ воздамъ*, глаголетъ Господь (Римл. 12, 19; сравн. Быт. 18, 23; Пс. 7, 9, 12). Между людьми право это можетъ принадлежать только лицамъ, уполномоченнымъ высшею законною властію (Римл. 13, 4). Для всѣхъ остальныхъ, единственное, одобряемое нравственнымъ закономъ, мщеніе можетъ состоять только въ томъ, чтобы поступить съ врагомъ великодушно и побѣдить зло его добромъ (Мтѣ. 5, 38 и дал.; сравн. Лук. 6, 27—29; Римл. 12, 17, 18).

Поединокъ. Иногда случается, особенно въ свѣтскомъ обществѣ, что челоуѣкъ, признавая себя оскорбленнымъ лично, или же за другое какое либо дорогое ему лицо, вызываетъ оскорбившаго его на поединокъ для возстановленія оскорбленной чести. А этотъ послѣдній, стыдясь имени труса и мнимаго презрѣнія отъ людей, въ случаѣ отказа своего, принимаетъ вызовъ. И вотъ тотъ и другой, въ присутствіи свидѣтелей сражаются между собою смертельными оружіями. Такое ратоборство носитъ названіе дуэли или поединка.

Но можетъ ли быть восстановлена этимъ способомъ

нарушенная честь, если-бы это нарушение и было на самомъ дѣлѣ? Нѣтъ. Вызвавшій на дуэль къ своему, можетъ быть, кажущемуся только безчестію, въ случаѣ убійства своего противника, присоединяетъ уже явное и полное безчестіе, низводя себя на степень дикаго звѣря, и не одно только безчестіе, но и ужаснѣйшее преступленіе. То же самое нужно сказать и относительно принявшаго вызовъ. Затѣмъ, ни съ той, ни съ другой стороны нѣтъ и тѣни геройства, а видна одна трусость. У одного не достааетъ духа перенести обиду, а у другого—отказаться отъ вызова, и вмѣсто этого принести ему извиненіе или другое какое либо удовлетвореніе за оскорбленіе. Истинная честь вовсе не нуждается въ такомъ средствѣ для своего возстановленія, какъ дуэль; потому что для этого во всѣхъ странахъ свѣта и у всѣхъ народовъ существуютъ законы, ограждающіе честь невиннаго человѣка и наказывающіе оскорбителя чести. Косвеннымъ образомъ мы и сами можемъ защищать свою честь, но не поединкомъ, а добродѣтельной жизнію, благочестіемъ, какъ совѣтуетъ это ап. Петръ (1 Петр. 2, 12, 15). Примѣръ такой самозащиты показалъ намъ Самъ Иисусъ Христосъ, Который въ отвѣтъ на обвиненія своихъ противниковъ ссылается на свои добрыя дѣла, какія Онъ показалъ имъ отъ Отца Своего, и спрашиваетъ ихъ: „за которое изъ нихъ хотите побить Меня камнями?“ (Іоан. 10, 31—32).

Но дуэль особенно является преступною съ христіанской точки зрѣнія. Слово Божіе ублажаетъ тѣхъ, которые терпѣливо и благодушно переносятъ всякія поношенія, злословія и гоненія (Мтѣ. 5, 11); оно заповѣдуетъ даже: *аще кто тя ударитъ въ десную твою ланиту, обрати ему и другую* (Мтѣ. 5, 39); оно говоритъ, что чести нашей никто унизить не можетъ, потому что она сокровище душевное, и что незаслужен-

ное безчестіе, благодушно переносимое, составляетъ славу нашу, увеличиваетъ намъ будущее воздаяніе (2 Кор. 4, 16—18),—что никто не имѣетъ права отмщать самъ за себя, ибо для этого поставлены Богомъ земные власти (Римл. 13, 4), и кромѣ того, Самъ Господь есть заступникъ и отмститель злое творящимъ и строящимъ козни (Лук. 18, 7; Римл. 12, 19). Нужно, впрочемъ, замѣтить, что это звѣрское средневѣковое безчиніе въ настоящее время совершенно почти уже исчезло и можно надѣяться, что оно совершенно перейдетъ въ область преданія, въ число отжившихъ уже обычаевъ.

Обязанности христіанина по отношенію къ духовнымъ лицамъ, родителямъ, начальникамъ и ко всѣмъ старшимъ.

Если заповѣдь о любви требуетъ, чтобы мы относились ко всѣмъ ближнимъ нашимъ, не исключая и враговъ, съ полнымъ вниманіемъ и уваженіемъ, чтобы всѣ наши отношенія къ нимъ запечатлѣны были искреннею любовію, доходящею до самоотверженія; то тѣмъ болѣе такую любовь, совершенное почтеніе и уваженіе мы должны питать и доказывать всѣмъ поведеніемъ своей жизни по отношенію къ духовнымъ лицамъ, родителямъ, начальникамъ и ко всѣмъ вообще старшимъ насъ лицамъ. И прежде всего, такую преимущественную любовь, почтеніе и уваженіе должны оказывать:

а) Къ духовнымъ лицамъ, пастырямъ духовнымъ. Такой любви, почтенія и уваженія они заслуживаютъ какъ по своему высокому званію и служенію, по своимъ правамъ и преимуществамъ, такъ и по великой важности и значенію ихъ служенія для блага и спасенія людей. Они отъ Самого Господа, чрезъ священное рукоположеніе, приѣмлютъ права вышечеловѣческія: дѣлаются участниками въ служеніи Спасителя, вводятся въ Его домъ, предстоятъ Его престолу, становятся посредника-

ми между Богомъ и людьми, возвѣщаютъ спасительное учение Христово и правила христіанской жизни, возносятъ молитвы и безкровныя жертвы за грѣхи людей, отверзаютъ источники спасительныхъ таинъ и дѣлаются раздателями даровъ небесныхъ, совершаютъ духовный судъ надъ вѣрующими, скрѣпляемый судомъ Божиимъ, и такимъ образомъ руководствуютъ вѣрующимъ къ ихъ духовному совершенству, къ единству вѣры, къ святости жизни и вѣчному спасенію (Мтѹ. 28, 18, 19; Марк. 16, 15; Лук. 22, 19; Мтѹ. 18, 18; Дѣян. 20, 28; Еф. 4, 11—13 и друг.). Вообще они, по слову Писанія, *споспѣшники Богу* (1 Кор. 3, 9), — *соль земли* (Мтѹ. 5, 13), свѣтъ для міра (Мтѹ. 5, 14), *образъ стада Христова* (1 Петр. 5, 3).

Въ виду такого высокаго ихъ служенія Богу и людямъ, пасомые ими христіане должны искренно любить и почитать ихъ, какъ своихъ духовныхъ отцевъ и молитвенниковъ предъ Богомъ (1 Сол. 5, 12, 13), — во всѣхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ просить ихъ молитвъ и благословенія, а въ нѣкоторыхъ и отеческаго совѣта, — призывать ихъ къ участию во всякой радости и печали: ибо почтеніе къ духовному пастырю есть вѣрный признакъ почтенія къ Богу (Мтѹ. 10, 40); должны всегда приносить усердныя молитвы къ Богу о благопоспѣшеніи имъ и объ укрѣпленіи ихъ въ трудномъ ихъ служеніи. Объ этомъ постоянно просилъ апостоль вѣрующихъ: *молю вы, братіе, Господемъ нашимъ Исусомъ Христомъ, и любовію Духа, споспѣшествуйте ми въ молитвахъ о мнѣ къ Богу* (Римл. 15, 30; Еф. 6, 18, 19). Если ихъ духовные пастыри иногда и подвержены бываютъ какимъ либо человѣческимъ слабостямъ и недостаткамъ, пасомые должны не только сами воздерживаться отъ всякаго осужденія и огорченія ихъ, но и другихъ удерживать отъ этого, чтобы не ослабить должнаго уваженія къ нимъ пасомыхъ, и все покрывая лю-

бовію, молить Бога, Который „*немоцная врачуетъ и оскудѣвающая восполняетъ*“ (Римл. 14, 4). Наконецъ, въ знакъ благодарности за великое дѣло ихъ служенія Церкви, а также и для того, чтобы они безпрепятственнѣе могли посвящать себя своему служенію, пасомые должны оказывать имъ посильную помощь своими матеріальными пожертвованіями для безбѣднаго и приличнаго ихъ званію содержанія (1 Кор. 9, 13—14; Мтѹ. 10, 10; Лук. 10, 7). Оказывая глубокое почтеніе и уваженіе пастырямъ Церкви Христовой, въ лицѣ епископовъ и пресвитеровъ, вѣрующіе христіане должны также отдавать должную дань уваженія и лицамъ, проходящимъ по волѣ Божіей и третью степень іерархическаго служенія — діаконамъ: ибо и они также присутствуютъ при священнодѣйствіяхъ, предстоятъ и служатъ престолу Всевышняго.

б) *Къ нашимъ родителямъ.* Отцы духовные возрождаютъ духовныхъ чадъ своихъ въ жизнь духовную, святую, для поддержанія и укрѣпленія этой жизни подаютъ имъ духовную пищу и руководятъ къ вѣчной блаженной жизни. Наши плотскіе родители, съ благословенія Божія, подаютъ самое бытіе и жизнь дѣтямъ своимъ, отъ самого рожденія питаютъ и охраняютъ ихъ, развиваютъ и укрѣпляютъ какъ физическія, такъ и духовныя силы ихъ, даютъ имъ истинное религіозно-нравственное направленіе, возвращаютъ ихъ въ людей совершенныхъ и такимъ образомъ содѣйствуютъ достиженію ихъ временнаго и вѣчнаго блага. За такую любовь и попеченіе родителей о своихъ дѣтяхъ, и дѣти, съ своей стороны, должны также оказывать имъ совершенную любовь, почтеніе и уваженіе, покорное повиновеніе и признательную благодарность. Исполненіе этихъ обязанностей по отношенію къ родителямъ внушаетъ имъ пятая заповѣдь закона Божія: *чти отца*

твоего и мать твою, да благо ти будетъ и да долготенъ будешь на земли (Исх. 20, 12; Марк. 7, 10). Эту же заповѣдь повторяетъ и ап. Павелъ, прибавляя, что она есть *первая во обѣтованіи* (т. е. съ обѣтованіемъ) (Еф. 6, 2, 3). Обѣтованіе временной награды служитъ побужденіемъ къ исполненію этой важной заповѣди, утверждающей порядокъ семейной жизни. Исполненіе этого обѣтованія мы ясно видимъ въ исторіи временъ патриархальныхъ (Быт. 27, гл.). Внимательные къ путямъ Промысла и нынѣ могутъ видѣть примѣры, какъ Богъ особенно хранитъ жизнь и устрояетъ временное благополучіе дѣтей почтительныхъ къ родителямъ, а совершенную награду уготовляетъ имъ на небесахъ. Объ этомъ свидѣлствуетъ и премудрый сынъ Сираховъ (3, 8—12; 7, 29, 30).

Питая искреннее почтеніе и уваженіе къ родителямъ, дѣти а) должны быть всегда скромны, кротки и искренни предъ своими родителями. Ни одно оскорбительное для родителей слово не должно выходить изъ устъ добраго сына или дочери. *Иже злословитъ отца своего или мать, смертію да умретъ*, заповѣдалъ Богъ въ законѣ Моисеевомъ. *Проклятъ безчестяй отца своего, или мать свою* (Втор. 27, 16). Совершенное почтеніе они должны воздавать родителямъ даже и въ томъ случаѣ, если-бы послѣдніе имѣли какіе нибудь слабости или недостатки душевные или тѣлесные. *Аще и разумомъ оскудѣваетъ родитель, прощеніе имъ, и не обезчести его всю крѣпостію твою* (Сир. 3, 12, 13). Вѣчно поучительнымъ урокомъ для дѣтей должно остаться событіе изъ жизни Ноя, надъ которымъ, по случаю неосторожнаго опьяненія его, позволилъ себѣ поглумиться одинъ изъ сыновей его. На цѣломъ потомствѣ Хама отразилось слѣдствіе его преступленія, и имя его осталось на всѣ роды нарицательнымъ именемъ недостой-

наго сына. По этому б) они должны оказывать полное вниманіе къ ихъ наставленіямъ и искреннее и покорное повиновеніе во всемъ, что не противно закону Божию и гражданскому. *Чада, послушайте родителей своихъ во всемъ; сіе бо угодно есть Господеви*, учитъ Апостоль (Кол. 3, 20). И въ другомъ мѣстѣ: *чада, послушайте своихъ родителей, о Господь: сіе бо есть праведно* (Еф. 6, 1). Указаніе Апостола на Господа и утверждаетъ послушаніе, и ограничиваетъ тѣмъ, что напоминаетъ Слово Господне: *иже любитъ отца или мать нѣче Мене, нѣсть Мене достоинъ* (Мтѣ. 10, 37). Бываютъ случаи, когда родители требуютъ отъ дѣтей своихъ чего либо противнаго закону Божию; въ такихъ случаяхъ они должны исполнять волю Божию, а не родительскую, потому что Богу должно повиноваться больше, чѣмъ кому-бы то нибыло (Дѣян. 4, 19, 20). Только надобно всячески остерегаться злоупотребленія этимъ ограниченіемъ заповѣди о повиновеніи родителямъ, чтобы не сдѣлать изъ него прикрытія для своеволія и упорства. Не исполняя въ данномъ случаѣ воли родителей, въ то же время во всѣхъ другихъ случаяхъ они должны исполнять всякое ихъ требованіе, непротивное закону Божию. в) Въ случаѣ бѣдности, болѣзни и старости родителей, дѣти должны оказывать имъ всякую помощь, — должны дѣлить съ ними послѣдній кусокъ хлѣба. Такое попеченіе о родителяхъ Апостоль называетъ *воздаяніемъ взаемъ родителямъ* (1 Тим. 5, 4), т. е. уплатою имъ справедливаго долга за ихъ попеченіе, за ихъ труды, болѣзни и скорби во благо дѣтей своихъ. А за такое усердіе къ родителямъ, они сами будутъ утѣшены признательностію своихъ дѣтей и не будутъ оставлены милостію отъ Самого Бога; ибо, по увѣренію сына Сирахова, *милость отца* (или оказанная родителямъ) *не забвена будетъ, и въ день скорби дѣтей воспомянется*

предъ Богомъ. Чтвый отца возвеселится о чадныхъ, и въ день мольбы своя услышанъ будетъ (Сир. 3, 5, 14, 15).

г) Должны быть всегда признательны и благодарны къ своимъ родителямъ за все ихъ безчисленныя благодѣянiя къ нимъ (Сир. 7, 29, 30). Обязанность эта обнимаетъ собою все другiя вышеуказанныя обязанности къ родителямъ; потому что ничѣмъ лучше не доказывается благодарность къ родителямъ, какъ искреннею любовiю, почтенiемъ и уваженiемъ къ нимъ и покорнымъ послушанiемъ и повиновенiемъ ихъ волѣ. Наконецъ, д) дѣти должны молиться за своихъ родителей какъ при жизни такъ и по смерти ихъ, и вѣрно исполнять ихъ завѣщанiя, не противныя закону Божию и гражданскому (2 Мак. 12, 43, 44; Иерем. 35, 18, 19; Иоан. Дамаск. Сл. о усопш.: см. катих. 5 зап.).

в) *Къ начальникамъ и ко всемъ старшимъ.* Начальники въ разныхъ отношенiяхъ во многихъ случаяхъ заступаютъ для насъ мѣсто родителей. Такъ, начальствующiе въ училищахъ и наставники заботятся о нашемъ образованiи и воспитанiи, приготавливаютъ насъ къ жизни общественной, дѣлаютъ изъ насъ полезныхъ членовъ общества и государства и тѣмъ самымъ содѣйствуютъ какъ временному нашему благу и счастiю, такъ и вѣчному спасенiю; начальники гражданскiе охраняютъ насъ отъ беспорядковъ и неустройства въ обществѣ; начальники суда охраняютъ насъ отъ обидъ силою вѣренныхъ имъ законовъ, пресѣкаютъ зло, появляющееся въ гражданскомъ обществѣ и содѣйствуютъ торжеству добра въ борьбѣ со зломъ: *начальники военные* охраняютъ и защищаютъ нашу св. вѣру, престоль, отечество и каждаго изъ насъ отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, вредящихъ благосостоянiю; *начальники*, въ отношенiи къ своимъ подчиненнымъ, проходящимъ ту или другую общественную или гражданскую должность подъ

ихъ наблюдениемъ и руководствомъ, принимаютъ живое участiе въ этихъ послѣднихъ, оказываютъ къ нимъ надлежащее вниманiе и расположенiе, снисходятъ къ первымъ опытамъ ихъ дѣятельности, заботятся объ ихъ обезпеченiи и благосостоянiи; наконецъ, *господа*, въ отношенiи къ своей прислугѣ, также заботятся о благосостоянiи послѣднихъ, содѣйствуютъ возвышенiю ихъ вѣры и нравственности и пр. За такую любовь, вниманiе, расположенiе и снисхожденiе начальствующихъ въ разныхъ отношенiяхъ къ своимъ подчиненнымъ и послѣднiе должны отвѣчать имъ еще большею любовiю, преданностию, самоотверженнымъ служениемъ, почтенiемъ и уваженiемъ. Такую любовь къ нимъ внушаетъ и Слово Божiе. *Всяка душа властемъ предержащимъ да повируется. Нѣсть бо власть, аще не отъ Бога; суцiя же власти отъ Бога учинены суть. Тѣмъ же противляйся власти, Божiю повелѣнiю противляется* (Римл. 13, 1—2). *Воздадите всемъ должная: ему же убо урокъ, урокъ: а ему же данъ, данъ: а ему же страхъ, страхъ: и ему же честь, честь.* (Римл. 13, 7). *Раби, послушайте господiй своихъ по плоти со страхомъ и трепетомъ, въ простотѣ сердца вашего, яко же и Христа; не предъ очима точiю работающе, яко челоукоугодницы, но яко же раби Христовы, творяще волю Божiю отъ души* (Еф. 6, 5—6).

Наконецъ, любовь почтенiе и уваженiе къ старшимъ насъ внушаетъ намъ слѣдующими мыслями: 1) Старцы прежде насъ вступили въ жизнь, прошли уже школу жизни и умудрились опытомъ; слѣдовательно они имѣютъ право на наше почтенiе и уваженiе къ нимъ, какъ болѣе насъ знающiе жизнь и опытные въ жизни. Они во всемъ подаютъ намъ примѣръ доброй жизни и нравственнаго поведенiя; въ разныхъ трудныхъ обстоятельствахъ жизни могутъ подавать намъ мудрые совѣты и

предохранять насъ отъ разныхъ ошибокъ и заблужденій. 2) Надлежащее почтеніе и уваженіе къ нимъ внушаетъ намъ и само Слово Божіе. Апостоль Павелъ пишетъ къ Тимоѳею: *старца не укоряй, но умолай, якоже отца..., старицы, якоже матери* (1 Тим. 5, 1. 2). *Предъ лицомъ сѣдаго востани, и почти лице старцо, и да убоишия Господа Бога твоего* (Лев. 19, 32).

Любовь православнаго къ своему отечеству, требующая жертвъ и самоотверженія. Подъ именемъ *отечества* разумѣется не одна страна, въ которой кто родился и живетъ, но преимущественно то гражданское общество — съ его правительствомъ, языкомъ, вѣрою, нравами, обычаями, законами и проч., къ которому кто принадлежитъ, какъ членъ его. Православный христіанинъ долженъ любить свое отечество преимущественною любовію, любить все то, что составляетъ отличительныя черты родного ему народа, разумѣется — черты добрыя, въ которыхъ кроется начало сколько своеобразной, столько же и плодотворной дѣятельности. По этому, если, напр., русскій не хочетъ походить на русскаго, не любить той простоты, откровенности, великодушія и добросердечія, которыя характеризуютъ нравственную сторону родного ему народа, не раздѣляетъ съ нимъ его чистыхъ убѣжденій, не сочувствуетъ ему въ его національныхъ потребностяхъ и стремленіяхъ; то онъ никакъ не можетъ считаться въ собственномъ смыслѣ сыномъ своего отечества. Такая преимущественная любовь къ своему народу, отечеству столько же естественна чело-вѣку, сколько естественна преимущественная любовь его къ матери, отцу, братьямъ, сестрамъ и проч. Отрицать этого никто ни можетъ безъ противорѣчія самому себѣ, влеченію своей собственной природы. Она глубоко коренится въ самой природѣ чело-вѣка и согласна съ верховною волею Творца, Который *отъ единыя крове*

сотворилъ весь языкъ чело-вѣчь, жити по всему лицу земному, уставивъ предучиненныя времена и предѣлы ихъ селенія (Дѣян. 17, 26). Примѣръ такой любви къ отечеству показалъ намъ Самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ. Онъ хотя пришелъ спасти весь родъ чело-вѣческій, по любви къ нему, однако прежде всего проповѣдуетъ Царствіе Божіе народу іудейскому и началъ свою спасительную проповѣдь въ Галилеѣ, гдѣ провелъ свое дѣтство и отрочество. Благодѣтельствуя всѣмъ, Онъ однако прежде всего благодѣнія свои оказывалъ своему отечеству, среди котораго благоуродно было Ему явиться на землѣ (Мтѣ. 15, 24; 10, 5, 6; 23, 37; Лук. 19, 40—44), и первое чудо сотворилъ на бракѣ въ Канѣ Галилейской. Св. Апостоль Павелъ также питалъ къ своимъ соотечественникамъ такую любовь, что желалъ быть отлученнымъ отъ Христа для ихъ спасенія (Рим. 9, 3), и поучалъ вѣрующихъ: *будемъ дѣлать добро всѣмъ, въ особенности своимъ по вѣрѣ* (Гал. 6, 10); а въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *если же кто о своихъ, и особенно о домашнихъ не печется, тотъ отрекся отъ вѣры и хуже невѣрнаго* (1 Тим. 5, 4. 8). Плѣнный народъ іудейскій отечество свое считалъ выше всякаго веселія. *Аще забуду тебе, Иерусалиме, взывалъ пророкъ отъ лица его, забвена буди десница моя; прильни языкъ мой къ гортани моему, аще не помяну тебе, аще не предложу Иерусалима яко въ началъ веселія моего* (т. е. выше веселія моего) (Пс. 136, 5, 6). Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, не любить свое отечество преимущественною любовію, когда мы сами всѣмъ обязаны ему: въ нѣдрахъ отечества мы вкусили первыя радости жизни; оно дало и даетъ намъ средства не только существованія, но и образованія; отечество охраняетъ наши права и собственность; здѣсь поприще нашей общественной дѣятельности; здѣсь открыты для насъ средства и удобства

жизни; здѣсь наши родители, братья, сестры, родственники, друзья, соплеменники, съ которыми мы тѣсно связаны своимъ происхожденіемъ, вѣрою, законами, языкомъ, нравами, обычаями и проч.; здѣсь покоится прахъ нашихъ предковъ; здѣсь, ляжетъ со временемъ, если будетъ благоугодно Богу, и нашъ прахъ.

Любя свое отечество, желая ему всякаго блага и счастья, православный христіанинъ долженъ принимать самое живое участіе въ судьбахъ своего отечества, и всѣми мѣрами содѣйствовать его благосостоянію и возвышенію. Такое участіе и содѣйствіе должно выражаться въ свободномъ и охотномъ исполненіи такъ называемыхъ повинностей государственныхъ, каковы, напр., подати, и въ принятіи и отправленіи особенныхъ служебныхъ обязанностей, напр.: служенія по общественнымъ выборамъ, служенія воинскаго, выпадающаго по жребію, или по порядку, или же по особенному усмотрѣнію Верховной власти. *) Кто старается избѣгать подобныхъ

*) Во время войны Персовъ съ Греками императрица Зоя пожелала призвать на службу Грузинскаго князя Торникія, который раньше долгое время съ честью служилъ въ полкахъ греческихъ, но потомъ, оставивъ военную службу, принялъ монашество и проводилъ дни свои въ обители Аѳанасія Аѳонскаго. Торникій отказался было отъ ея предложенія. Но преподобный Аѳанасій, въ присутствіи старѣйшихъ и болѣе уважаемыхъ иноковъ, съ отеческою властію сказалъ ему: „Мы всѣ дѣти одного отечества, и потому всѣ обязаны защищать его. Неизмѣнная обязанность наша—молитвами ограждать и защищать отечество отъ враговъ. Но если Верховная власть признаетъ нужнымъ употребить на пользу общую и руки наши и грудь, мы безпрекословно должны повиноваться. Братъ возлюбленный! Кто думаетъ и поступаетъ иначе, тотъ прогнѣваетъ Бога. Если ты не слушаешь Царя, устами коего вѣщаетъ Самъ Господь; то будешь отвѣчать предъ нимъ за кровь избѣженныхъ твоихъ соотечественниковъ, которыхъ ты могъ, но не хотѣлъ спасти; будешь отвѣчать и за разореніе храмовъ Божіихъ. И такъ, иди съ ми-

обязанностей или не хочеть исполнять ихъ, какъ должно, тотъ нарушаетъ одинаково и гражданскій и нравственный христіанскій законъ: *воздадите всѣмъ должна*, сказано, *ему же урокъ—урокъ, ему же дань—дань* и проч. (Рим. 13, 7).

2) Въ особенныхъ пожертвованіяхъ на пользу отечества, по требованію его нуждъ, особенно въ какихъ нибудь трудныхъ и тяжелыхъ для него обстоятельствахъ, напр., во время войны, общественныхъ бѣдствій и проч. Пожертвованія эти могутъ и должны простираются до полного самоотверженія гражданина для общаго блага. *Больши сея любви никтоже иматъ, да кто душу свою положитъ за други своя*, сказалъ Спаситель, и этимъ показалъ, что любовь къ ближнимъ вообще, а тѣмъ болѣе любовь къ своему народу, отечеству,—любовь самоотверженная составляетъ высшій не только гражданскій но и нравственный подвигъ добродѣтели.

Истинная самоотверженная любовь къ своему отечеству не исключаетъ однако любви и расположенія и ко всѣмъ другимъ народамъ. Она требуетъ отъ сыновъ

ромъ и, защищая отечество, защити и св. Церковь. Не бойся утратить чрезъ это сладостные для насъ часы Богомыслия. Моисей предводительствовалъ войскомъ и бесѣдовалъ съ Богомъ. Въ любви къ ближнему заключается и любовь къ Богу. Дерзну сказать, что любовь къ ближнему пріятнѣе Богу, нежели ревностное попеченіе о спасеніи своей только души; ибо *никтоже изъ насъ себѣ живетъ, и никтоже себѣ умираетъ*. Тронутый этимъ Торникій, не смотря на свое отреченіе отъ міра, по волѣ Царской, принялъ начальство надъ войскомъ, и Богъ благословилъ его счастливымъ успѣхомъ. Въ нѣсколькихъ сраженіяхъ разбивъ Персовъ, онъ принудилъ ихъ заключить выгодный миръ для Греціи и, исполнивъ свое призваніе, снова посвятилъ себя уединенной жизни, устроивъ свой на Аѳонѣ монастырь, извѣстный подъ названіемъ Иверскаго (Учил. Благоч. ч., 5. Пов. 47, стр. 117—120. См. Записки по Нр. Богословію прот. Солярскаго, т. III, стр. 467—468).

отечества признанія правъ всякаго человѣка не только на справедливость и уваженіе, но и на братскую любовь къ себѣ, и только противъ враговъ своего отечества, посягающихъ на его честь и благосостояніе, побуждаетъ сыновъ отечества дѣйствовать всѣми законными средствами защиты, хотя бы защищая свою страну, они должны были наносить вредъ чужой; потому что въ подобныхъ случаяхъ дѣйствіями христіанина управляетъ не ненависть и злоба, а желаніе обуздать злую волю другихъ и оградить законную свободу отъ беззаконнаго насилія, По этому нельзя назвать истинными сынами отечества тѣхъ людей, которые, любя свое отечество, свой родной народъ, питаютъ ненависть и злобу ко всѣмъ другимъ народамъ.

Истинной, самоотверженной любви къ отечеству противопоставляется и другая крайность, такъ называемый космополитизмъ, отрицающій законность преимущественной любви и расположенія къ своему отечеству и проповѣдующій одинаковую, равную любовь ко всему человѣчеству. Но ложность такого ученія опровергается уже вышеизложеннымъ относительно естественности и законности такой любви. Въ добавленіе же ко всему этому нужно еще замѣтить, что космополитизма въ собственномъ смыслѣ быть не можетъ. Такое ученіе ниспровергаетъ само себя, оставаясь при своихъ началахъ одною пустою мечтою. Космополитъ, при равномъ своемъ доброжелательствѣ ко всѣмъ, если хочетъ быть послѣдовательнымъ и вѣрнымъ своимъ началамъ, никогда не можетъ выдти изъ своего міроваго равновѣсія, и слѣдов. никогда не рѣшится обнаружить свою любовь въ поступкахъ, потому что каждое обнаруженіе нарушитъ его міровое равновѣсіе. Сдѣлавши какое либо доброе дѣло, онъ естественно сдѣлаетъ его въ извѣстномъ мѣстѣ, въ извѣстное время и для извѣстныхъ

лицъ, и слѣдов. необходимо выйдетъ изъ своего равновѣсія. Такое ученіе является противнымъ религіознымъ и нравственнымъ требованіямъ христіанства и весьма вреднымъ для общественной гражданской жизни людей. Подъ предлогомъ всеобщаго человѣколюбія космополитизмъ поселяетъ и питаетъ въ человѣкѣ одно равнодушіе, холодность и безчувственность къ ближнимъ. Это ученіе ослабляетъ всѣ общественныя связи и отношенія. Отношенія родителей и дѣтей, родственниковъ, друзей, всѣ общественныя связи, отечественныя законы, вѣра, нравы, обычай—все должно потерять для человѣка свое истинное значеніе.

Власть верховная, ея важность и права.

Ни въ какомъ обществѣ не можетъ господствовать порядокъ и благоустройство, если оно не имѣетъ блюстителя порядка или Верховной власти, которая давала бы вѣрное направленіе общественной дѣятельности, сосредоточивая ее въ одной главной цѣли. Гдѣ нѣтъ Верховной Власти, тамъ граждане уподобляются стаду безъ пастыря, въ которомъ господствуютъ одни беспорядки и необузданное своеволие, сопровождающіяся общою гибелью; тамъ на самомъ дѣлѣ исполняется то, что сказалъ Премудрый: *Имже нѣтъ управленія, падаютъ какъ листы* (Притч. 11, 14). Поразительнымъ примѣромъ этого служатъ въ исторіи народа Божія времена безначалія въ періодъ Судей (Суд. 17, 6; 18, 1; 19, 1; 21, 23 и др.). Евреи долгое время жили безъ Царя: но умноженіе внутреннихъ беспорядковъ и непрестанныя угнетенія со стороны сосѣдей живо давали имъ чувствовать всю нужду Верховной власти; и они дошли, наконецъ до того, что, не смотря на представленіе имъ оправданія царева и тягостей государственныхъ повинностей, настоятельно требовали себѣ Царя (1 Цар. гл. 8.).

Подобное мы видимъ и въ нашемъ отечествѣ еще до водворенія христіанства. Внутренніе беспорядки и постоянная опасность со стороны вѣшнихъ враговъ довели нашихъ предковъ до того, что они отправили пословъ къ Варяго—руссамъ сказать имъ: „Земля наша обширна, но порядка въ ней нѣтъ; идите княжить и владѣть нами“, и добровольно подчинили себя вызвавшимся для этого тремъ братьямъ. По этому всеблагій, премудрый и благопромыслительный Господь, для обузданія своеволія людей и для упорядоченія ихъ общественной жизни, даровалъ имъ *Верховную власть*, власть Царя, да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ (1 Тим. 2, 1—2). Онъ Самъ избираетъ и поставляетъ ихъ, Самъ и руководитъ ими. *Многую царіе царствуютъ*, говоритъ Господь, *и сильніи пишутъ правду* (Притч. 8, 15). Въ новомъ завѣтѣ Самъ Господь въ отвѣтъ своемъ Пилату указываетъ на высшее происхожденіе правительственной власти: *Не имали власти ни единыя на мнѣ, аще не бы ти дано свыше* (Іоан. 19, 11). Ап. Павелъ пишетъ: *нѣсть власть, аще не отъ Бога* (Рим. 13, 1). Избирая и поставляя Царей на столь великое и многотрудное дѣло служенія благу государства въ управленіи народомъ, Господь даетъ имъ и силы къ достойному прохожденію своего служенія. Видимымъ знакомъ этого избранія и сообщенія имъ невидимой благодатной силы для этого высокаго служенія Самъ Господь установилъ таинственное помазаніе Царя св. муромъ (1 Царст. 10, 1; Пс. 88, 21—30). Со дня помазанія на царство Саула Духъ Господень сошелъ на него и онъ сдѣлался инымъ мужемъ (1 Цар. 10, 6). Со дня помазанія Давида на царство, Духъ Господень почивалъ и на Давидѣ (1 Цар. 16, 13). Почивая на помазанникахъ своихъ со дня помазанія ихъ, Духъ Святой озаряетъ ихъ умъ свѣтомъ истины, а

потому умъ Царя въ св. Писаніи называется умомъ Божиимъ. *Израильтяне увидѣли, что мудрость Божія въ Соломонѣ* (3 Цар. 2, 35). Слова, распоряженія и велѣнія Царя св. Писаніе называетъ словомъ свыше вдохновеннымъ, словомъ пророческимъ: *пророчество во устнхъ царевыхъ*, (Прем. Сол. 16, 10). По такому великому значенію царской власти, по такому обильному изліянію благодатныхъ даровъ Духа Святаго на Царей, по такой близости ихъ къ Царю небесному, и самый престолъ земныхъ Царей называется престоломъ Господнимъ: *и сядѣ Соломонъ на престолъ Господнемъ, какъ Царь* (1 Цар. 29, 23). И какъ древле Израиль, такъ и всѣ христіане искони свято вѣрятъ, что въ многознаменательномъ и спасительномъ таинствѣ помазанія Царя на царство, Царь почерпаетъ ту силу, которая необходима ему для прохожденія столь высокаго и многотруднаго служенія, каково служеніе Самодержца—Царя. Всѣ вѣрятъ, что Царь небесный Царя земнаго помазуетъ *святимъ елеемъ*, что Духъ Божій *носитъ отъ того дне надъ нимъ* (1 Цар. 16, 13), наставляя его на всякую истину, дивно охраняя драгоценную жизнь его, содѣлывая полнымъ любви предъ очами Бога и челоуѣковъ.

Будучи такимъ образомъ свыше облеченъ властію и силою для блага общественнаго, Державный Правитель народа имѣетъ высшія права и преимущества. Онъ имѣетъ право учреждать и предписывать все то, что, по его благоусмотрѣнію, можетъ содѣйствовать благосостоянію и процвѣтанію общества. А именно: онъ имѣетъ право 1) издавать законы и постановленія для достиженія конечной цѣли общества, дополнять и объяснять ихъ, если онъ признаетъ это необходимымъ для блага общества (Притч. 8, 15). Онъ же имѣетъ право и отмѣнять эти законы для этой цѣли. 2) Наблюдать за

точнымъ исполненіемъ изданныхъ законовъ и производить судъ надъ ихъ нарушителями,—имѣть право употребить награды и наказанія для возбужденія и поощренія однихъ или для исправленія и вразумленія другихъ (Рим. 13, 3, 4; ср. 1 Петр. 2, 15). 3) Для охраненія безопасности и защиты гражданскаго общества, онъ имѣть право набирать и содержать войско (1 Цар. 8, 11, 12). Для удовлетворенія разнымъ потребностямъ государства, имѣть право налагать налоги и собирать подати (1 Цар. 8, 14—47). Для огражденія безопасности своего государства отъ внѣ, имѣть право миролюбиво сноситься съ другими державами, заключать съ ними договоры и союзы и, въ случаѣ необходимости, силою оружія защищать права своихъ подданныхъ. Война, какъ неизбежное зло для предотвращенія большаго зла, какъ средство для огражденія общественной безопасности и необходимая защита своихъ правъ противъ насилія и несправедливостей другихъ людей, дозволяется самимъ Словомъ Божиимъ. Самъ Богъ попускаетъ ее, употребляя орудіемъ Своего правосудія противъ недостойныхъ (Исх. 17, 8—16; Втор. 28, 15—25, 49—52; и друг.). Самъ Господь, говоря о войнахъ, не осуждаетъ ихъ (Лук. 14, 31, 32), а даетъ видѣть въ нихъ дѣйствіе правосудія Божія на нечестивыхъ (Лук. 19, 43, 44; ср. 21, 20—24; Марк. 13, 7, 8). Св. Іоаннъ Креститель также не осуждалъ воинскаго званія, а внушалъ только воинамъ вѣрно исполнять свои обязанности (Лук. 3, 14). Тоже видимъ и въ ученіи Апостоловъ. Ап. Павелъ говоритъ, что *верховный Правитель не напрасно мечъ носитъ; онъ Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое* (Рим. 13, 4).

Обязанности подданныхъ къ своему Государю. Соотвѣтственно великой важности и значенію Верховной власти, для блага подданныхъ, а также соотвѣтственно

ея высокимъ правамъ и преимуществамъ, подданные должны питать къ своему Государю 1) искреннюю любовь и уваженіе, основанную на страхѣ Божиимъ (1 Петр. 2, 17), или любовь, соединенную съ благоговѣніемъ къ Государю. Самъ Господь заповѣдуетъ намъ: *не прикасайтесь помазаннымъ Моимъ* (Ис. 104, 15; сравн. Исх. 22, 28), т. е. не только не возставайте противъ Государя, но и не прикасайтесь даже такъ, какъ прикасаются къ чему либо безъ усилія, безъ намѣренія, по легкомыслию, по неосторожности: потому что и въ этомъ нерѣдко непримѣтно погрѣшаютъ. Такъ подданные иногда ропщутъ, когда налагается на нихъ какое нибудь бремя, хотя и не тяжелое и главное необходимое,— осуждаютъ, когда видятъ дѣйствія и распоряженія Власти верховной несогласныя съ ихъ образомъ понятія. Противъ этого-то и говоритъ заповѣдь: *не прикасайтесь помазаннымъ Моимъ. Повинуйтесь за совѣсть*, по глубокому уваженію къ Царской власти, происходящей отъ Самого Бога. 2) Искреннюю сыновнюю любовь свою они должны доказывать а) точнымъ и неуклоннымъ исполненіемъ его повелѣній и законовъ, безпрекословнымъ повиновеніемъ властямъ судебнымъ и исполнительнымъ въ государствѣ, какъ органамъ Державной Власти и отечественныхъ законовъ. Примѣръ такого повиновенія показалъ намъ Самъ Господь нашъ І. Христосъ (Мтѣ. 17, 23—27; Лук. 12, 13, 17). Такое повиновеніе внушали вѣрующимъ и св. Апостолы: св. ап. Петръ говоритъ: *повинитесь всякому человѣчу начальству Господа ради: аще Царю, яко преобладающему: аще ли княземъ, яко отъ него посланнымъ* (1 Петр. 2, 13, 14; ср. Римл. 13, 7). Съ другой стороны, они строго обличали тѣхъ, которые отрицали права всякой человѣческой власти и старались внушить христіанамъ непокорность гражданскаго власти (1 Петр. 2, 10, 13, 14, 18, 19; Іуд. 1, 8, 16).

б) Молитвою за Царя и за всѣхъ, *уже во власти суть, чтобы въ тихомъ и безмолвномъ житіи пожить во всякомъ благочестіи и чистотѣ* (1 Тим. 2, 1, 2). Это долгъ каждаго вѣрноподаннаго христіанина, котораго требуетъ отъ него не только благо отечества, котораго Государь есть отецъ, но и благо правосл. Церкви, которой онъ есть защитникъ и покровитель; это пріятно и Спасителю нашему Богу (ст. 3). в) Содѣйствіемъ Государю въ устроеніи общественнаго благополучія какъ вѣрнымъ и усерднымъ исполненіемъ общественныхъ должностей, какія кто имѣетъ по своему званію и состоянію, такъ охотнымъ и усерднымъ пожертвованіемъ для блага общественнаго всѣмъ своимъ благосостояніемъ—деньгами, имуществомъ, даже самую жизнью.

Вѣрноподданническая присяга. Всѣ вѣрноподданные сыны Царя и отечества, при вступленіи ихъ на государственную службу, даютъ клятвенное обѣщаніе, или присягу на вѣрное, нелицемѣрное и самоотверженное служеніе Государю Императору и Наслѣднику Цесаревичу. Клятва или присяга есть торжественное, именемъ Божиимъ утвержденное удостовѣреніе о чистой истинѣ объявляемаго и о вѣрномъ исполненіи обѣщаемаго. Употребленіе присяги свидѣтельствуетъ о томъ, что люди еще не возвысились нравственно до того, чтобы вѣрить простому слову другого: „да, да“, или „нѣтъ, нѣтъ“ Слѣдовательно, употребленіе клятвы въ человѣческомъ обществѣ происходитъ съ одной стороны изъ недовѣрія другъ къ другу, а съ другой стороны изъ того предположенія, что въ человѣкѣ не исчезло и благочестіе и что онъ, поставляя себя въ присутствіи всевидящаго Бога и призывая Его во свидѣтели, подвигнется сказать истину и не солгать. Такимъ образомъ цѣль вѣрноподданнической присяги та, чтобы извѣстнымъ нашимъ словамъ и обѣщаніямъ придать значеніе непреложной истины и

чтобы, при помощи этого чрезвычайнаго средства, вѣрнѣе сохранить правосудіе въ обществахъ и сильнѣе побудить людей къ исполненію ихъ обязанностей и обѣщаній. Иначе, назначеніе клятвы или присяги—способствовать распространенію и утвержденію Царства Божія на землѣ, которое есть *правда, миръ и радость о Дусѣ Святѣ* (Римл. 14, 17), и къ уменьшенію пороковъ и преступленій.

При такомъ важномъ значеніи клятвы или присяги для распространенія и утвержденія царства Божія на землѣ, Богъ не только не запрещаетъ ее, но утверждаетъ и освящаетъ тѣмъ, что и Самъ клянется. *Многo Самъ кляхся, глаголетъ Господь Аврааму* (Быт. 22, 16). И Апостоль объясняетъ это слово Господне точно, какъ образецъ клятвы. *Аврааму обѣтовала Богъ, понеже ни единъ имъше большимъ клятися, клятся Собою* (Евр. 6, 13). Нѣтъ сомнѣнія, что Богъ, по снисхожденію, даетъ здѣсь своему обѣтованію образъ человѣческаго удостовѣренія. Израильтянамъ Онъ даже закономъ предписываетъ клятву, только чтобы они произносили ее во имя Его: *именемъ Моимъ клянися* (Исх. 22, 8—11). И Самъ І. Христосъ, будучи спрошенъ преосвященникомъ іудейскимъ съ клятвою, уважилъ клятву и далъ ему прямой отвѣтъ о Божествѣ своемъ (Мтѣ. 26, 63, 64). Св. Ап. Павелъ употребилъ клятву для Коринскихъ христіанъ: *Азъ, говорилъ онъ, свидѣтеля Бога призываю на мою душу, яко щадя васъ ктому не придохъ въ Коринѣ*. (2 Кор. 1, 23). Въ Апокалипсисѣ Іоанна повѣствуется, что *Ангель (видѣнія) воздвиже руку свою на небо и клятися живущимъ во вѣки вѣковъ* (Апок. 10, 5, 6). Само собою понятно, что, сообразно великой важности и значенію клятвы или присяги, она должна быть произносима только въ важнѣйшихъ случаяхъ и свидѣтельствовать только одно истинное, которое для клянущаго

ся вполне известно, или же подтверждать обещание искренно желаемое и вполне возможное для клянущагося. Ко всему этому должно прибавить, что она должна быть вполне сознательная, произносима съ величайшимъ вниманіемъ и благоговѣніемъ (этого требуетъ величіе имени Божія) и свободная, соединяемая съ полною рѣшимостью человѣка никогда неизмѣнять клятвъ.

Вступая на ту или другую государственную службу, подданные Государя произносятъ клятвенное обещаніе предъ святымъ и животворящимъ Крестомъ Господнимъ и св. Евангеліемъ, поднимая при этомъ правую руку со сложенными перстами такимъ образомъ, какъ они складываютъ ихъ для крестнаго знаменія. Въ заключеніе клятвеннаго обещанія присягающіе цѣлуютъ слова св. Евангелія и Крестъ Спасителя. Цѣлованіе словъ св. Евангелія и св. Креста Господня указываетъ на то, что клянущійся, въ залогъ вѣрности своей клятвы представляетъ самое драгоцѣнное для него вѣчное спасеніе, совершенное чрезъ крестныя страданія І. Христа и возвѣщаемое во св. Евангеліи Его, и что въ случаѣ невѣрности или нарушенія присяги, онъ подвергаетъ себя всей строгости праведнаго суда Божія.

Состояніе семейное.

Въ составъ семьи входятъ слѣдующія лица: супруги, они же и родители, дѣти, во многихъ семействахъ еще и слуги.

Семейное состояніе имѣетъ весьма важное значеніе и въ отношеніи къ каждому человѣку въ частности, и въ отношеніи къ Церкви, и въ отношеніи къ государству. Въ отношеніи къ каждому человѣку въ отдѣльности оно есть первое состояніе, въ которое вступаетъ каждый, по своему рожденію. Здѣсь онъ, подъ вліяніемъ родителей и воспитателей, развивается и совершенствуется

ся какъ въ тѣлесномъ, такъ и въ душевномъ отношеніи; здѣсь онъ получаетъ первыя понятія о своемъ назначеніи, о своихъ обязанностяхъ и отношеніяхъ, — научается порядку, трудолюбію, покорности и благочестію. Здѣсь и послѣ, когда дѣлается уже членомъ общества и несетъ гражданскія обязанности, онъ находитъ для себя успокоеніе, утѣшеніе и счастье.

Въ отношеніи къ Церкви оно является разсадникомъ Царства Божія на землѣ, членомъ Церкви Христовой. Благочестивое семейство, воспитывая добрыхъ и благочестивыхъ членомъ Церкви, даетъ ей все необходимыя условія для ея благосостоянія и процвѣтанія. Благочестивые любящіе родители воспитываютъ благочестивыхъ и любящихъ, послушныхъ и преданныхъ дѣтей. Первыя основныя и естественныя расположенія и чувствованія дѣтей къ родителямъ: сыновняя любовь и преданность, искреннее довѣріе и откровенность и проч. развиваются въ душѣ человѣка и соотвѣтственныя религіозно-нравственныя добродѣтели: христіанскую вѣру, надежду и любовь къ Богу, подчиненіе Его св. закону и Евангелію. Церковь Христова, имѣющая цѣлю своею просвѣтити христіанствомъ все народы, только въ той мѣрѣ достигаетъ этой цѣли, въ какой она способствуетъ проникновенію духа христіанскаго ученія въ семейство. На семействѣ основывается твердость Церкви. Исторія показываетъ, что въ тѣ времена, когда религіозная жизнь ослабѣвала и погасала въ обществахъ, въ семьяхъ сохранялся еще священный огонь, свѣтъ и теплота котораго постепенно проникали и въ общество, и такимъ образомъ оживляли и возраждали угасавшую было жизнь общества. Семья и Церковь, во взаимномъ единеніи между собою, даютъ основу и твердость всему нравственному міру. Каждое обновленіе народной жизни,

каждая коренная реформа должны выходить главным образом и прежде всего изъ этихъ сферъ жизни.

Семейство является неразрушимымъ принципомъ и для государства. Любовь къ семейному, домашнему очагу расширяется до любви къ отечеству, которая готова принести величайшія жертвы, даже самую жизнь за Бога и законъ, родителей, жену и дѣтей, братьевъ и всѣхъ своихъ соотечественниковъ. Напротивъ, если въ самомъ семействѣ искажены основныя начала жизни, если испорчено это зерно общественнаго развитія и порядка, то сколько бы ни творили мы искусственныхъ формъ, онѣ не принесутъ съ собою здоровой жизни для общества, не упрочатъ его благосостоянія. Помимо семейства, помимо воспитанія не возможно устроить на прочныхъ основаніяхъ общественный и государственный порядокъ.

Святость супружескаго союза. Супружескій союзъ установленъ и освященъ Самимъ Богомъ, Сотворивъ мужа и жену—Адама и Еву, Господь Богъ благословилъ ихъ, сказавъ: *раститесь и множитесь, и наполните землю, и господствуйте ей...* (Быт. 1, 28). Такимъ образомъ, по силѣ своего первоначальнаго установленія, утвержденного и освященного Самимъ Богомъ, супружескій союзъ долженъ быть почитаемъ, какъ союзъ нравственно чистый, святой. Въ христіанской Церкви супружескій союзъ является образомъ святѣйшей тайны духовнаго союза Христа съ Церковію. Въ таинствѣ брака мужъ и жена, принимая благодатные дары, освящающіе ихъ брачный союзъ, получаютъ особенныя силы и средства къ должному исполненію важныхъ своихъ обязанностей (Еф. 5, 23—32). Въ христіанскомъ бракѣ возвышены права и значеніе женщины: по идеѣ христіанства, жена имѣетъ такое же право на совершенную вѣрность мужа, какое имѣетъ мужъ на безусловную

вѣрность жены. И при томъ, жена является не только помощницей мужа во временной жизни, но и сонаслѣдницей его въ жизни вѣчной.

Дѣти, раждающіеся отъ христіанскихъ супруговъ, имѣютъ то важное преимущество, что они по самому уже рожденію своему принадлежатъ къ избранному, святому народу, и потому сами святы, между тѣмъ дѣти не христіанскихъ супруговъ нечисты (1 Кор. 7, 14). Апостоль, свидѣтельствуя о важности брачнаго союза, называетъ его великимъ таинствомъ (Еф. гл. 5). союзомъ досточтимымъ (Евр. 13, 4), не допускающимъ разводовъ (1 Кор. 7, 10, 11), и тѣхъ, кто унижаетъ достоинство брака, называетъ лжецами, сожженными въ своей совѣсти, духами обольстителями, и ихъ ученіе—бѣсовскимъ (1 Тим. 4, 1—5). Бракъ или супружество, будучи законно и свято сохраняемо, служитъ самымъ естественнымъ и благонадежнымъ средствомъ къ христіанскому воспитанію дѣтей. Въ отношеніи къ самимъ супругамъ, оно избавляетъ ихъ отъ многихъ искушеній, уничтожаетъ или ослабляетъ дурныя наклонности и страсти и порождаетъ многія чистыя добродѣтели, содѣлывающія ихъ наслѣдниками Царства Божія.

Чтобы чистота и святость супружескаго союза болѣе и болѣе возвышалась и одухотворялась, для этого необходимо, чтобы сами супруги свято соблюдали свои обязанности, указываемыя имъ Словомъ Божиимъ и св. Православною Церковію, какъ по отношенію другъ къ другу, такъ и по отношенію къ своимъ дѣтямъ. Обязанности эти слѣдующія:

1) *Взаимная любовь, уваженіе и расположеніе другъ къ другу.* По самому свойству супружескаго союза, мужъ и жена должны любить другъ друга, какъ самихъ себя, ибо они *не двое, а одна плоть* (Марк. 10, 8) *Никто же бо когда плоть свою возненавидѣтъ, но питаетъ и*

грѣтъ ю, якоже и Господь Церковь (Еф. 5, 29). Любовь, соединяемая съ уваженіемъ, какъ вообще есть *исполненіе закона* (Рим, 13, 10) и *союзъ совершенства* (Кол. 3, 1, 4), такъ и въ особенности есть обильный источникъ и союзъ всѣхъ супружескихъ добродѣтелей. Она служитъ источникомъ взаимнаго спокойствія и счастья, облегчаетъ труды и скорби, отвращаетъ или уменьшаетъ несчастія. Но эта любовь должна быть основана на любви ко Христу, должна быть безкорытна, самоотверженна и постоянна, такъ чтобы время не охлаждало, а напротивъ укрѣпляло и возвышало ее, не смотря ни на какія обстоятельства домашняго ихъ быта.

2) *Супружеская вѣрность*. Вѣрность супружеская должна быть неизмѣнна до смерти и чужда не только дѣль, но мыслей и пожеланій прелюбодѣйныхъ (Мтѣ. 5, 27, 28). Супруги должны почитать себя принадлежащими другъ другу и составляющими одну плоть.

3) При вѣрности супружеской, мужъ и жена должны соблюдать чистоту и цѣломудріе, сдерживать свои чувственныя пожеланія и остерегаться, чтобы *сатана не искушалъ ихъ воздержаніемъ* (1 Кор. 7, 5); вообще вести себя свято, достойно призвавшаго ихъ Святаго (1 Сол. 4, 7).

4) Взаимная любовь другъ къ другу между супругами нерѣдко ослабѣваетъ и нарушается отъ взаимнаго недоверія, подозрѣнія, скрытности. Отсюда происходятъ различныя безпокойства и мучительныя скорби для сердца, вражда, взаимныя оскорбленія и проч. Этого, конечно, не должно быть между христіанскими супругами, и потому они всѣми мѣрами должны заботиться о сохраненіи между собой взаимнаго доверія и откровенности. При искреннихъ и откровенныхъ отношеніяхъ нѣтъ мѣста подозрѣніямъ, а слѣдовательно, и проистекающимъ изъ нихъ разнымъ безпокойствамъ и неприяностямъ.

5) Но если, и независимо отъ этого, возникаютъ между супругами какія либо неприяности, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ слабостей и недостатковъ со стороны того или другого лица, они должны заботиться объ устраненіи ихъ; лучшимъ средствомъ для этого служить *терпѣніе и снисхожденіе*.

6) Наконецъ, они во всемъ должны помогать другъ другу не только въ житейскихъ матеріальныхъ нуждахъ, но и въ духовныхъ потребностяхъ, т. е. должны утверждать другъ друга въ истинѣ и добродѣтели, молиться другъ за друга и другъ съ другомъ, и такимъ образомъ составлять въ маломъ кругѣ своемъ домашнюю Церковь, находящуюся подъ осѣненіемъ св. православной Церкви. Особенно это нужно дѣлать тогда, когда супруги будутъ имѣть дѣтей.

Въ частности, мужъ, какъ глава жены, или какъ глава своего тѣла (1 Кор. 11, 3), долженъ любить свою жену: *любай бо свою жену, себе самого любить. Никтоже плоть свою возненавидѣ, но питаетъ и грѣтъ ю, якоже и Господь Церковь* (Еф. 5, 28, 29). Въ силу такой любви, онъ долженъ заботиться объ ея умственномъ и нравственномъ совершенствѣ, о сохраненіи и возвышеніи ея честнаго имени, объ ея здоровьѣ, о содержаніи и о всемъ внѣшнемъ благосостояніи ея, равно какъ о благосостояніи всего семейства. И каждому человѣку, а тѣмъ болѣе мужу и отцу семейства должны быть чужды безпечность и нерадѣніе. Апостоль учить: *Аще кто о своихъ, паче же о присныхъ (домашнихъ) не промышляетъ, въры отвергся есть и невѣрнаго горшій есть* (1 Тим. 5, 8). Высочайшій образецъ, къ которому христіанинъ долженъ, по возможности, приближаться въ этомъ отношеніи, указывается Апостоломъ въ слѣдующей заповѣди: *Мужіе, любите своя жены, якоже и Христосъ возлюби церковь, и себе предаде за ню* (Еф. 5, 25). Мужъ

долженъ употреблять всё средства, чтобы духовное образование и направленіе жены были достойны ея христіанскаго званія, чтобы мелочи житейскія не поглощали всего ея вниманія и не заглушали въ ней потребностей духовныхъ и стремленій къ благамъ вѣчной жизни. Истинно любя свою жену, мужъ долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ и уважать ее, какъ свою помощницу, какъ хозяйку дома, какъ мать семейства. По этому, хотя она и *немогущійшей сосудъ*, онъ долженъ оказывать ей приличную честь и во всѣхъ важныхъ семейныхъ случаяхъ долженъ совѣтоваться съ ней и тѣмъ поддерживать взаимное согласіе и общеніе между собою, взаимную откровенность и довѣріе. *Мужья, благоразумно обращайтесь съ своими женами, какъ съ сосудомъ слабѣйшимъ; и оказывайте имъ честь, какъ сопослѣдницамъ животворной благодати* (1 Петр. 3, 7),—вотъ христіанское правило супружескаго обращенія, въ исполненіи котораго—вѣрное средство не только къ предупрежденію нарушеній супружеской вѣрности, но и къ постоянному продолженію той нѣжности и задушевности отношеній, которыя въ брачномъ союзѣ отражаютъ благодатный союзъ Христа съ Церковію и сохраняютъ на супружествѣ благословеніе Божіе. Даже и въ такихъ случаяхъ, когда ея совѣты и замѣчанія не могутъ быть приняты по основательнымъ причинамъ, онъ долженъ со всѣмъ благоразуміемъ показать ихъ несостоятельность, не оскорбляя ее и не нарушая ея правъ.

Жена, по заповѣди Апостола, должна повиноваться и уважать своего мужа. *Жены, повинуйтесь своимъ мужемъ, якоже подобаетъ, о Господь* (Кол. 3, 18); *якоже Церковь повинуется Христу, такожде и жены своимъ мужемъ во всемъ* (Еф. 5, 24). Сказано также: *жена да боится своего мужа* (Еф. 5, 33). Очевидно, что повиновеніе и страхъ жены не должны быть рабскіе, но

свободные, искренніе,—повиновеніе въ всемъ, что не противно закону,—охотное, по ясному сознанию естественнаго и нравственнаго преимущества, какое имѣеть мужъ,—страхъ, какъ опасеніе, чтобы не оскорбить чѣмъ либо любимаго мужа. Но если бы иногда жена и превосходила своего мужа образованіемъ, опытностію, то и въ такомъ случаѣ, по свойственной ей скромности и по заповѣди Апостола, она должна съ уваженіемъ и почтеніемъ относиться къ своему мужу.

Хотя забота объ изысканіи средствъ, о содержаніи и благосостояніи всего дома и распорядительное попеченіе о немъ принадлежитъ мужу, какъ главѣ дома, но и жена должна также заботиться объ общемъ семейномъ благѣ, усматривать выгоды и невыгоды семейныхъ обстоятельствъ и съ приличною скромностію предлагать свои мнѣнія и совѣты мужу; должна наблюдать бережливость, порядокъ и опрятность въ домѣ, избѣгая суетной пышности, расточительности, пристрастія къ внѣшнимъ украшеніямъ и увеселеніямъ; должна всѣми мѣрами заботиться объ облегченіи трудовъ своего мужа и о возможномъ услажденіи домашней жизни, къ чему наиболѣе служить ея разумная покорность и нѣжная внимательность, соединяемая съ снисходительностію къ самымъ недостаткамъ его, особенно когда они не важны.

Воспитаніе дѣтей въ духъ православной вѣры.

Супруги, дѣлаясь родителями, самымъ естественнымъ чувствомъ побуждаются любить своихъ дѣтей, какъ плоть и кровь свою, и слѣдовательно воспитывать ихъ, давать имъ истинное, религіозно-нравственное направленіе, приводить ихъ въ мѣру возраста исполненія Христова, и такимъ образомъ содѣйствовать достиженію ихъ временнаго и вѣчнаго блага. Воспитаніе дѣтей

возлагается на родителей Самим Богомъ. *Отцы*, заповѣдуетъ имъ Слово Божіе, *воспитывайте дѣтей своихъ въ наставленіи и ученіи Господнемъ* (Еф. 6, 4) Никто ближе родителей не стоитъ къ дѣтямъ и никто лучше ихъ не можетъ выполнить задачи воспитанія, если только они употребятъ къ тому всѣ посильныя средства. Правда, различныя обстоятельства (недостатокъ собственного образованія, недостатокъ средствъ, занятія по службѣ и т. п.) могутъ сильно затруднять для нихъ это дѣло; но только въ рѣдкихъ случаяхъ могутъ лишать ихъ возможности исполнить ихъ, какъ должно. За то трудъ этотъ сторицею вознаграждается для нихъ какъ въ здѣшней жизни, такъ особенно въ будущей. Благовоспитанныя дѣти служатъ наилучшимъ утѣшеніемъ родителей во дни преклонныхъ лѣтъ ихъ и залогомъ милости Божіей къ нимъ въ жизни будущей (Притч. 9, 12; 10, 1; Ис. 8, 16, 18). Апостоль Павелъ говорить, что воспитаніе дѣтей *угодно есть предъ Богомъ* (1 Тим. 5, 4).

Принадлежа сами къ святой Православной Церкви, родители должны, конечно, и дѣтей своихъ воспитывать въ духѣ православной вѣры. По этому они должны прежде всего позаботиться о томъ, чтобы ввести дѣтей своихъ въ Церковь Христову посредствомъ таинства Крещенія (Іоан. 3, 5, 6), или содѣлать ихъ членами тѣла Христова. Отечественный нашъ богословъ, преосв. Теофанъ, предлагаетъ слѣдующіе совѣты для воспитанія младенца—христіанина. Во первыхъ, необходима вѣра и благочестіе родителей. Хотя душа младенца какъ бы не имѣетъ еще движенія въ первые мѣсяцы, дни и даже годы своей жизни, но вліяніе на нее родителей несомнѣнно существуетъ. Это вліяніе бываетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе родители преданы сердцемъ младенцу. Если душа родителей проникнута благочестіемъ, то быть не

можетъ, чтобы она не дѣйствовала и на душу дитяти. Лучшимъ внѣшнимъ проводникомъ при этомъ служить взоръ. Пусть чрезъ него до души дитяти доходятъ души отца и матери съ чувствами святыми. Необходимо, чтобы во взорѣ ихъ свѣтилась не одна любовь, которая такъ естественна, но и *вѣра*, что на рукахъ у нихъ болѣе, чѣмъ простое дитя, а образъ и подобіе Божіе, человекъ искупленный драгоценною кровію Іисуса Христа, и *надежда*, что Тотъ, Кто даровалъ имъ подъ надзоръ это сокровище, дастъ имъ и достаточныя средства, чтобы воспитывать будущаго члена Церкви и наследника царства Божія (Путь ко спас. ст. 22—23).

Затѣмъ, главнымъ средствомъ къ религіозному воспитанію дѣтей служитъ непосредственное вліяніе на нихъ примѣра родителей и другихъ окружающихъ ихъ лицъ. Благочестивое настроеніе родителей и другихъ членовъ семьи, проявляющееся въ искренней сердечной молитвѣ, благотворно вліяетъ на религіозное воспитаніе дѣтей. Мать, напр., становится на колѣни и усердно молится, читая вслухъ молитву. Подражая матери, ребенокъ тоже становится на колѣни, крестится и кланяется, какъ умѣетъ. Повторяя слова молитвы за матерію, онъ не останется при одномъ механическомъ повтореніи словъ, лишь-бы матерняя молитва не была одною бездушною формою. Въ немъ есть уже залогъ Духа Божія, который *свидѣтельствуется духу нашему, что мы дѣти Божіи* (Римл. 8, 16), и дѣтская молитва можетъ быть и будетъ въ немъ дыханіемъ этого Духа, если она возбуждается чистымъ чувствомъ молящейся матери. Когда ребенокъ начинаетъ вслушиваться въ рассказы, пусть мать, няня или другой кто рассказываетъ ему событія изъ священной, особенно изъ евангельской исторіи тѣмъ дѣтскимъ языкомъ, которымъ лучше всего умѣютъ говорить матери. Отецъ въ эту

пору не можетъ еще входить такъ близко въ воспитаніе ребенка, какъ мать, однакожь и онъ не долженъ уклоняться отъ участія въ этомъ дѣлѣ. Особенно домашнія молитвы въ извѣстные часы должны быть совершаемы не только съ нимъ, но и лучше всего имъ самимъ, что имѣетъ важное значеніе для религіознаго настроенія всего семейства.

Большое вліяніе на христіанское развитіе дѣтей имѣетъ также частое ношеніе ихъ въ Церковь, прикладываніе ко св. Кресту и Евангелію: молитвенное настроеніе молящихся въ храмъ и самый ходъ Богослуженія сильно вліяютъ на возбужденіе и развитіе истинно религіознаго чувства; весьма полезно въ этомъ отношеніи и дома поднимать ихъ къ иконамъ, чаще осѣнять крестнымъ знаменіемъ, особенно предъ отходомъ дѣтей ко сну. Словомъ, все церковное чудеснымъ образомъ согрѣваетъ и питаетъ благодатную жизнь дитяти. Необходимо, затѣмъ, возможно частое причащеніе дѣтей Святыми Тайнами и, съ возрастомъ, постепенное пріученіе ихъ къ исполненію разныхъ религіозныхъ требованій (наприм. говѣнія), возлагаемыхъ Церковію на каждаго изъ членовъ ея. Катехизическіе уроки вѣры, конечно, не всѣ родители могутъ преподавать дѣтямъ своимъ сами: этотъ недостатокъ можетъ быть восполненъ потомъ школою или Церковію. Но если родители передаютъ въ этомъ отношеніи немногое, то передадутъ главное и наилучшимъ образомъ. Они научатъ дитя сердечно и твердо вѣровать въ Бога, во Христа Спасителя, въ Его св. Церковь и въ этой вѣрѣ почерпать одушевленіе и помощь для благочестивой жизни.

Вообще родители, для развитія и укрѣпленія въ дѣтяхъ религіозныхъ познаній, стремленій и чувствованій, должны пользоваться всѣми средствами, какія дарованы намъ для этого Богомъ, какъ въ откровеніи

естественномъ, такъ и сверхъестественномъ. Особенно благодѣтельное вліяніе на нихъ могутъ оказать дѣйствія Божественной премудрости, святости, всемогущества, правосудія и благодати Божіей въ судьбахъ человѣческой жизни. Долгъ родителей въ данномъ случаѣ указать здѣсь дѣтямъ пути Промысла Божія и сдѣлать ихъ внимательными къ судьбамъ своей жизни и жизни общественной. Случаевъ здѣсь можетъ быть весьма много. Каждое особенное обстоятельство, возвышеніе счастія, удаление опасностей, защита и покровительство въ нуждѣ, избавленіе отъ враговъ, успѣхъ или неудача въ предпріятіяхъ, различныя общественныя бѣдствія и пр., все должны обращать въ предметъ благоговѣйнаго размышленія о Богѣ и Его Промыслѣ (Исх. 13, 8; Втор. 6, 4—8; 32, 4; Пс. 77, 3—8; Тов. гл. 11 и др.).

Всѣ наставленія свои они должны преподавать дѣтямъ постепенно, по мѣрѣ ихъ пріемлемости, и всегда съ искреннимъ участіемъ сердца, такъ чтобы дѣти находили удовольствіе размышлять о Богѣ, говорить и слушать о Немъ, ходить предъ Нимъ и Ему повиноваться,—чтобы мысль о Богѣ производила на нихъ благоговѣйный страхъ о томъ, какъ-бы не оскорбить Его чѣмъ либо недостойнымъ и живое стремленіе дѣлать всегда угодное Ему, чтобы они всякое дѣло начинали и оканчивали съ Богомъ, помня, что безъ Бога мы ничего добраго не можемъ сдѣлать.

Все дѣлая съ своей стороны для укрѣпленія своихъ дѣтей въ вѣрѣ, благочестіи и добродѣтели, въ истинной любви къ Богу, ближнимъ и самому себѣ, родители должны помнить, что сами по себѣ они не успѣютъ въ этомъ великомъ и многотрудномъ дѣлѣ, если не будетъ высшаго содѣйствія; и потому терпѣливо и безропотно перенося съ своей стороны всѣ трудности воспитанія, должны постоянно просить Подателя

всѣхъ благъ о дарованіи имъ высшей помощи въ этомъ дѣлѣ; должны къ Нему постоянно обращаться и Его молить о своихъ дѣтяхъ, чтобы Самъ Онъ возвращалъ ихъ въ страхъ своемъ, удалялъ отъ зла и укрѣплялъ во всякомъ благомъ дѣлѣ, предавая жизнь и судьбу ихъ въ Его Отеческое промышленіе (Парал. 29, 19).

Но однихъ внушеній, наставленій и предписаній, сопровождаемыхъ даже добрымъ примѣромъ родителей и другихъ окружающихъ лицъ, недостаточно бываетъ для того, чтобы дѣти неуклонно слѣдовали указываемому имъ религіозно-нравственному пути. Жизнь не мало можетъ представить случаевъ, которые могутъ совратить ихъ съ истиннаго пути, погубить ихъ души. Возстать изъ своего паденія и направить себя опять на истинный путь человѣку, только что развивающемуся въ своихъ силахъ, бываетъ трудно, а иногда даже и совсѣмъ невозможно. По этому, ему нужно оказывать въ этомъ помощь, предупреждать его нравственное паденіе, а если оно уже совершилось, помочь возстать изъ него, и поступать такъ до тѣхъ поръ, пока не образуется въ немъ навыкъ къ нравственно-доброму. Средства для этого есть положительные и отрицательныя.

Положительныя средства заключаются въ прямомъ содѣйствіи и помощи дѣтямъ касательно исполненія ими нравственныхъ обязанностей. Когда, наприм., замѣчается въ дѣтяхъ охлажденіе къ исполненію своихъ обязанностей, какія внушаетъ имъ св. вѣра и которымъ поучаютъ ихъ родители и воспитатели, и какъ будто нравственная усталость, усыпленность, родители или воспитатели могутъ одушевить ихъ личнымъ и искреннимъ участіемъ въ дѣлѣ; когда въ отношеніяхъ ихъ къ другимъ прорывается что нибудь нетерпѣливое, раздражительное и тому подобное, они могутъ благоразумнымъ посредствомъ, сердечнымъ участіемъ, перестановкою об-

стоятельствъ, дать лучшее направленіе ихъ чувствамъ и расположеніямъ. Къ отрицательнымъ средствамъ относятся внѣшнія побужденія, какими можно дѣйствовать на дѣтей, съ цѣлю непрерывно поддерживать его въ исполненіи всего добраго, похвального. Таковы, напримѣръ: похвала и выговоръ, награда и наказаніе, пріятное общаніе и угроза.

Въ виду того, что нравственное добро бываетъ истинно только тогда, когда оно совершается вполне свободно, безъ всякаго принужденія, необходимо признать, что изъ указанныхъ средствъ только первыя могутъ имѣть существенное значеніе, а послѣднія сами по себѣ не способны дать ничего для положительнаго образованія нравственнаго характера, и потому не имѣютъ особенной цѣны. Въ рѣдкихъ случаяхъ, съ особенною осторожностію, они могутъ быть употребляемы для того, чтобы удержать воспитанника отъ зла или дать хотя невольный поворотъ къ добру. Но за этими отрицательными средствами непременно и тотъ-часъ же должны слѣдовать положительныя; иначе отъ первыхъ скорѣе можно опасаться вреда, чѣмъ ожидать пользы. Вообще христіанское воспитаніе должно совершаться въ духѣ кротости и любви. Любовь должна проникать собою все отеческія мѣры къ религіозно-нравственному, воспитанію дѣтей. Въ такомъ духѣ воспитаніе дѣтей должно быть какъ домашнее, такъ и школьное.

Обязанность православнаго во всѣхъ обстоятельствахъ жизни и въ затрудненіяхъ руководиться ученіемъ св. Писанія и св. Церкви.

Св. Писаніе, какъ слово Бога всевѣдущаго, премудраго и всеблагаго можетъ умудрить каждого человека во спасеніе. Въ немъ всеблагій и премудрый Богъ

далъ все необходимое и полезное человѣку для праведной и благочестивой жизни, чтобы онъ былъ совершеннымъ человѣкомъ, готовымъ и способнымъ на великое доброе дѣло (2 Тим. 3, 16—17). Оно совершеннымъ образомъ удовлетворяетъ всѣмъ главнымъ стремленіямъ человѣческаго духа къ истинѣ, добру и красотѣ, открываетъ ему истинное познаніе о Богѣ, Который есть совершеннѣйшая Истина, Добро и Красота,—объ отношеніи Бога къ человѣку и должномъ отношеніи человѣка къ Богу,—указываетъ ему истинную цѣль его жизни и назначенія (Мтѣ. 5, 48; Иоан. 17, 21, 23, 24), а вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ и средства къ достиженію этой цѣли (Иоан. 3, 5; 15, 4, 5; 17, 3; Мтѣ. 22, 37—40; Марк. 8, 34; Фил. 2, 13; Гал. 5, 22, 23 и др.).

Св. православная Церковь Христова *есть столпъ и утвержденіе истины* (1 Тим. 3, 15). Въ нее, какъ-бы въ богатую сокровищницу, по свидѣтельству св. Иринея, апостолы въ полнотѣ положили все, что принадлежитъ истинѣ, такъ что каждый желающій можетъ принимать отъ нея питіе жизни (Прот. ерес. кн. 3, гл. 4).. И она, дѣйствительно, во всей точности и неизмѣнности, во всей полнотѣ и совершенствѣ содержитъ въ себѣ Богооткровенную истину. Будучи постоянно руководима непосредственно Духомъ Святымъ (Иоан. 14, 16, 26), она, въ лицѣ своихъ пастырей и учителей духовныхъ, изъясняетъ эти истины и предлагаетъ ихъ вѣрующимъ, для назиданія и утѣшенія, *чтобы мы не были болѣе младенцами, колеблющимися и увлекающимися всякимъ вѣтромъ ученія по лукавству человѣковъ, по хитрому искусству оболъгченія; но истинною любовію все возвращали въ Того, Который есть Глава, Христосъ* (Еф. 4, 14, 15). Вмѣстѣ съ тѣмъ ей дарованы и всѣ средства, *яже къ живому и благочестію.*

По этому, естественно, каждый христіанинъ во всѣхъ

обстоятельствахъ своей жизни, во всѣхъ бѣдствіяхъ и затрудненіяхъ, въ счастіи и несчастіи, долженъ руководиться ученіемъ св. Писанія и св. Церкви. Руководясь этимъ ученіемъ, онъ разрѣшитъ себѣ всѣ сомнѣнія и недоумѣнія, кавія могутъ возникать въ его кичливомъ умѣ. Слово Божіе и ученіе Церкви можетъ умудрить его во спасеніе и во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, утѣшитъ страждущее сердце его среди разныхъ бѣдствій и несчастій жизни. Такъ, напримѣръ, бѣдствія и несчастія, которыми нерѣдко подвергаются добрые и благочестивые люди, есть одна изъ трудныхъ загадокъ, которая порождаетъ множество сомнѣній и недоумѣній въ душѣ каждаго мыслящаго человѣка. „Видя добраго страждущаго, говоритъ Высокопр. Митроп. Филаретъ, другой добрый страдаетъ и самъ, поелику чувствуетъ состраданіе, и такимъ образомъ отъ одной загадки родится другая: за что и сей страдаетъ? Видитъ сіе слабый вѣрою—и подвергается искушенію въ вѣрѣ. Видитъ склонный къ пороку—и разрѣшаетъ загадку на свою голову: какаѣ же, говоритъ, польза быть добродѣтельнымъ? Видитъ склонный къ невѣрію—и непонятную загадку разрѣшаетъ другою, несравненно болѣе непонятною; онъ, говоритъ: случай господствуетъ въ мірѣ и въ дѣлахъ человѣческихъ“ (Слова и рѣчи, изд. 1848 г. 1, 187). Откровенное ученіе вполнѣ освобождаетъ насъ отъ подобныхъ мучительныхъ загадокъ. При свѣтѣ Откровенія и ученія Церкви, мы имѣемъ возможность „встрѣчать бѣдствіе не какъ врага и мучителя, но какъ справедливаго наказателя грѣховъ, какъ врача душевныхъ болѣзней, какъ посланника Божія для нашего блага, какъ вѣстника благодати (Евр. 12, 6—13; тамъ же, 185). „Я всегда внушаю и непрестану внушать,—говоритъ св. Иоаннъ Злат. своимъ слушателямъ,—чтобы вы не только (въ храмѣ) внимали тому, что говорится, но

и дома постоянно занимались чтением Божественнаго Писанія... Мы, которые волнуемся как-бы среди моря и имѣемъ случай къ безчисленнымъ грѣхамъ, во всякое время нуждаемся въ постоянномъ утѣшеніи отъ Писанія“... (Твор. св. Злат. т. 1, стр. 78; Спб. 1844)